

НЕВЮЛЯ

30 • 2012

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Полосатый крысолов	21
Андрей Ловыгин «Так будет лучше для тебя»	31
Игорь Кичапов Тюряжка	45
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (июль – август 2012 года)	71
«Марш миллионов – кровавое воскресенье» Страницы из дневника Николая Кавказского	87
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	93
Макс Махмаг Заочница, или «Пьющих и судимых просьба не беспокоить»	103

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Квирулянт	114
Татьяна Мальчикова Лечить и не калечить	123
Генрих Цайдер Письмо из немецкой дурки	127

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Ростов – Одесса: история криминальной парочки	136
---	-----

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 октября 2012 г.** в учреждениях УИС содержалось 712,5 тыс. человек (– 43,1 тыс. человек к началу года).

в 745 исправительных колониях отбывало наказание 597,3 тыс. человек (– 42,2 тыс. человек), в том числе:

– **в 136 колониях-поселениях** отбывало наказание 40,1 тыс. человек (– 3873 человека);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1805 человек (+ 31 человек).

В 230 следственных изоляторах и 163 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось 111,8 тыс. человек (– 247 человек).

В 7 тюрьмах отбывало наказание 0,8 тыс. человек (– 233 человека).

В 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних 2,4 тыс. человек (– 388 человек).

В учреждениях содержится 58,4 тыс. женщин (– 3321 человек), в том числе 48,3 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 9,6 тыс. человек, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 741 ребенок.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 471,6 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений,

587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно-производственных мастерских и 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 318 вечерних общеобразовательных школ и 547 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 235 обособленных структурных подразделений, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 338,7 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 246,6 тыс. человек (кроме того – переменный состав 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Новое в законодательстве

При исправительных учреждениях и следственных изоляторах могут создаваться транзитно-пересыльные пункты, предназначенные для временного содержания осужденных, перемещаемых к месту отбывания наказания либо из одного места отбывания наказания в другое (Федеральный закон от 03.05.2012 № 45-ФЗ «О внесении изменения в статью 76 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»).

Установлено, что в таких транзитно-пересыльных пунктах осужденные должны содержаться на условиях отбывания ими наказания в исправительном учреждении, назначенном приговором или определением суда либо постановлением судьи, и с соблюдением требований, предусмотренных ч. 2 ст. 76 УИК РФ (в частности, раздельное содержание мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, осужденных, больных открытой формой туберкулеза или не прошедших полный курс лечения венерического заболевания и здоровых осужденных).

Предельный срок содержания в транзитно-пересыльных пунктах составляет не более 20 суток.

К задачам уголовно-исполнительных инспекций отнесен контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов или ограничений (Постановление Правительства РФ от 23.04.2012 № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций»).

Установлено, что уголовно-исполнительные инспекции являются учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении лиц,

осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста.

Инспекции будут вести учет лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, и разъяснять лицам, в отношении которых избрана данная мера пресечения, условия ее исполнения.

Уточнен порядок выдачи судебных дел для ознакомления в помещении суда (*Приказ Судебного департамента при Верховном суде РФ от 24.04.2012 № 91 «О внесении изменений и дополнений в Инструкцию по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов и Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде»*).

Установлено, в частности, что заявителям и другим заинтересованным лицам по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений, судебные дела выдаются для ознакомления по общему правилу, то есть при предъявлении документа, удостоверяющего личность, а их представителям, защитникам – также доверенности, оформленной в соответствии с требованиями законодательства.

Прокурорам необходимо предъявлять служебное удостоверение (ранее – удостоверение личности), а иным должностным лицам при наличии законного основания – мотивированный письменный запрос.

Предоставление администрацией места содержания под стражей платных услуг защитнику по копированию материалов уголовного дела (*Постановление Правительства РФ от 23.04.2012 № 361 «О порядке предоставления администрацией места содержания под стражей защитнику по его требованию платных услуг по копированию материалов уголовного дела и об установлении тарифов на эти услуги»*).

Установлено, как администрация места содержания под стражей оказывает защитнику по его требованию платные услуги по копированию материалов уголовного дела. Данные услуги предоставляются в специально оборудованном помещении места содержания под стражей. При этом выдаются расходные материалы надлежащего качества, необходимые для копирования.

Для получения услуги защитник в администрацию подает соответствующую заявку, где указывается количество страниц, подлежащих

копированию, а также необходимое число копий. К ней прилагается платежный документ, подтверждающий оплату.

Форму заявки утверждают для соответствующих мест содержания под стражей Минюст России, МВД России, Минобороны России и ФСБ России.

Материалы уголовного дела копируются в присутствии представителя администрации. Последний обеспечивает сохранность копировально-множительной техники и контролирует соответствие количества снимаемых копий указанному в заявке.

Если материалы скопированы в меньшем объеме, чем было заявлено, администрация возвращает защитнику денежные средства.

Тариф установлен в размере 4 руб. за копирование 1 страницы документа.

С 1 января 2013 года осужденные к принудительным работам лица, работающие по трудовым договорам, должны быть застрахованы в системе обязательного социального страхования в установленном порядке (*Постановление Правительства РФ от 05.05.2012 № 464 «О порядке обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством осужденных к принудительным работам, привлеченных к труду»*).

Постановлением Правительства РФ определено, что обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании...».

В процедурах, связанных с оформлением усыновления, установления опеки и попечительства, временной передачи детей на воспитание в семью, будут шире использоваться информационные технологии (*Постановление Правительства РФ от 12.05.2012 № 474 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам передачи детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью»*).

Установлено, что соответствующие заявления в орган опеки и попечительства граждане смогут подавать не только лично, но и с использованием федерального или регионального портала государственных и муниципальных услуг либо через официальный сайт органа опеки и попечительства. Заявления могут подаваться также через должностных лиц многофункциональных центров предоставления государствен-

ных и муниципальных услуг, с которыми у органа опеки и попечительства заключены соглашения о взаимодействии.

Документы, подтверждающие наличие у заявителей необходимых доходов, подготовки, жилищных условий, отсутствие судимости и т. д., запрашиваются органом опеки и попечительства в соответствующих уполномоченных органах посредством межведомственного электронного взаимодействия, процедура которого подробно регламентирована (некоторые документы граждане в последующем должны самостоятельно представлять в оригинале).

Кроме этого, уточнены факты уголовного преследования, наличие которых является основанием для отказа гражданину в усыновлении (удочерении) ребенка либо временной передаче его на воспитание в семью. Установлено, что усыновителями или воспитателями не могут быть лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, а также лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления. Ранее в актах Правительства РФ, так же как и в Семейном кодексе РФ, в который аналогичное уточнение было внесено ранее, упоминалась только «судимость за умышленные преступления против жизни или здоровья граждан».

Дополнен перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ (*Постановление Правительства РФ от 18.05.2012 № 491 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»*).

В частности, в раздел «Наркотические средства» Списка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в РФ запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами РФ (Список I), включены: «АМТ (альфа-метилтриптамин)» и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в пе-

речень; «(Нафталин-1-ил)(4-пентилоксинафталин-1-ил)метанон» и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень.

В раздел «Психотропные вещества» Списка наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в РФ ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ (Список II), включена позиция «Модафинил [(дифенилметил)сульфинил]ацетамид».

Данные дополнения также внесены в крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 07.02.2006 № 76.

Две новые позиции добавлены и в Список прекурсоров, оборот которых в РФ ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ (Список IV).

На сайте Минюста России будет публиковаться список негосударственных центров бесплатной юридической помощи (*Указ Президента РФ от 25.05.2012 № 742 «О внесении изменений в Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313»*).

Поправками, внесенными в Положение о Минюсте России, конкретизированы функции данного ведомства в сфере оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения. Установлено, в частности, что Минюст России: участвует в разработке проектов нормативных актов Президента РФ и Правительства РФ по вопросам развития и функционирования системы бесплатной юридической помощи; координирует деятельность участников этой системы; осуществляет методическое обеспечение деятельности органов государственной власти (местного самоуправления) по данным вопросам и проводит мониторинг их деятельности; ежегодно подготавливает и публикует в средствах массовой информации доклад о реализации государственной политики в указанной сфере; устанавливает единые требования к качеству оказываемой бесплатной юридической помощи; ведет список негосударственных центров бесплатной юридической помощи и размещает его на своем официальном сайте в сети Интернет.

Увеличен размер вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению

органов дознания, предварительного следствия и суда (Постановление Правительства РФ от 25.05.2012 № 515 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»).

Изменениями, внесенными в постановление Правительства РФ от 04.07.2003 № 400, установлено, что размер вознаграждения за 1 день участия составит: с 1 июля 2012 года – не менее 425 рублей и не более 1200 рублей, а за день, являющийся нерабочим или выходным, и в ночное время – не менее 850 рублей и не более 2400 рублей; с 1 января 2013 года – не менее 550 рублей и не более 1200 рублей, а за день, являющийся нерабочим праздничным или выходным, и в ночное время – не менее 1100 рублей и не более 2400 рублей.

Размер вознаграждения адвоката ежегодно будет увеличиваться в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год с учетом уровня инфляции (потребительских цен) одновременно с увеличением должностных окладов судей РФ. Решение об этом будет принимать Правительство РФ начиная с 2014 года.

Также внесено уточнение в Правила оказания адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами, утвержденные постановлением Правительства РФ от 23.07.2005 № 445. Предусмотрено, что при оказании адвокатами юридической помощи военнослужащим вознаграждение адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда, определяется в размере, установленном постановлением Правительства РФ от 04.07.2003 № 400.

Суды разъясняют...

Имеет ли право судья, высказавший до окончания уголовного дела свою позицию о виновности или невиновности подсудимого, участвовать в дальнейшем рассмотрении дела?

КС РФ, указав на необходимость обеспечения беспристрастности и независимости судей при рассмотрении ими уголовных дел (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), признал недопустимым принятие как ими самими, так и вышестоящими судебными инстанциями решений, предопределяющих в той или иной мере выводы, которые должны быть сделаны судом по результатам рассмотрения находящегося в его производстве уголовного дела. Высказанная судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода

о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного итогового решения.

В силу приведенной правовой позиции судья в таких случаях не должен участвовать в дальнейшем рассмотрении уголовного дела, с тем чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность решения, которое будет принято по этому делу в конечном счете. Тем более не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела судья, который ранее принимал решения по вопросам, вновь ставшим предметом судебного разбирательства. В такого рода случаях недопустимость повторного участия судьи в судебном заседании по тем же вопросам не зависит от того, было или не было отменено вышестоящим судом принятое с его участием решение.

Этот вывод в полной мере распространяется на судей, принимавших участие в рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции, поскольку в силу требований ст. 409 УПК РФ в системной связи с его ст. 379 проверка законности и обоснованности итогового судебного решения предполагает обязанность суда надзорной инстанции установить с учетом оснований и доводов жалобы (представления прокурора), соблюдена ли установленная законом процедура рассмотрения дела, достаточны ли собранные доказательства для сделанных в этом решении выводов, соответствуют ли выводы суда, изложенные в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, правильно ли применен уголовный закон, имелись ли у суда достаточные доказательства для постановления приговора, не осталось ли в деле неустранимых сомнений, справедливо ли назначенное судом наказание, а следовательно, высказать свое мнение по существу рассматриваемой жалобы (представления).

Именно этими обстоятельствами обусловлен содержащийся в ст. 63 УПК РФ запрет на участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой или второй инстанции судьи, принимавшего участие в рассмотрении данного дела в порядке надзора.

(Определение КС РФ от 01.03.2012 № 426-0-0)

Допускается ли уголовная ответственность за невиновное причинение вреда?

Согласно принципу вины, закрепленному ст. 5 УК РФ, объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается; лицо подлежит уголовной ответственности

ти только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

(Определение КС РФ от 22.03.2012 № 475-0-0)

Противоречат ли Федеральному закону «О персональных данных» положения абзаца 11 пункта 34 ПВР ИУ (проверки наличия осужденных на общем построении путем количественного подсчета и пофамильной переклички) и приложения № 3 к ПВР ИУ (сохраняет образцы и описание образцов нагрудных и нарукавных отличительных знаков для осужденных) в смысле нарушения конфиденциальности персональных данных?

Федеральный закон «О персональных данных», регулируя отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой государственными, муниципальными органами, юридическими лицами и физическими лицами с использованием средств автоматизации, устанавливает обязанность операторов и иных лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

УИК РФ в статье 10 устанавливает, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях, где действует определенный порядок исполнения и отбывания лишения свободы (режим).

УИК РФ возлагает на администрацию исправительного учреждения обязанность по обеспечению осужденных одеждой установленного образца. Форма одежды определяется нормативными правовыми актами Российской Федерации (ч. 4 ст. 82).

Закрепленная в абзаце 11 пункта 14 ПВР ИУ обязанность осужденных носить одежду установленного образца с нагрудными и нарукавными знаками, где указывается фамилия, инициалы осужденного и номер отряда (отделения), соответствует требованиям федерального законодателя, осуществлено Министерством юстиции Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных ему законом, и не может рассматриваться как разглашение исправительным учреждением персональных данных осужденного.

Приложение № 3 к Правилам содержит образцы и описание образцов нагрудных и нарукавных знаков для осужденных, что само по себе не может нарушать каких-либо прав осужденных.

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 19 устанавливает, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Установленный порядок отбывания наказания в виде лишения свободы предусматривает необходимость проводить проверки наличия осужденных на общих построениях путем количественного подсчета и пофамильной переклички, что не противоречит действующему законодательству.

Таким образом, данные положения ПВР ИУ не нарушают право на конфиденциальность персональных данных, предусмотренное Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

(Решение ВС РФ от 09.04.2012 № АКПИ12-371)

Соответствует ли Конституции РФ и международным нормам установление в УК РФ наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера?

В соответствии со ст. 71 (пункт «о») Конституции РФ для осуществления задач УК РФ федеральный законодатель установил основные и дополнительные виды наказаний за совершение преступлений исходя из закрепленных в ст. 5 и 6 УК РФ принципов вины и справедливости, согласно которым лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, что не выходит за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Установление в законе наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера, согласуется с положениями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года (ратифицированы федеральными законами от 08.03.2006 № 40-ФЗ и от 25.07.2006 № 125-ФЗ), которые предусматривают в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление временного запрета на занятие определенных должностей в публичном и частном секторах лицами, осужденными за преступления коррупционного характера.

(Определение КС РФ от 22.03.2012 № 581-О-О)

Подлежат ли прекращению трудовые отношения, возникшие до 7 января 2011 года с работником, осуществляющим педагогическую деятельность и имевшим судимость или подвергавшимся уголовному преследованию за преступления, указанные в ч. 2 ст. 331 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), после вступления в силу Федерального закона от 23.12.2010 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации»? Если подлежат, то на основании какой нормы Трудового кодекса Российской Федерации?

Федеральным законом от 23.12.2010 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» перечень лиц, которые не допускаются к педагогической деятельности, дополнен в ч. 2 ст. 331 ТК РФ лицами:

– имеющими или имевшими судимость за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности;

– подвергающимися или подвергавшимися уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за те же преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности.

Таким образом, законодатель установил ограничение права на занятие педагогической деятельностью в отношении некоторых категорий граждан.

Данное ограничение обусловлено спецификой педагогической деятельности, содержание которой составляют обучение и воспитание граждан в соответствии с требованиями морали, общепризнанными ценностями уважения к закону и правам других лиц, направлено на защиту общественных интересов и прав обучающихся.

Между тем трудовые отношения носят длящийся характер, поэтому указанные ограничения действуют как в отношении лиц, уже состоящих в трудовых отношениях, так и в отношении тех, кто претендует на занятие педагогической деятельностью.

С внесением в ст. 331 ТК РФ изменений, предусматривающих ограничение на занятие педагогической деятельностью, законодателем введено и новое основание прекращения трудового договора.

Согласно новому п. 13 ч. 1 ст. 83 ТК РФ возникновение установленных данным Кодексом, иным федеральным законом и исключающих возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности является основанием прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон.

На основании изложенного трудовые отношения, возникшие до 7 января 2011 года с работником, осуществляющим педагогическую деятельность и имевшим судимость или подвергавшимся уголовному преследованию за преступления, указанные в ч. 2 ст. 331 ТК РФ, после вступления в силу Федерального закона от 23.12.2010 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» подлежат прекращению на основании п. 13 ч. 1 ст. 83 ТК РФ, то есть в связи с возникновением установленных данным Кодексом, иным федеральным

законом ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности, которые исключают возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору.

(Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за первый квартал 2012 года; утвержден Президиумом Верховного суда РФ 20.06.2012)

Разъяснен ряд моментов применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вступивший в законную силу приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом.

В связи с возникшими у судов вопросами по применению норм главы 40.1 УПК РФ, регламентирующих особый порядок судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, Пленум Верховного суда РФ постановляет, в частности, следующее:

– при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежат соблюдению общие для всех форм уголовного судопроизводства принципы осуществления правосудия. Недопустимо понижение уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства, установленных в том числе главой 40.1 УПК РФ;

– по смыслу положений ст. 317.7 УПК РФ и ст. 316 УПК РФ одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением. В случае если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке;

– если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные

заклученным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке;

– при назначении наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ положения ч. 1 указанной статьи о сроке и размере наказания учету не подлежат. Положения ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ не распространяются на дополнительные виды наказаний. В случае установления исключительных обстоятельств, а равно при активном содействии подсудимого раскрытию группового преступления суд вправе применить положения ст. 64 УК РФ, в том числе при наличии отягчающих обстоятельств.

Назначая наказание лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, за неоконченное преступление, суд руководствуется положениями как ст. 66 УК РФ, так и ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ.

При наличии совокупности преступлений положения ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ применяются при назначении наказания за каждое из совершенных преступлений.

Решая вопрос о назначении наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не должен учитывать положения ч. 7 ст. 316 УПК РФ.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»)

Должен ли определяться точный срок запрета на приобретение нарезного охотничьего огнестрельного оружия гражданами, совершившими правонарушения, связанные с нарушением правил охоты и правил оборота оружия?

Да, такой запрет должен устанавливаться с конкретизацией его срока в зависимости от степени общественной опасности и тяжести совершенного правонарушения.

Положение ч. 10 ст. 13 Федерального закона «Об оружии», которой этот запрет установлен без определения указанных условий, признано не соответствующим Конституции РФ.

Федеральному законодателю предписано внести в Федеральный закон «Об оружии» соответствующие изменения. Установлено также, что до введения нового правового регулирования граждане, совершившие административные правонарушения, связанные с нарушением правил охоты или правил оборота оружия, вправе обращаться за получе-

нием лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом по истечении срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания, ст. 4.6 КоАП РФ). Что касается граждан, совершивших преступления, связанные с нарушением правил охоты и правил оборота оружия, то они вправе обращаться за получением лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом после снятия и погашения судимости в соответствии со ст. 86 УК РФ.

При этом, как отметил Конституционный суд РФ, не исключается право федерального законодателя по-иному определить срок действия указанного запрета, равно как в зависимости от тяжести противоправного деяния и иных характеризующих его обстоятельств установить возможность его бессрочного применения за отдельные виды правонарушений.

(Постановление КС РФ от 29.06.2012 № 16-П)

Когда следователь должен ознакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы: до начала производства экспертизы или в любое другое время?

В соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 того же Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением.

Это процессуальное действие, по смыслу указанных норм, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы; в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст. 198 УПК РФ. Данное требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

(Определение КС РФ от 15.05.2012 № 881-0)

Должна ли обвиняемому, содержащемуся под стражей, вручаться повестка о вызове его на допрос в качестве обвиняемого?

В соответствии с УПК РФ следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения (ч. 2 ст. 172), при этом обвиняемый, находящийся на свободе, извещается повесткой, в которой указываются, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу надлежит явиться, дата и время явки, а также последствия неявки без уважительных причин (ч. 4 ст. 172 и ч. 1 ст. 188), а обвиняемый, содержащийся под стражей, извещается через администрацию места содержания под стражей (ч. 3 ст. 172).

Согласно же ч. 1 ст. 173 УПК РФ, следователь обязан допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения, причем такой допрос производится по общим правилам (за некоторыми изъятиями), закрепленным ст. 189 данного Кодекса, при этом повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи.

Следовательно, ст. 172 УПК РФ, рассматриваемая в системе действующего правового регулирования, не предполагает, что обвиняемый, содержащийся под стражей, может быть лишен права быть вызванным для допроса в качестве обвиняемого (и непосредственно предшествующего ему предъявления обвинения) повесткой, которая затем приобщается к материалам уголовного дела.

(Определение КС РФ от 15.05.2012 № 881-0)

Полосатый крысолов

Замутилась эта история вовсе не тогда, когда в шестом отряде завелась поганая крыса. Если бы мне доверили двинуть кратенькую речугу, я бы начал с той субботы, когда Аркаше Симкину пришло с воли письмоцо на идише от его мамы. Но речугу мне двинуть никто не даст. Потому как не мастак я речи говорить. И вообще говорить не мастак. За что и перекроил арестантский народ мою гордую дворянскую фамилию Маевский на погоняло Мумуевский. Зато, когда вижу листок бумаги и огрызок карандаша, нападает на меня словесный понос. Так что случай про зоновского крысолова я вам изложу во всех красках. Однако по глубокому секрету...

Короче, субботним солнечным деньком сидел я в отрядной локалке и мирно лепил из хлебного мякиша прикольную фигурку одной американской соски из забугорного журнала, который дал мне на время Саня Жук. Саня сказал, что журнал – про кроликов, но не иначе как сбрехал. Ни одного кролика я там не увидел, зато полно было голых баб в мудреных позах. И про девку эту тоже, видать, фазана мне Жук пустил: что зовут ее типа Помело и она дочка известного сказочника Андерсена, какой сочинил сказку за Буратину.

За хлебную куколку обещал Жук плаху чая и блок сигарет. Все-таки хорошей специальности обучил меня татарин Фаридка. Нынче он уже откинулся (в смысле на волю вышел, а не крякнул). Говорят, на таких болванчиках большие бабки рубит. А я на зоне его промыслом перебиваюсь: леплю чебурашек, как папа Карло.

Корячился я над сказочной метелкой часа два. Сиськи вышли удачно. Знатные дойки: соски острые, торчат, как зенитки! Вылитая буренка-несушка с молочно отоваренной фермы. Морда тоже славная: шнифты выпучены и губы рабочие распухли от трудов праведных. Не давалась только мохнатка. Живости в ней не было. А какая мохнатка без

живости? Надо так изобразить, чтобы хотелось прикормить ее с руки. Только протяни ладошку – и весело зачавкает! Наконец дотумкал, чтобы украсить метелкин срам настоящей шевелюрой. Хотел было со своей старой макитры состричь. Но сразу возникает вопрос: с каких ужасов у молодой бабы мокрощелка так поседела, что не идет ни в какой тон с ее природным волосом? Выходит голимая абстракция. А за абстракцию Саня если чего отстегнет, так только хрена лысого.

Пошел я в барак к Володе Афонину. Он уже приличные патлы отрастил, а отрядный на это дело глаза закрывает, потому как Володе все равно скоро на волю выламываться. Что Афоня, не может по-братски клок волос отчекрыжить на алтарь искусства?

Афонию в отряде я не нашел, зато услышал, как шарага сидельцев гогочет, собравшись вокруг Блудного Сына. Блудным Сыном кличут Аркашу Симкина. У него промысел на воле: выдавать себя за родственника знаменитостей и на этом грести лавэ. Сперва мы его обозвали Сыном Лейтенанта Шмидта, но в четвертом отряде начальником как раз лейтенант Шмидт Анатолий Маркович, так что непонятка выходит. Вот и перекрестили в Блудного Сына (а некоторые уточняют – Блудный Сукин Сын).

Аркаша получил письмо от мамани. Зная пристрастия сыночка к хохмам, мама Ида вложила в конверт со своей малявой розовую листовочку – рекламу магазина «Приколись!». С товарами из этого лабаза Блудный Сын и знакомил любопытный народ:

– Секи, братва! «Ручки с исчезающими чернилами», «туалетная бумага в виде долларов», «часы с обратным ходом»...

– Это как понимать? – спросил дневальный Кузнецов, детина с пудовыми кулаками.

– Деревня ты, Кузнец, – хмыкнул Аркаша. – Стрелки крутятся в обратную сторону, и цифры расположены справа налево.

– А как же по ним время узнавать? – не понял Кузнец.

– К зеркалу поднесешь – и всех делов! – разъяснил шнырь Гоша Деловой.

– Так что же мне, трюмо с собой таскать? – не унимался Кузнец.

– А чего с тобой станется? – ехидно заметил Гоша. – Сунул в карман – и всех делов!

– Я серьезно... – надулся Кузнец.

– А если серьезно, ты их вверх ногами надень – и всех делов! – снова посоветовал деловой Гоша.

– Откудова у часов ноги? – буркнул Кузнец и недовольно отошел.

Аркаша тем временем продолжал:

– «Подушки-пердушки», «быки-стриптизеры»...

– Так это наш Костя Муха! – радостно встрял Гоша. – Он без всяких подушек пердит, когда штаны снимает. Пердун-стриптизер! Аркаша, глянь, может, в этом смешном лабазе противогазы продаются?

– Привяжи шемело! – цыкнул на шныря дагестанец Шамиль Гелоев (если кто не в курсе, шемело – та же метла, только вид сбоку). Шамиль взорвал в машине знатного нефтяного «короля» и жаловался, что за это надо не сажать, а награждать. Ведь в zákромах родины сэкономлены миллионы тонн «черного золота», которое стопудово прилипло бы к шаловливым ручкам бизнесмена. – Блудный, давай дальше...

– Давай-давай хреном подавился, – сообщил для справки Аркаша и продолжил свой скорбный список. Кроме уже названных штукювин там значились: карманный самогонный аппарат, трусы «коротко о себе», червячки, которые в воде растут и превращаются в гадюк, пьяные ослы и другие веселые поганки, которые пацанов уже не возбуждали.

Тут внезапно нарисовался смотрящий отряда Коля Тайга и предупредил, что в направлении барака движется с кислой мордой замполит Лимон (в миру – майор Ширко Андрей Юрьевич), который жаждет всех поиметь лекцией о международном положении. Лимона после выжранной «паленки» всегда пробивало на политику, и он шлялся со своим положением по зоне, сея вокруг сонный ужас. Безразмерное брюхо замполита наводило сидельцев на мысль о том, что положение это вдул ему при очередном разносе «хозяин» зоны Илья Ильич Загайло, и теперь Ширко все никак не может разродиться.

А крысу в отряде обнаружили аккурат через неделю после занимательного чтения. Сперва рюхнулся Саня Жук: у него неизвестная падла насунула тот самый блок сигарет, какой он мне обещал за американскую телку-помело. Если бы пропала пачка тарочек (тарочки порусски – это сигареты), он, может, кипиш и не поднял бы. У Сани в мозгу дыра, он сам не помнит, чего куда сунул. Но тут – такой нагряк!

Коля Тайга собрал всех «пассажиров» и предупредил конкретно:

– Народ, зарисуйте себе на лбу: грызунов я в отряде не потерплю. Вы все в курсах, что пришел я с полосатого режима, а на особняке таких фирулей не понимают. Сходу в очко лом загоняют, а во время интимного процесса заставляют крысятника петь гимн России. Ну, чтоб одним чохом научить эту блядь настоящему патриотизму. Хотя, если подумать, в морге патриотизм без надобности. А втираю я вам это к тому, что сегодня блок ежиковых сигарет должен лежать у меня на

столе. Или я буду очень нервничать и начну поиски. Для справки: я большой спец по дератизации...

– Куда-чего в рот? – не понял Шамиль Гилов. – Коля, я такой мамой еще не загибал.

– Дератизация – это когда всякую паскудную шушару давят, – пояснил смотрящий. – И в этом деле я – лучший полосатый крысолов. Поимейте в виду.

Однако крыса Колины слова в виду не поимела. Через два дня она тайно слопала карамель, которая лежала в «гараже» (тумбочка по-нашему) у Вити Кошмарика. Кошмарик поднял по всему бараку такой гай-гуй и вопли-сопли, что дело дошло до начальника отряда капитана Семенова с погремухой Старпер. Прозвище приклеилось к Семенову еще когда он три срока проторчал в старших лейтенантах за бескорыстную любовь к «зеленому змию». Капитаном он тоже бродил лет семь, но предавать свою любовь не собирался. В отряде Старпер появлялся редко, все больше гонял нарды с инженером в цехе тарных ящиков. По ходу дела у меня вопрос: неужто фанерный ящик нельзя сколотить без инженера?

Короче, Семенов вызвал к себе в кабинет отрядного старшину Леху Савелкина и отодрал его, как хрустянин – липку. А на другой день неведомый крысеныш спер у Мыколы Закошука с далекой бандеровщины крем для бритвы. Мыкола прибыл к москалям на гастроли (показывал фокусы с кошельками, исчезающими из карманов) и задержался по случаю на пять рокив дюже строгого режима. Теперь лопоухие жертвы хохляцкого кармаша были отомщены.

Но Коля Тайга рассердился не на шутку. Он поклялся на зуб, что поганый воришка будет разоблачен. И в тот же вечер пригласил к себе на чаек Блудного Сукина Сына...

Даже после страшной клятвы смотрящего крыса не угомонилась. У пацанов то и дело что-то пропадало. Но длилось это безобразие недолго. Коля Тайга умел держать слово.

Как-то вечером я случайно ухватил обрывок разговора Коли с Аркашей Симкиным.

– Точно на кукане? – спрашивал Тайга Аркашу.

– Базаров нет, – радостно отрапортовал тот. – Серьезно захватил, с проглотом. Теперь только надо не упустить, как поплавок дернется.

– На все повелся? – не унимался смотрящий.

Аркаша что-то пошептал ему на ухо, и Тайга довольно ухмыльнулся.

А утро началось с чудес на промке. Есть у нас в рабочей зоне участок по изготовлению мягкой мебели. Когда-то там мандячили кресла в салон самолета ИЛ-86, а потом перешли на офисные диваны. Работа престижная, по зонамским меркам, можно срубить хорошие тити-мити. Но подбирают на этот участок работяг сперва по гнилости нутра, а потом уж по мастеровитости. С нашего отряда пахали там несколько «красноперых», то есть эзков на побегушках у администрации. Да еще новичок Вова Коржик. Он к нам в отряд прибыл с этапа дня через четыре после того, как Аркаша Блудный зачитал письмецо от своей мамхен. Коржик в активе не состоял и даже пытался жужжать вокруг «отрицаловки». А свой фарт с козырным участком объяснил тем, что по воле вкалывал на мебельной фабрике. Повелись на этот отмаз не все, но, как говорится, не пойман – не сука.

Короче, в то чудное утречко случилась на промке какая-то непонятка. Глядим: офицерье бегаёт, как в попу шилом ткнутое. Руками машут, носы зажимают... Че за дела, в натуре? Оказалось, мебельную лавочку срочно пришлось прикрыть! Почему такое? Да по кочану: какая-то падла завоняла весь участок так, что нормальному человеку продыхнуть нельзя! «Главкум» Дима Кутков носится по всей зоне с красивым баллончиком типа «черемухи» и орет во всю глотку:

– Твари гнойные! Животные! Я вам покажу дезодорант «Лунная ночь»! Я вас, паскуды, лунной ночью на «колючке» за яйца перевешаю! Я вам, гниды сучеглазые, все бараки этой сранью опрыскаю и окна заколочу!

Дальше кумовка бросилась по отрядам сеять разумное, доброе, вечное кованым сапогом и добрым матерным словом. Тогда мы и узнали, что неизвестный партизан распылил на участке офисной мебели вонючую заразу, по сравнению с которой тухлые газы обосравшегося скунса проканают под аромат духов «Красная Москва».

Начальство сходу заподозрило вражескую диверсию. А «черные» тут же распустили слух, будто поносная атака является героической операцией «блаткомитета» на предмет дезинфекции зоны от красной арестантской сволочи. Между тем Коля Тайга затеял довольное «жужу-жужу» в курилке с Блудным Сыном и осетинским громилой Алиханом Джичоевым, в простонародье известным как Князь. Я навострил локаторы, но уловил только отдельные обрывки насчет того, что «круг сузился». Какой круг и с каких делов он сузился, я тогда не понял.

Отрядных «мебельщиков» мы в барак не пустили, хотя они и драили себя в бане часа полтора разными душистыми прибабасами – у

кого что нашлось. Однако злоскребучий запах не поддавался никаким мылам и шампуням.

– Который же из вас такую вониючьсть запустил? – поинтересовался Тайга у работяг, прикрывая нос огромным клетчатым платком.

Никто не признался. А Вова Коржик вовсе заявил, что лично он никакого духана не чувствует, потому что у него насморк и нос напроць забит.

«Мебельщикам» еще свезло, что дело было летом. Они скорбно оккупировали беседочку в отрядной локалке. Сидят и ждут, когда их вызовут на допрос к «куму». Сами-то друг к дружке уже принюхались.

Где-то через полчаса по-новой слышим слоновий рев с теми же поминаниями животных, гнид и прочих тварей знойных. Но голосок явно не кума Куткова. Дмитрий Сергеич ревет, как олень, которому яйца дверью прищемило, а этот – визгливый и припадочный. Пацаны высыпали в локалку, глядь – гэцает в центре внимания Вова Коржик, вроде как исполняет босиком ритуальный танец на раскаленных углях. И при этом плюется во все стороны.

– О бля, Коржик шаманит! – тоненько захихикал якутский дедушка Тыгын Тускунов.

Дедушку хлопнули в наших краях с мешочком алмазов. Их скиздили с прииска два Тускунова племяша, а он решил сбагрить «слезки» через своих людишек на Большой Земле. На зоне дед сперва получил погоняло Тускун-Потаскун. Потому как спалился он на дорогой шалаве-«маргаритке», которую не удовлетворил его вялый моржовый хрен. Когда «маргаритка» по нетрезвому делу вякнула за это Тыгыну, дедка оскорбился и настучал ей по репке. Короче, намотали болезному полную катушку по самые некуда.

– Ты чего, дед, попутался? – удивился шнырь Гоша. – С каких это Коржик шаманит? За шамана здесь вроде как я...

«Шаманить» на зоновской мове значит в хате прибираться.

– Дык он в натуре шаманит! – растолковал Потаскун. – Ты на метле летаешь, а он злых духов скликает...

– Я ему, блядь, поскликаю! – сурово пригрозил Коля Тайга. – Эй, Коржик, захлопни помойку! Чего орешь, как халява потерпевшая?

Вова тут же прекратил вертеться юлой и харкать верблюдом.

– Я чего? – жалобно заскулил он. – Я ничего... Тайга, ты сам погляди! Не, вот если бы тебе такую подлянку втюрили?!

Вова неожиданно присел и начал скакать на манер лягушки, одновременно шаря по асфальту пухлыми ручонками. Наконец, что-то отыс-

кал и радостно сунул под нос смотрящему так резво, что тот едва успел отшатнуться.

– Что ты мне за дрэк в нюх суешь? – недовольно отмахнулся Тайга.

– Гляди, какие нынче на воле рандолики лепят! – заныл Коржик, и братва увидела на его грязной ладошке огрызок карамельки. – Не смотрят, падлы, что суют!

Действительно, из конфеты торчала часть жирного тельца черного таракана.

– И как, вкусно? – поинтересовался Тайга.

– Тебе хорошо шутить! – возмутился Коржик и всхлипнул. – Попробовал бы сам, тогда узнал бы...

– Ты у нас сейчас и не то попробуешь, – вкрадчивым ласковым голосом пообещал Вове смотрящий и сделал знак своему подручному Алихану.

– Коржик растерянно захлопал глазами, но тут неожиданно в локалку ввалился председатель СДП Сема Панько со своими «лохмачами». СДП – это секция дисциплины и правопорядка, проще говоря, лагерная полиция из арестантов.

– Вонючки – на выход! – громыхнул Панько и нетерпеливым жестом пригласил «мебельщиков» к калитке.

– Слышь, Пенек, ты нам Коржика оставь на полчаса, – спокойно и вальяжно попросил Тайга председателя СДП приказным тоном. – У меня к нему базар есть.

Обычно с Колей «красные» вязаться не любят. Он все ж таки на бродяжем ходу и в большом авторитете. Так что вякать поперек – себе дороже. Да и Сема – мужик средней подлючести, с ним договориться можно. Но в этот раз он оказался непокобелым и на предложение Тайги ответил жестким отлупом:

– Не в падлу, Тайга, но к нему базар не только у тебя. Этих чудаков сам кум желает помытарить. Так что придется потерпеть маленько.

– Ну что ж, потерпим, – согласился смотрящий. – Господь терпел и нам советовал.

Так примерно через четверть часика после Коржиковых шаманских плясок Старпер отправил нас с Кошмариком на промзону шпионить фанерный щит для стенгазеты «Светлый путь». Путь наш светлый пролегал мимо «хитрого домика», где обитают опера. Едва мы поравнялись с этой обителью скорби и слез, как в кабинете «кума» Димы Куткова раздался громкий хлопок, а следом – серенада бешеных макак на два голоса. Солировал трубный рык «кума», а ему звонко подвизгивал наш Коржик. Затем распахнулась дверь, и ударной волной

наружу выбросило тело несчастного Вовы. «Кумовская» комната расположена на втором этаже, куда ведет железная лестница. Вова слетел с нее, не коснувшись перил, и приземлился носом в асфальт – прямо у ног работяг из мебельного цеха, ожидавших своей очереди на допрос с пристрастием. Работяги шуганулись во все стороны, а Вова остался лежать. Наверно, ему было больно.

Коржик еще не коснулся асфальта, а на пороге уже возник капитан Кутков собственной персоной. Рожа персоны была черной – вроде как в саже или в грязи.

– Ах ты, блядво тунгусское! – заорал «кум», обращаясь к Вова, который тщетно пытался заключить мать сыру землю в сыновьи объятия. – Ах ты, муджахед сраный! Ах ты, террорист недорезанный! Волоките его назад! – приказал Кутков своим подчиненным, которые высыпали на крики, как бомжи – на приглашение к бесплатной похлебке. – Я этому уроду сейчас хрен на пятаки порублю!

Кошмарик в ужасе спрятался за мою спину. А я подгроб поближе, чтобы узнать подробности. Но за любопытство получил дубином по спиняке от прапорщика Пилипко и ускоренной рысью унесся вместе с Кошмариком в сторону «промки».

Лишь значительно позднее удалось выяснить детали происшествия в «хитром домике». Оказалось, Коржика «кум» вызвал на душевную беседу одним из первых. Вова стоял перед Дмитрием Сергеичем навтыжку, руки у него тряслись, голосок вибрировал. Вскоре «кума» это дело стало раздражать.

– Ну ты, трясогузка! – зарычал он. – Я тебя сюда позвал не чечетку сбачать! У нас для плясунов клуб есть. Че мандражируешь? Чуешь, падло, что пришел твой смертный час?

После таких ободряющих слов уши Коржика похолодели, а кости застучали в такт зубам.

– Отставить бздо! – грозно приказал «кум». – Можешь закурить. А то мы так с тобой ни хера и за час не продвинемся.

Дрожащими ручонками Вова достал из кармана пачку сигарет и попытался вставить одну из них в отверстие между пухлыми пересохшими губами.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался яркой пачкой Кутков. – Дай глянуть. Ишь ты! Я таких не видал. Че написано? «Файерболл», что ли... Угостишь начальника оперчасти?

Не дожидаясь ответа, Кутков сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой, затянулся.

– Ничего, – одобрил он. – Хоть вонь отобьет. Тяжелая у меня все-таки работа. Надо, наверно, всю вашу сволоту на дворе пытаться. А то кабинет за неделю не выветрится...

На этом месте кумовских размышлений огонек сигареты дрогнул, затем брызнула вспышка – и что-то грохнуло! Когда дымок рассеялся, первое, что в ужасе увидел Вова Коржик, – закопченную физиономию «кума» с серыми площадками безумных глаз. Хлебальник Куткова был широко распахнут, в углу его прилипла злосчастная сигарета, ствол которой так разворотило, что он напоминал головку диковинного цветка с лепестками вразлет. Дальнейшее вам известно...

Коржика с тех пор никто не встречал. Поговаривали, что после долгого лечения в больничке для эзков его загнали этапом на далекую инвалидную командировку. Ходила еще параша, будто Вова вмяндячили ко всем прелестям жизни еще то ли 205-ю как потомственному террористу, не то 317-ю за покушение на жизнь мента – и отправили в бессрочку на остров Огненный. Но это, по-моему, звиздеж и провокация. Рылом Коржик не вышел для пожизненной зоны. Да и чего тому «куму» сделалось? Харю вымыл – и опять сверкает, как новый гривенник.

После исчезновения Вовы Коржика в отряде перестали исчезать и вещи. Отчего сидельцы сделали вывод, что Коржик эта самая крыса и есть.

– Бог шельму метит, – сурово заметил Егор Андронов, он же Соломон Каторжный. Егор на зоне числился церковным старостой и считался жутко набожным. Что не мешало ему колошматить на катране, приговаривая: «И Христос играл в стос!»

На том вроде как все закончилось. А меня не покидали смутные подозрения насчет духов-вонючек, конфет с тараканами и заминированной сигареты. Неспроста это все, ох, неспроста... Тем паче опера через день после покушения на Диму Куткова прибежали в наш отряд и устроили грандиозный шмон. Чего искали, непонятно. Пострадал только Саня Жук: у него мусора замылили пулеметную ленту гондонов в пестреньких упаковках. А потом долго муржили Саню, на какой предмет он эти гондоны приобрел.

– Да вот на этот предмет! – зло огрызался Саня и тыкал пальцем в мотню. – Хотите, при вас примеряю!

Короче, положенные звиздюлины Жуку отвесили, на этом весь базар и прикрыли.

А я выждал с недельку и заглянул в каптерку, где расположился Коля Тайга. Коля задумчиво сидел у шахматной доски и решал какую-то мудреную задачку.

– Ну, чего тебе? – недовольно поморщился он. – Герасим восемь на семь... Мычи уже, раз зашел.

Я изобразил, будто курю сигарету (сам-то я некурящий), набрал в рот воздуха и пыхнул навроде Винни-Пуха. Затем погрозил Коле пальцем.

– Это что за пантомима? – удивился смотрящий.

В ответ я громко втянул носом воздух, поморщился и покачал головой типа «ай-ай-ай».

– Еще кисляка смандячь и плеватьс я начни, – ухмыльнулся Тайга. – Догадливый ты... Я удивляюсь, как другие не просекли.

Я развернул невидимую бумажку, пробежался по ней глазами и скорчил недоуменную рожу. Затем перекрестил указательные пальцы и пожал плечами.

– Точно, в рекламке не было про эти штукуевины указано, – подтвердил мою догадку Тайга. – Это уж мама Ида на свой вкус подобрала – по Аркашиной просьбе. Загнала все через вольняшку Толика с третьей автобазы – и спрей-вонючку, и конфеты с тараканами, и сигареты-взрывалки. А что, лихо вышло, да?

Я растянул рот в довольной улыбке и закивал.

– Только, Мумуевский, ты язык-то прикуси, – предупредил смотрящий. – Дойдет до оперов – мало не покажется. «Кумовка» таких шуток не любит. Сечешь поляну?

Потом внимательно поглядел на меня и махнул рукой:

– Хотя кому я это говорю...

Андрей Ловыгин

«Так будет лучше для тебя»

I

Я стоял в большом, залитом солнцем кабинете возле дверей. Во главе огромного, отполированного до блеска стола сидел какой-то хмырь в сером пиджаке с красным лицом, рядом расположились дяди и тети с одинаковыми лицами, какие-то искусственные, ненастоящие.

Толком я не понимал, что происходит и чего хотят от меня эти люди.

Накануне к нам домой приходил участковый по делам несовершеннолетних и сообщил матери, что нам с ней надлежит завтра явиться на комиссию.

Мне тогда было четырнадцать лет, мы жили в спальном районе большого города, столицы одной из волжских республик. Семья наша была небольшая – мама, отчим, старшая сестра Наталья и я. Мать и отчим работали, еженедельно отмечали свои трудовые успехи шумными застольями. Я был предоставлен сам себе, что меня вполне устраивало, и рос практически на улице.

Кто помнит начало 90-х, песни Виктора Цоя о жажде перемен, тот знает, что сам воздух был пропитан этим ожиданием перемен, каким-то неопределимым чувством свободы.

Мы, тогда совсем еще дети, сбивались в стайки, начинали баловаться сигаретами и пивом, которое приобреталось в невероятных количествах. Распив его перед очередной дискотекой, мы ввязывались в драки, нам били морды и ломали носы.

В этих подвигах я отличался, и участковый не раз меня допекал своими нудными нравоучениями, но мне все это было по барабану. Вот и оказался по его воле на комиссии.

Когда мы пришли, он уже топтался в коридоре. Он отозвал мать в сторону, что-то внушительно ей втолковывал, кивая в мою сторону. Мать как-то поникла лицом и съежилась, но я тревоги не почувствовал.

Участковый подошел ко мне и сказал:

– Ну, пойдём, Андрюха, мать пока здесь обождет.

И почти втолкнул меня в кабинет, предупредил только, чтобы я не забыл поздороваться.

Меня расспрашивали, отчитывали, обвиняли... И прогуливаю я, и дерусь, и сбиваю с пути хороших ребят, учу их пить и курить, требую, чтобы собирали чай и сигареты для передачи в колонию... Потом что-то долго обсуждали, в итоге велели мне выйти и позвать маму.

Мы с участковым стояли в коридоре, но я почувствовал, что он не просто ждёт, как раньше, а охраняет меня. Я понял, что дело дрянь.

Меня опять позвали в кабинет. Мать жалась возле двери, там же, где недавно стоял я. Следом за мной вошел участковый.

Главный хмырь в сером пиджаке торжественно объявил, что комиссия приняла решение отправить меня в спецучилище на перевоспитание, где из меня якобы сделают настоящего человека и где я получу образование.

– Для твоего же блага, тебе же лучше будет! – закончил свою речь хмырь.

Я уверен, что он искренне верил в то, что говорил.

По сути, это был мой первый приговор, только на этом процессе не было адвоката, и последнего слова мне не дали.

Мы вышли. Мать тихо плакала, держа меня за руку и зачем-то повторяла:

– Прости меня, прости, ничего я не смогла сделать...

Участковый сказал ей, чтобы она приходила на свидание в спецприемник, а меня усадил в милицейскую машину.

Мать стояла на крыльце и утирала глаза платком, у меня от обиды и досады в горле стоял ком, но плакать гордость не позволяла.

II

В приемнике меня обрили наголо, отобрали мои любимы широкие штаны и любимую футболку от *Lacosta*, взамен всучили какое-то барахло вроде больничной пижамы серого цвета и повели в кабинет начальника.

Это оказался веселый мужик, улыбался, шутил, но потом резко сказал:

– Значит, так, пацан. Это не санаторий. Режим не нарушать, слушаться во всем воспитателей и не хулиганить! Ты здесь временно, придет путевка, сразу уедешь в училище. Будешь плохо себя вести – лишим свидания и посадим в карцер. Усек?

– Угу, – промычал я.

Меня повели в камеру. Одно слово, тюрьма. На окнах – решетки, во всем – строгость и казенность.

В приемнике было несколько камер-палат, одна – для девочек, две – для ребят, а также столовая и игровая комната.

Моими сопалатниками оказались два пацана, Гришка и Сашка. Оказалось, что Гришка здесь не первый раз, он, как и я, ждал путевку в училище. Шустрый был пацан, смекалистый и общительный. Мы с ним быстро сдружились.

Гришка был совсем другой, замкнутый, не очень-то с нами общался, часто вздрагивал от любого шума в коридоре и как будто чего-то или кого-то ждал. Наверняка ждал, когда его наконец заберут родители. В приемник он попал как беспризорник, потому что бродяжничал, отловили его у нас в городе на вокзале и теперь ждали, пока из Казани за ним не приедут родители.

Гришка как старожил объяснил мне все про житье в приемнике. Рассказал о воспитателях и надзирателях, об их характерах и привычках. Надо сказать, что я довольно быстро обжился там и смирился с неизбежным будущим.

Воспитатели, всегда в милицейской форме, дежурили посменно день и ночь, рядом всегда был надзиратель.

Особо мы ничем не занимались, обычно смотрели телевизор и играли в настольный теннис. После отбоя Гришка рассказывал разные истории о том, как он путешествовал по Советскому Союзу, и даже на море он побывал. Путешествовал он на поездах, его подсаживали сердобольные проводники и проводницы.

Позже, уже в 1993 году, я тоже проделал такое путешествие, исколесил на поездах всю страну и в Крыму побывал, в маленьком красивом городке Алуште, но это уже совсем другая история.

По ночам в приемнике оставался только один воспитатель и надзиратель-сержант. Нам они не докучали – гоняли чай, а может, что и покрепче, на втором этаже.

Бежать из приемника было невозможно: всюду решетки, во дворе – заборы метра три высотой, к тому же на ночь там спускали собак.

Как-то раз мы с Гришкой договорились с девчонками, что придем к ним ночью – на свидание. Девчонок в приемнике было три. Таня, слегка полноватая, нравилась Гришке. Танюха сбежала из спецучилища и ожидала, что ее вернут обратно. Ленка, худощавенькая блондинка, нравилась мне, и я ей явно был симпатичен. Ее тоже собирались от-

править в спецучилище. Третья, Катька, в наши планы не входила – мала была, не старше одиннадцати лет.

Двери наших камер закрывали на ночь снаружи на шпингалет, но Гришка уже давно научился их открывать с помощью полотна от ножовки. Девчонки нас ждали, но, когда увидели, оробели. Мы, не давая им опомниться, ринулись к ним в кровати, каждый к своей зазнобе.

На самом деле никакого секса не было. Нас просто тянуло друг к другу. Мы целовались как сумасшедшие, нежились, как лебеди, не переходя границу, и получали огромное удовольствие.

Ближе к утру, опьянев от счастливых эмоций, мы вернулись к себе.

С той ночи наши отношения с девчонками стали более теплыми, мы стали чаще смеяться над разными пустяками, и воспитатели явно заподозрили неладное, но нам было плевать.

Днем нас выводили на прогулку во двор, мы ложились на траву и смотрели в небо, на облака. Иногда из-за нехватки времени с нами вместе выпускали и девчонок, и тогда мы трепались на разные темы. Танюха очень не хотела возвращаться в спецучилище, говорила, что ей там плохо, а мы ее подбадривали. С Ленкой мы обменялись адресами и договорились встретиться, но этого не случилось. Гришку увезли в спецучилище куда-то на Кавказ, Ленку с Танюхой одним этапом отправили в Ковров Владимирской области...

Однажды меня вызвали в игровую комнату (где обычно проходили свидания). Там ждала моя бабуля. Матери не было. Бабуля сказала, что мать приболела и не смогла прийти. Бабуля принесла мне пирогов и разных вкусностей, и я с остервенением накинулся на гостинцы. Она мне сообщила, что завтра меня увезут в спецучилище, в поселок Раифа – так ей сказал начальник.

Вдруг она начала плакать, и у меня сразу испортилось настроение. Не люблю, когда плачут. Я стал ее утешать, говорил, что все у меня будет хорошо и переживать не стоит. Она посетовала на мою непутевость, вроде бы немного успокоилась, и мы с ней еще поболтали о том о сем. Потом она прочла мне краткий курс комсомольского поведения в духе Брежнева и вдруг зарыдала. Этого я вынести не мог. Мы обнялись, и я ушел, пообещав писать.

Утром 17 июля 1991 года мне на время вернули мою одежду, надели наручники, посадили в «уазик» и доставили в место, с которым связана моя юность и даже вся моя жизнь...

III

Поселок Раифа находился на берегу большого красивого озера в окружении леса. Это примерно в пятидесяти километрах от Казани. Красота там правда удивительная, и ее дополнял еще раифский мужской монастырь. Именно на его территории частично располагалось спецучилище закрытого типа для трудновоспитуемых подростков. Тогда монастырь только-только начинал возрождаться. В советское время там сначала была колония для малолетних преступников, потом – спецучилище.

Меня с рук на руки передали какому-то усатому типу, как выяснилось, начальнику режимного отдела. Мои данные быстро переписали в журнал и в сопровождении другого режимника отправили сначала в санчасть на осмотр, потом в баню. В бане горячей воды не было, но благо было лето и я так упарился в дороге, что и холодной водой был доволен.

У меня снова отобрали мою собственную одежду и выдали робу, рубашку, панаму, кирзовые сапоги и портянки. Потом режимник сопроводил меня в отряд № 2 и передал главному воспитателю – Галине Федоровне, которую воспитанники между собой называли Гафа.

Галина Федоровна была женщиной лет сорока пяти – пятидесяти со строгими глазами, слегка обрюзгшая. По всему было видно, что она – человек властный и точно знает, как из меня сделать настоящего человека.

Она сухо рассказала мне о распорядке дня, о прочих формальностях и определила меня в отделение № 13.

– Иди пока, познакомься с ребятами и воспитателями. Если что, я вызову.

Я двинулся к двери и опять услышал противный голос Гафы:

– О побеге забудь, Ловыгин!

Я хотел что-то ответить, но не успел, так как она резко сказала:

– Все, топай отсюда.

Отряд делился на несколько отделений, за каждым был закреплен свой воспитатель. Режимники охраняли только КПП и периметр училища. Для иной помощи их привлекали только в крайних ситуациях, в случае побега, бунта и тому подобных. Формы ни воспитатели, ни режимники не носили, и я сомневаюсь, что она у них вообще была.

IV

В отряде было душ сто пацанов, мое отделение находилось на втором этаже, туда я и направился. Моими воспитателями оказались Светлана Ивановна, молодая женщина лет тридцати приятной наружности,

и Григорий Николаевич, довольно взрослый уже мужик с пушистыми большими бровями и добрыми, как у волшебника, глазами.

Я познакомился с пацанами. Большинство, как и я, попало сюда недавно, но были и старожилы. В те времена, когда Союз еще не развалился, сюда свозили трудновоспитуемых подростков со всей страны, от Москвы до Владивостока, везли с Кавказа и из Средней Азии. Возраст – от четырнадцати до восемнадцати.

В отряде по числу отделений имелось пять или шесть бугров. Бугры – это воспитанники лет шестнадцати–восемнадцати, которые пользовались расположением администрации, определенными привилегиями и оставались в училище до совершеннолетия, а иногда и позже.

Вся дисциплина в отряде, а точнее, рабское смирение воспитанников, держалась на них, именно они подвергали воспитанников избиениям и унижениям.

Всех новичков независимо от их смелости и «борзости» ожидала «проверка на вшивость», так называемая «прописка», которую все проходили по-разному, в зависимости от обстоятельств и бурной фантазии бугров. Необходимо было собраться с силами и постоять за себя, не дать слабину. Если с самого начала здешней жизни ты спасовал перед унижением, уступил грубой силе, ты на все время своего пребывания здесь становился изгоем. Выживали сильные, хитрые, дерзкие, способные дать отпор, остальные прозябали...

В нашем отделении бугром был семнадцатилетний парень из Питера по прозвищу Левша, хорошо физически развитый. Бугры имели доступ к тренажерам и боксерской груше.

По территории училища ходить требовалось только строем, по пять человек в шеренге, в ногу и обязательно в кирзачах. Если новичку не удавалось сразу приспособиться, его избивали и унижали просто на ходу. А тех, кто никак не мог научиться, вечерами бугры избивали резиновыми шлангами. Впрочем, били чем попало – черенками от лопат, дужками от спинок кроватей, на которые наматывали вафельные полотенца. Разумеется, в ход шли кулаки и ноги в кирзачах. Из ста человек сорок всегда ходили в синяках и ссадинах.

В моем отделении у меня был земляк Сашка по прозвищу Клика. Мы с ним были знакомы еще на воле. Он попал в училище немного раньше меня. Он был выше меня ростом, широк в кости, обладал большими кулаками, но при этом был неуклюжий, угрюмый, хотя и добрый, как кот Леопольд. Мы стали держаться вместе, потом к нам прибился Серега по кличке Макар из Саратова. Он, как и я, был невысок и худощав, но обладал дерзостью, смелостью и замечательным чувством юмора.

На второй день я столкнулся с Левшой. Вечером перед отбоем он позвал меня к своей кровати, кивнул на свои кирзачи и сказал:

– К утру чтоб блестели!

В первый момент я опешил, но быстро пришел в себя:

– А шнурки тебе, урод, не погладить?

Левша посмотрел на меня с любопытством и злостью.

– Что дерзкий такой? – вызывающе спросил он и тут же добавил: – Ничего, скоро, сменку мне стирать будешь.

Я промолчал и вернулся к своей кровати. Все смотрели на меня с любопытством, а мои друзья сникли, понимая, что это еще не конец.

Без всякой бравады скажу, что буграм мало кто осмеливался говорить «нет». Из ста человек, как я позже узнал, таких было не больше десяти.

На душе было тревожно, я понимал, что неизбежное случится. Бугров боялись все, боялся и я, но не до такой же степени, чтобы чистить сапоги какому-то питерскому ублюдку.

Не прошло и пятнадцати минут, как к нам в спальню пожаловала вся стая бугров в ожидании очередного развлечения.

– Все быстро дернули отсюда. Кроме Ловыгина, – рывкнул главный из них, восемнадцатилетний Серж из Архангельска.

Все пошли к двери, в том числе и мои дружки Клика и Макар. Да и что они могли сделать?!

– Только поднялся в отряд, а уже гонор кажешь? – сказал Левша и неожиданно треснул мне в глаз с такой силой, что я увидел настоящий салют из искр.

Я упал возле шкафа, и на меня обрушился град ударов. Били руками и ногами, попадали по голове, по лицу, по животу. Сначала было больно, а потом время остановилось, и я не могу сказать, как долго меня мутили. Когда я вернулся в реальность, то почувствовал, что мои нос и губы увеличились в размерах, глаза заплыли, как у поросенка, а во рту ощущался вкус соли – кровь.

– Ну что, теперь все ясно? – спросил кто-то.

– Я даже не понял кто. Не знаю, откуда взялись силы, но мной овладела такая ярость, что я резко вскочил на ноги и ринулся как сумасшедший на эту кодлу, но тут же отлетел как мячик, потому что кто-то сбоку саданул мне в ухо. Отлетая, я столкнул в кучу несколько кроватей. Грохот был страшный. Я уже плохо слышал, в ушах гудело, сердце колотилось как бешеное.

Мне стало наплевать, что будет дальше, и я стал подниматься на ноги. Кто это проходил, тот знает, что в таком состоянии человек готов биться хоть с целым войском.

Наконец я поднялся, встал и с трудом выдавил из себя:

– Я никогда никому не буду шнырять.

– Все, ребя, хорош его гасить! На нем места живого нет. Завтра Гафа опять ворчать будет, – сказал, а точнее, скомандовал главный бугор Серж.

Вдруг его поддержал другой бугор, Киса, парень из Омска:

– Ладно, Левша, угомонись. Отстань от пацана, он все равно шнырять не будет. Видно же – он нормальный парень.

Меня усадили на кровать, дали полотенце утереть кровь и даже угостили сигаретой.

– Будем считать, что за «урода» ты ответил, – сказал Левша и добавил: – Но ты, парнишка, все равно особо не борзей, урок будет!

Мне уже все было по барабану – я давно не курил, и у меня поехала крыша. Я провалился в сон.

V

На следующий день я еле-еле открыл глаза. Свет я видел через узенькие щелки. Доковыляв до умывальника и разглядев себя в зеркале, я чуть не рассмеялся, но боль помешала. Я на самом деле выглядел ужасно: голова вся синяя, нос и губы – как у негра, уши тоже распухли. Но мне почему-то было смешно. Воспитатели, конечно, видели все это, но делали вид, что ничего не замечают.

Макар и Клика всячески меня подбадривали, не отходили от меня. Я, разумеется, поведал им все вчерашние перипетии знакомства с буграми. Остальные с расспросами не подходили, искоса с любопытством поглядывали: ведь никто не знал, чем дело кончилось, а бугров все боялись.

После завтрака меня вызвала к себе Гафа.

– Ну вот, Ловыгин, только приехал и уже подрался! – констатировала она с заметной издевкой. – С кем дрался? Кто тебя так разукрасил? Рассказывай! – потребовала она.

– Ни с кем я не дрался, никто меня не бил. Просто ночью упал с кровати.

Она ухмыльнулась и стала переключать бумаги на столе, о чем-то думая. Потом сказала:

– Ладно, иди, космонавт, только не летай больше.

Уверен, она все знала уже от бугров.

Немного позже ко мне подошел Серж и сказал:

– Молодец, пацан, никого не сдал! Ты не борзей все-таки, а Левша тебя больше не тронет.

Он посмотрел на меня не без уважения и ушел.

Таким образом я прошел прописку в заведении, где из меня еще долго пытались сделать человека. Честно говоря, меня тогда впервые так отметили, но организм был молодой и быстро справился...

Внутренняя жизнь училища шла совсем по другим законам, чем те, что предписывались инструкциями. Курить было официально запрещено, неофициально разрешалось буграм, а всем остальным – только с их разрешения.

Самым серьезным нарушением считался побег. За побег пацаны подвергались самым жестоким избиениям и унижениям. Все равно убегали, но их быстро отлавливали. В нашем заведении была традиция: если побегушника ловили, то ему полагалось самому сигать в дырку нужника, в выгребную яму. Туалеты были деревянные, находились на улице, только один – ночной – был в отряде. Если он отказывался, его там же избивали, и он либо прыгал сам, либо его сталкивали туда бугры. После такой процедуры парень становился изгоем, никто не подавал ему руки, почти никто с ним не общался, и он жил под таким моральным прессом постоянно.

Помню, как-то поймали парня, который даже из поселка не успел выбраться. Во время оправки он зашел с первой шеренгой в туалет, где его уже ждали бугры. Снаружи мы услышали сначала удары, а потом дикий вопль, который мертвого бы поднял:

– Не надо! Пожалуйста, не надо!

Потом раздался грохот, плеск, и все затихло. Через пару минут он самостоятельно выбрался оттуда и появился перед нами в слезах, весь в нечистотах и под хохот человекообразных шакалов направился в сторону бани.

Мне было очень жалко этого парня, но я смалодушничал, не посмел вмешаться, спасовал. Я часто вспоминаю этот случай и корю себя за то, что не смог помочь, и совесть, сука такая, грызет до сих пор, спустя двадцать лет.

Воспитатель, пузатый дядя Вася, взрослый мужик, стоял рядом и не вмешивался. Было видно, что для него это обычное дело, он такое уже не раз видел.

Очень часто воспитатели, мастера, начальство и вообще какие-то непонятные люди использовали труд воспитанников в своих личных целях. Ребята (воспитанников забирали группами, под свою ответственность) вскапывали огороды, рыли какие-то ямы под строительство, выполняли самые разные работы, ничего за это не получая. По сути это был рабский труд.

Будет несправедливо, если я не расскажу, что среди воспитателей были и хорошие люди. Как бы плохо ни было, какие бы бесчинства ни творились, некоторые воспитатели пытались вмешаться, чтобы спасти какого-нибудь бедолагу от беспредела. Однако это удавалось только на время, такой воспитатель быстро исчезал, на его место приходил другой, и тогда жертва подвергалась еще большим мукам.

Не могу не рассказать о хорошей женщине, воспитательнице Лидии Федоровне, которая каждое воскресенье приносила пацанам своего отделения румяные горячие пирожки с вишневым вареньем и потихоньку их подкармливала.

Кормили нас в принципе сносно, но порции были малы и есть хотелось всегда. Поэтому в спецухе процветало крысятничество, то есть свои крали продукты у своих. Если такого человека ловили с поличным, его ждала незавидная участь. Сначала его заставляли съесть столько, чтобы он начал блевать, потом избивали и обхаркивали. Часто такой пацан оказывался в санчасти, а потом жил в коллективе тенью.

Наш воспитатель Григорий Николаевич не одобрял методов Гафы и бугров, почти всегда пресекал их действия, и в его смену они никогда особо не зверствовали. Но сам он был очень строг и требователен к воспитанникам. Отношения с Гафой у него были натянутые, и вообще он был «белой вороной» в этом коллективе.

На моей памяти был случай, когда Григорий Николаевич лично отметил одного бугра, который заставлял какого-то новичка стирать ему носки.

Вообще-то люди были разные, но в основном черствые, бездушные и злые, которые видели в нас не детей, не подростков, а ублюдков, и именно так они нас и называли.

VI

Тем временем наступил август 1991 года. Страна разваливалась, а у нас никаких перемен не было, кроме того что в монастыре стали появляться люди в рясах. Монастырь начали реставрировать.

Я уже обжился в училище, нашу троицу бугры особо не допекали, и воспитатели закрывали глаза на мелкие шалости. Дни летели быстро,

можно даже сказать, безмятежно. Однажды мы с Кликой перелезли через забор на территорию монастыря. Работы по восстановлению шли уже вовсю, у нас даже ходили слухи, что нам скоро начнут строить новые мастерские, клуб и столовую, поскольку они находились в зданиях монастыря. Там в первую очередь реставрировали колокольню и храм, где предполагалось проводить службы и обряды.

Мы с Кликой туда отправились из любопытства – и конечно же чтобы раздобыть сигарет. Мы зашли в храм и стали разглядывать его. Вокруг валялись обломки кирпича, куски отбитой штукатурки и прочий строительный мусор. Вдруг откуда-то появился огромный небритый детина в комбинезоне на голое тело, его руки были сплошь усеяны татуировками.

– Вы как тут оказались?

– Да просто так, поглазеть пришли. Нельзя, что ли?

Мужик ухмыльнулся и спросил:

– Вы из спецухи, видать?

– Да, – ответил Клика и попросил: – Куревом не угостишь?

Мужик протянул нам свою огромную, как ковш экскаватора, ладонь и представился:

– Иван. А вас как звать?

Мы по очереди пожали лапу этому гиганту и назвали свои имена.

– Значит, так, пацаны, – сказал Иван так уверенно, будто давно уже все решил. – Вот стоят носилки, перетаскаете весь мусор в яму, дам сигарет, но только чтобы батюшка не знал. Идет?

Мы с Кликой переглянулись, и я спросил:

– Сколько квадратов (пачек) дашь?

– По два на брата.

Мы живо принялись за работу – надо было торопиться, чтобы попасть в училище к разводу на ужин.

Усталые, все в поту, мы получили от Ивана свои заслуженные «квадраты» и рассовали их по карманам. Тут в храм вошел большой человек в рясе. У него была черная борода, длинные волосы и пронзающий душу взгляд. Его звали отец Всеволод. Он посмотрел на нас и сказал:

– Здравствуйте, ребята! Это вы сбежали из училища? Вас уже ищут.

Значит, за работой мы потеряли счет времени и опоздали на развод. Нас ждали неприятности. Мы рассказали ему, как здесь оказались, что делали, при этом умолчав, конечно, про сигареты.

– Да, отец Всеволод, они весь мусор перетаскали вдвоем, сами напросились помочь, – поддержал нас Иван.

Отец Всеволод внимательно посмотрел на нас и сказал:

– Ну, пойдете, ребята, я сам отведу вас к вашему директору, и, надеюсь, с Божьей помощью вас не накажут за самовольный уход.

Когда отец Всеволод привел нас на территорию училища, все обалдели. Некоторые воспитатели зло зыркали на нас, видно было, дай им волю, порвут нас тут же, но в присутствии отца Всеволода точно любящие родители притворно залепетали:

– Андрей, Сашка! Ну где же вы были? Мы вас обыскались, думали, случилось что...

Думаю, от отца Всеволода фальшь не ускользнула. Здесь же находился директор училища, в сторонке стояли ребята из нашего отряда и с любопытством наблюдали за происходящим.

Не успели мы с Кликой открыть рты, как вмешался отец Всеволод.

– Федор Иванович, – обратился он к директору. – Моя вина! Попросил без вашего ведома пацанов помочь и вынести мусор из храма... Вы уж простите мне такое своеволие и не наказывайте их за это.

Директор посмотрел на нас и сказал:

– Молодцы, что помогли. Объявляю благодарность. А теперь – быстро марш на ужин.

С тех пор мы с Кликой раза два-три в неделю ходили помогать реставраторам, это разрешил нам директор, видимо полагая, что труд пойдет нам на пользу. Позже с нами стал ходить и Макар. Мы, конечно, в основном таскали мусор, рыли какие-то ямы, и Иван с мужиками постоянно приносил нам сигареты и всякие продукты, балуя разными вкусностями. В свободное время мы обследовали руины монастыря, забирались на высокую, с девятиэтажный дом, колокольню, садились на самой верхотуре и разглядывали озеро и всю красоту вокруг.

Когда летом 1992 года храм восстановили и стали отправлять службы, я там одним из первых среди воспитанников крестился. И, кстати, крестным отцом моим был Григорий Николаевич.

Этот монастырь, Раифский, сейчас стоит во всей своей красе и останется в моей памяти навсегда.

VII

Помимо монастыря отдушиной для нас была, конечно, школа. Учителя, разумеется, замечали, что пацаны постоянно приходят на уроки избитые, в синяках. Они выражали воспитателям свое неудовольствие, но толку от этого было мало. Я еще стараюсь не шокировать читателя отвратительными подробностями тех унижений, через которые приходилось проходить некоторым подросткам.

За все время, которое я провел в училище, никаких проверяющих я не видел. Воспитатели постепенно привыкали к беспределу, к той жизни, в которой каждому был назначен свой статус. Развлечения воспитанников развлечениями не назовешь, они зачастую были варварскими, дикими и мерзкими, они ломали судьбы еще не сложившихся людей. Находились ублюдки, которые по ночам, потехи ради, выбирая жертву, неспособную к самостоятельной защите, например, проводили ему, спящему, членом по губам или мочились на спящего, хихикая от удовольствия. Конечно, таких ублюдков мы потом сами лупили, но жертва уже была обречена – все становилось известно, и человек был обречен на жалкое прозябание до выпуска из училища.

Детская жестокость границ не имеет, особенно в таком рассаднике беспредела, какой устроили нам взрослые.

Были и другие «шуточки» с оттенком черного юмора. Например, насрать ночью в тапочки или пришить спящему трусы к простыне...

Примерно в середине 1992 года в училище началась какая-то оттепель. Незаметно избиений стало поменьше, и все постепенно стало меняться к лучшему. Не знаю, с чем конкретно это было связано, но, как православный, уверен, что без Божьего Промысла тут не обошлось. В то время монастырь реставрировался очень быстрыми темпами. В храме шли службы, стали приезжать паломники. Воспитанников все больше стали привлекать к работам в монастыре. Многие пацаны принимали крещение, а отец Всеволод все чаще появлялся в училище.

Макар все грезил о побеге, но мы с Кликой его не поддерживали – до выпуска оставалось совсем чуть-чуть и смысла бежать не было.

Незаметно наступила осень, и Макар все-таки сбежал из училища. Его не поймали. Больше я этого человека никогда не видел. Побывав впоследствии в различных лагерях и тюрьмах, я всегда расспрашивал про него, особенно у его земляков, но никто о нем ничего не слышал. Я всегда с теплом его вспоминаю – хлебнул он горя немало, а сумел остаться человеком. Судьба Сашки «Клики» сложилась совсем не так, как моя. После выпуска из училища он до совершеннолетия продержался на свободе и призвался в армию. Потом от его брата я узнал, что он погиб в Чечне – подорвался на растяжке.

Настало время и мне покинуть Раифу, где я провел год и восемь месяцев. Забрать меня приехала мать, но тогда она еще не понимала, что забирает домой совсем другого человека.

Покидая Раифу, я и радовался, и грустил. Ведь там я впервые увидел ростки настоящей мужской дружбы, там я научился чувствовать

опасность, читать людей и понимать, что они все разные, как звезды на небе. Именно там я научился различать зло и добро, познав последнее в крещении и став православным.

Вернувшись домой в 1993 году, я уже практически никогда там и не жил, скитался по всей стране в поисках приключений. С тех пор я жил самостоятельно, один на льдине, которая откололась от острова бытия и на которой я, пожалуй, плыву до сих пор в поисках своего утопического счастья.

В том же, 1993 году я подломил магазин, украл несколько банок тушенки и коробку конфет «Аленушка». Государство сочло меня опасным и отправило в колонию для несовершеннолетних. Колония оказалась мне пародией на спецуху.

Лагеря, тюрьмы, кровь, горе и радость – все пролетело перед моими глазами за эти двадцать лет, но Раифу я никогда не забывал.

Недавно я написал туда два письма. Одно – в администрацию училища, а второе – в монастырь. Меня интересовали судьбы людей, которые оставили по себе добрые воспоминания.

По просьбе святого отца, мне ответил инок, вкратце рассказав о жизни монастыря, и прислал буклет с видами этого чудного места, а также крест и ладанку.

А вот администрация, получив письмо из колонии, не сочла нужным ответить – видимо, им стало досадно, что их усилия сделать из меня человека пропали даром.

«Так для тебя будет лучше», – сказал тот хмырь в сером пиджаке. Может, в каком-то смысле он был и прав: именно в Раифе я стал самим собой и обрел чувство внутренней свободы. Но, думаю, он имел в виду совсем другое...

Тюряжка

Родился я почему-то в городе Невельске, что на Сахалине. Может, потому, что там тогда жили мои родители, а может, тяга к странствиям и к Северу уже тогда во мне стучалась. Потом в возрасте почти года меня имплантировали на Чукотку. Там началась великая комсомольская стройка, и мы на семейном совете решили: ехать! Мой голос был решающим, поскольку я громко орал и мочил пеленки. Видимо эти аргументы и перевесили. Раннее детство проходило весело: мороз, маленькие чукчи вместо игрушек. Садики там еще не было, поэтому в школу отдали с шести лет – как в камеру хранения. Учился я, да не успевал учиться: слишком много интересного вокруг. Верхнего образования так и не достиг. Хотел в космос, да не успел. Дело жизни – поиск и сдача металла. Естественно, не черного. За что в свое время посмотрел на жизнь из-за другой стороны забора. Все это было в исчезнувшем уже Советском Союзе, и мои обвинения, и тарабанившие в меня статьи Уголовного кодекса тоже из давних уже уложений. Но нравы тюрьмы с тех пор практически не изменились...

Когда за тобой впервые захлопывается дверь камеры, появляется странное ощущение, что все это неправда. Все понарошку и не с тобой! Так, наверное, чувствует себя дикий зверь, когда попадает в ловушку. Поэтому волк и отгрызает себе лапу, чтобы иметь возможность умереть свободным. Хотя в моей охотничьей практике так поступала только росомаха. Вот же странное животное! Помесь собаки и медведя, что ли? По коварству, хитрости и уму ей, вероятно, нет равных среди северного зверья.

Я не мог поверить, что это случилось со мной! Ведь не было же предчувствия или что там должно быть? Хотя я знал, что попал в поле зрения «конторы», но ведь считал себя умным! Осторожным и прони-

цательным. Как же так? Но, судя по всему, я влип основательно, и это было только начало. А все потому, что не умею выбирать окружение, да и сам порой веду себя не лучшим образом, хотя вроде и не лох.

Прокол начался глупо. Впрочем, и здесь я наверняка неоригинален, сколько потом встречал людей по тюрьмам, почти все они попали на нары «случайно». Ну вот, приехали в этот поселок мы вдвоем с не очень близким знакомым, так себе кент, почти случайный пассажир. Дело вроде было простое: заказать лотки. Хороший лоток дорогого стоит, и мастеров таких совсем немного. Дело в том, что изготовление путевого лотка – это очень трудоемкий и длительный процесс. Как говорят сами «хищники»: умный лоток любое золото берет. Там и специальная древесина, и у каждого мастера свой секрет. Выдалбливался он из цельного чурбана, высушенного определенным способом, с хитрой технологией отделки рабочих бортов и канавки. Вроде все просто, но получалось у единиц. Способы изготовления настоящие «лоточники» передавали под большим секретом, очень осторожно и не всякому. Большинство этих виртуозов стамески предпочитали брать за работу металлом. Этакий бродяжий форс. Такая вот предыстория.

Было у меня в той нефартовой поездке с собой граммов триста металла. Особо я его не прятал. Положил куда поближе. Тогда только появились первые японские магнитофоны, которые лишь в комиссии-онке можно было купить. Такой «Шарп» был и у меня. Он был без батареек, и я ничтоже сумняшеся определил металл в этот отсек. Казалось, очень удобно. По какой-то причине встречу перенесли на три дня позже. Мастер был в отъезде, и мы решили просто отдохнуть и дождаться его, чтобы не наматывать километры по лесным дорогам.

Номер в гостинице тогда не очень просто было получить, даже при наличии денег, система была такая. Пришлось обаять администратора – женщину постарше лет на пять, но вполне в тогдашнем стиле деловой блондинки: перекинь, усталый взгляд, яркий макияж и неплохая фигурка. В результате совместного похода в ресторан я получил хороший номер на первом этаже, рядом со стойкой администратора. Ну, два дня мы славно бухали. И вот в момент, когда я уже был сильно навеселе, входит эта мадам и говорит:

– Егор, а ты бы не мог дать мне свой магнитофон на завтра? Мы на природу едем.

Как раз завтра – суббота. И вот я в полудреме отвечаю:

– Канеш, возьми. Вон, на тумбочке.

Время было часов шесть вечера, и я благополучно заснул опять.

Проснулся из-за того, что с грохотом вылетела дверь и разлетелось вдребезги оконное стекло. «Альфы», «Беты» и прочие ОМОНЫ в наших краях тогда не водились, но «контора» при желании справлялась на ура, этого у нее не отнять. В общем, в течение трех секунд меня сдернули с теплой кровати и надежно упаковали. Я не мог не то что думать о том, что происходит, но даже дышать. И только увидев за спинами наряда растерянное лицо администраторши, вспомнил. «Бл...!!! Ну кто я после этого?!» Действительность оказалась еще смешнее. Эта мадам была любовницей местного шерифа, то есть начальника милиции, и на природе она собиралась отдохнуть в теплой компании ментов. Когда захотелось туристам музычки, стали включать маг, а он, оказывается, только от сети работает. Но милиция-то продвинутая оказалась и про батарейки уже кое-что знала. Вот администраторшин «лямур» и открыл отсек для батареек!..

Но все это я узнал уже потом, а сначала был жесткий прессинг. Я тупо стоял на том, что купил этот магнитофон в их же ресторане и ничего в нем не успел посмотреть. Отбив кулаки о мои худые ребра, следяки оттащили меня в ИВС – все ж таки суббота, а они тоже люди, и им отдыхать хочется.

На мое «счастье», они на продолжение отдыха взяли с собой именно мой магнитофон. Почему так? Потому как неистребимая тяга к халыве была присуща ментам во все времена. И еще в одном мне повезло: на тот день там содержались только пьяницы и тунеядцы, то есть пятнадцатисуточники, поэтому в камере я оказался один. Плохо было только то, что меня «приняли» раздетого. Дали, конечно, надеть джинсу и рубаху, но все остальное осталось в номере. А если кто помнит наш тогдашний ИВС, то знает, что из всех спальных мест там только «сцена» – это такой деревянный помост типа лежака. Потом-то, в больших городах, я встречал и шконки (железные кровати в два яруса с железными пластинами вместо пружин), но тогда мне досталась «сцена».

Я долго пристраивал на досках свое бедное тело, лежать было больно, жестко, почки болели. Хорошо еще, что хмель до конца из меня не выбили, и я все же смог уснуть. Проснулся от сильной боли во всех местах. Очень хотелось пить. С недоумением оглядывал свой новый «номер». Лампочка, закрытая пластиной с просверленными отверстиями, еле освещала эту каморку. Как я потом узнал, ее ласково зовут «солнышком», и в этом что-то есть, ведь другого, настоящего, в этой камере не увидеть – по причине полного отсутствия окон. Тяжелая металлическая дверь с глазком и кормушкой, бак параша в углу – вот и

вся мебелировка. И вот тут мне стало по-настоящему страшно. Что уж корчить из себя? Это правда страшно, когда понимаешь, что ты отрезан от нормального мира. И это надолго. Что даже солнечный свет теперь – такая непозволительная и недоступная роскошь. А полумрак и спертый воздух – это твои спутники в новой «жизни».

Очень хотелось курить и пить. Я постучал в дверь, кто-то притопал и хриплым басом спросил:

– Какого хера?

Вот так вот, скромно и с достоинством.

Я говорю неизвестно кому:

– Мне бы сигарет и воды.

– А бабу и водку ты позже потребуешь?! – зло хохотнул невидимый шутник. После паузы спросил: – У тебя было курево?

– Да, «Космос», пачка целая.

– Ща посмотрю.

И снова утопал. Его не было долго. Или мне так казалось. Кормушка открылась совсем неожиданно, когда я уже устал ждать.

– Держи свой «Космос». Тока там у тебя мало.

На откидной полочке, в которую превращается окно кормушки со стороны камеры, появились пачка сигарет, спички и... – о радость! – большая алюминиевая кружка с водой! Жадно выпив воду, я пересчитал сигареты. В пачке оставалось всего семь штук. «Скрысятничали-таки половину. Ну, ладно хоть так, буду экономить». Но первую я выкурил буквально в три затяжки, не успев даже посмаковать. Тут же решил, что выкурю еще одну и не больше, сколько смогу, буду терпеть.

В коридоре снова затопали, заговорили, судя по всему, несколько человек. Я прислушался, понял, что суточников куда-то отправляли. Проходя мимо моей камеры, каждый из них считал своим долгом заглянуть в глазок и хмыкнуть. Меня это раздражало – ну натуральная обезьяна в зоопарке! Вот только покормить никто не пытался.

Но завтрак все же вскоре принесли. Состоял он из куска хлеба и кружки с чуть теплой водой. Кружку я забрал, а хлеб хотел оставить на кормушке.

– Возьми, потом съешь, – сказал мне небритый портрет в рамке кормушки, и я забрал хлеб. – Курить у тебя есть? – снова заговорил мой кормилец.

Я протянул сигарету.

– Ого, «пшаничные», – оскалился он улыбкой.

Я как можно добродушнее сказал:

– Да и этих пару штук осталось.

– Ну, ниче! Вижу, ты мужик не жадный, я в обед тебе подогрею. Деньги есть?

Как ни странно звучал этот вопрос, ответ на него был у меня не менее странным – утвердительным. После одного не очень приятного случая я всегда носил в потайном, собственноручно сделанном кармашке, в поясе брюк, пять бумажек по сто рублей. Это был своего рода неразменный капитал, на самый трудный день, который, похоже, наступил.

– А как передать? – спросил я.

– Пойду за обедом, сам заберу. Ты приготовь, – заговорщицки шепнул мне мужичок и захлопнул кормушку.

Я полез в тайничок, вытащил деньги. Отложил одну купюру и, повинувшись какому-то новому, неясному для меня чувству, оглядел камеру. Прятать деньги было абсолютно негде! Осмотрев тщательно «сцену», двери, пол, не обнаружил ничего подходящего. Но нашел три спички и кусок чиркалки от спичечного коробка. В надежде на лучшее, так уж устроен человек, я успел выкурить еще три сигареты и стал ждать. Мне казалось, что время не только обеда, но и ужина давно прошло. Очень пожалел, что по лампочке время не определить.

Вдруг в дверь коротко стукнули, и я приготовился, зажал купюру в кулаке. Кормушка приоткрылась, в нее заглянул мой «подогреватель». Моргнул его напряженный глаз.

– Готово? – просипел он.

Я молча сунул в щель деньги. Глаз удивленно округлился. За дверью что-то хрюкнуло, и кормушка захлопнулась. Повинуясь уже, наверное, инстинкту, я все же достал оставшиеся купюры и, аккуратно расправив, уложил их под днище параша. Вероятно, это и стало зарождением моего волчьего чутья на будущие события.

Минут через десять дверь камеры полностью отворилась, в проеме появился толстый пожилой сержант в измятой форме. Деланно позевывая, приказал:

– Выходи, разговор есть.

Можно подумать, у меня было право выбора. Я молча пошел за ним в дежурку. Там сидели еще два сержанта.

– Тебя вчера не обыскивали? – так же лениво (какие у них одинаковые манеры!) спросил один из ментов.

– Ну да, как же, аж два раза, – бодро доложил я.

– Ну, не знаю... Тут не написано. Что есть ценного: часы, деньги, золотые украшения – сдай сам, целее будут, – нагло предложил он.

– Часы, деньги, цепочку с крестиком у меня вчера здесь же забрали. – Я уже понял, в чем дело.

– Ну, тогда мы еще раз проверим. Костя, давай! – это уже моему конвоиру.

Толстый тут же отреагировал приказом:

– Снимай все с себя.

– В смысле?

– В полном. До без трусов.

Ну, стеснительностью я никогда не страдал, поэтому живо разделся и услышал новое указание:

– Сначала присядь.

– ???

– Просто присядь пять раз, как на уроке физкультуры. – И все трое заржали.

Я быстро присел пять раз.

– А теперь нагнись.

Что ж... Я нагнулся.

– Так, вроде не «торпедирован», – тоном эксперта произнес кто-то за моей спиной.

(Впоследствии я узнал, что торпедой называют что-либо, помещенное в анальное отверстие. И есть такие заслуженные «торпедоносцы», которые якобы бутылку водки свободно в себе проносят.) Остальные ищейки тем временем тщательно ощупывали мои вещи, проверяя каждый шов. Что интересно, потайного кармашка они так и не заметили, может, потому что он сейчас был пуст.

– Все, одевайся! Так значит, у тебя ничего больше нет? – спросил, как я понял, старший, не по возрасту, по «масти».

– А что могло быть? – кося под дурачка, спросил я.

Они снова загоготали. Старшой крикнул:

– Хмырь, иди сюда!

В дверь вошел тот самый заросший мужичок.

– Что он тебе дал?

– Сто рублей! – отрапортовал этот говнюк. – Курево просил купить. Это ж надо, на целую сотку!

– Задыхнись, вали в камеру, – скомандовали ему. – Ну, что скажешь?

Я снова простачком:

– А что говорить-то надо?

– Ну ладно, паренек, теперь слушай сюда. Мы, конечно, можем просто забрать все деньги. Понимаешь?

– Тоже мне, бином Ньютона.
– Гляди-ка, какой вумный, – хихикнул толстяк.
– Хорошо, Толик! – снова сказал старшой. – Парень, видимо, впервые у нас и еще ничего не знает. Кто ж нормальный на Хмыря ведется?
– Ну, типа да! – согласился толстяк. – В общем, так, Егор... Ты ведь Егор?

Глупо было бы отрицать, я ответил:

– Каюсь.

Они снова заржали (во бл..., какие юморные).

– Ну вот. Давай так – мы «впополаме». Приносим тебе курить и пожрать, мы в курсе, что надо, а ты молчишь про это, совсем молчишь. Если что, скажешь – суточки принесли, мы Хмыря предупредим.

Во как! Уж чего я не ожидал от милиции, так это вот такого! Но в те времена, как оказалось, работал еще иногда своего рода кодекс негласный: ты – мент, я – урка. Ты ловишь, я убегаю. Поймали – нам вместе надо как-то жить. Вот на такого мента «по понятиям» я и попал, к великой своей радости. Чтобы я дотянул, мне прямо в дежурке была презентована пачка «Беломора». И на следующий день чудеса продолжались. Мне принесли и сигарет (правда, «Приму» по четырнадцать копеек, но там это даже лучше), и колбасы, и сахара, а самое главное – чаю и спичек! Не знаю, было ли там добра хотя бы на пятьдесят рублей? Вряд ли, но стоило для меня все это неизмеримо дороже.

Забегая вперед, скажу, что у нас с этим Петром завязались отношения, основанные на взаимном доверии, и весь срок, который я находился в том ИВС, мы их поддерживали. Вдобавок ко всему мне тогда еще была куплена бутылка водки, та, из раньшего времени: на материке – три шестьдесят две, у нас – три девяносто пять. Хотя водку я пил не один, а на пару с дежурным сержантом, нам все ж хватило чуть расслабиться. И вот под этот расслабон сержантик стал говорить лишнее.

Так я узнал, что начальник УГРО сильно орал за то, что вещдок увезли на природу, теперь экспертиза ничего не даст, все залапали сами менты. Что упустили моего соседа – не оставили наряд на входе, а тот, не будь дураком, увидел разбитые окна, двери и ментов в холле, ушел по-английски, не прощаясь. А жили мы в гостинице не по паспортам, а за деньги, поэтому, кто мой подельник, установить не удалось. Любовницу свою подставлять шерифу, видимо, не с руки было, ее оставили в покое.

Водка делала свое дело, сержант разглагольствовал, а я, хоть и с трудом веря, что все это говорится просто болтуном, который находка для шпиона, все же жадно запоминал информацию. Под следствием любая мелочь дорогого стоила. Вот поэтому я считаю, что те сто руб-

лей были одним из самых удачных моих капиталовложений. Оставив сержанту остатки водки, я попросился в камеру, мол, устал. Осчастливленный дежурный с радостью сопроводил меня, по пути снабдив кружкой воды безвозвратно. «Ну вот, уже и имуществом обрастаю!»

Ночью мне не спалось. Я судорожно листал в памяти все, что знал и читал о тюрьмах. Побег в стиле замка Иф, влюбленные женщины, отдающиеся сатрапу-следователю за свободу возлюбленного... Помечтал даже о том, как мент забыл бы закрыть двери камеры. Ничего умнее в голову не пришло, но на свободу хотелось очень.

Утром меня вызвали на первый допрос. Все было уже «по форме», хотя следак был в «гражданке». Постепенно в кабинет их набилось еще штук пять, и все, вращая глазами, размахивая руками, убеждали меня написать им явку с повинной. Мимоходом мне подбили глаз и вывернули руки. Где-то во второй половине этой «душевной» беседы в голову все же пришла мыслишка: а вдруг правда лучше самому написать? Но как пришла, так и ушла. Следователя интересовали пока всего три вещи: откуда золото, к кому и зачем приехали и кто был со мной? На что я однообразно нудил: «Дядя, приехал я просто так, посмотреть на людей. Магнитофон купил в ресторане. Кто жил со мной, не знаю, вроде Васей зовут, но не уверен, был пьян. В гостиницу поселила женщина за пятьдесят рублей. Я ее не знаю. Нет, не администратор...»

Вот так вот мы проговорили, наверное, часа два. Следователь что-то записывал, потом давал мне на подпись. Я говорил, что не буду ничего подписывать, за это он бил меня какой-то книгой по голове. Между прочим, когда много раз и сильно, то очень больно. Устав убеждать и отбив об меня кулаки, дал расписаться в бумажке, что я арестован на пятнадцать суток якобы за дебош в гостинице. Как я узнал позже, это был старый трюк: чтобы не брать сразу санкции у прокурора и не заводить официального уголовного дела, и тогда появлялось время «на раскрутку». Поэтому в процессе агитации мне и по морде нахлестали от души: за пятнадцать суток все заживет, и на санкцию я буду уже как огурчик! Такой же зелененький и в пупырышку.

Поразвлечшись, они мне вызвали сопровождение и отправили в камеру, подумать. Я забрал из дежурки свою колбасу, хлеб и чай с сахаром и вместо раздумий стал подкрепляться.

В этот день меня больше не вызывали. А на другой день у меня появилось сразу два соседа, с разницей по времени прибытия примерно в пару часов. И это опять Судьба меня хранила! Первым, почти сразу после завтрака, в камеру вошел мужичок лет сорока – этакий

живчик. Он так как-то лихо... что-то выговорил менту, который его привел, поздоровался со мной. Короче, наш человек в Палермо.

– Привет, за что чалимся? Давно здесь? Как зовут? Чаек есть? – посыпал он вопросами, затем посетовал: – Меня, блин, козлы, по непонятке взяли! Ниче! Завтра разберутся, отпустят, нет у них ничего на меня. Я сам-то местный, а ты чет не видал. Залетный? Давай закуривай, я с воли. – Он протянул мне пачку. – «Стюардесса», взлетно-подмахвающий состав! Или взлетно-вспомогательный, ты не помнишь? – заржал весельчак. Потом захоптал: – Так, говоришь, есть чаек? Ща чифирку организуем! «Барбосячка» (кружка), вижу, есть, а «дрова»?

Я молча сидел на краю «сцены» и наблюдал за Сергеем – так он представился. Что такое чифир, я знал, все-таки круг общения у меня был специфический, но остальное для меня был темный лес.

– Да ты, я вижу, первый раз? – спросил хлопотун. – Ща организуем чаек и будем знакомиться.

– Кипяток-то теперь только в обед дадут.

– Да ну? Непорядок тут какой! – он подмигнул и, подскочив к двери, постучал. Кормушка тут же открылась. – Слышь, Санек, мы тут с братаном чайку решили организовать, подкинь нам дровишек по дружбе, ну и водички.

Через пару минут кормушка открылась, и в нее впахнули кипу газет, журналов и еще одну сильно закопченную, практически черную кружку.

– Аха, вот и родной «чифирбак» (кружка, в которой постоянно заваривается чифир, мыть ее нельзя: плохая примета)! А ты говорил... – Сергей ловко пристроил кружку на уголок «сцены» и стал как-то похитрому сворачивать газетный лист. – Поджигай!

Я чиркнул спичкой и, на удивление, через пару минут вода в этом чифирбаке закипела!

– Ну, чай давай! – прикрикнул умелец, сидя на корточках перед кипящей кружкой.

Я протянул пачку «индюхи», индийского чая, или попросту – «слона». Засыпав жменьку в чифирбак, Сергей притоптал газетку. Конечно, дымом в камере пахло, но не сильно.

– Ща запарится, поднимем и поговорим под чифирок, – подмигнул он мне. – Учись, пригодится!

Шапка чая в кружке медленно оседала. Подождав, пока она утонет полностью, Сергей снова поджег газетную трубочку и довел воду почти до кипения.

– Все! Можно употреблять.

Сергея осторожно перелил содержимое в чистую кружку и, смешно вытянув губы трубочкой, шумно отхлебнул пару глотков, затем передал кружку мне. Ну, процесс чифирения мне приходилось уже наблюдать. Не колеблясь, я тоже сделал пару глотков и вернул ему кружку.

– Хорошо сидим! – Допив и закурив, Серега блаженно закатил глаза.

А я что-то ничего приятного в этом не словил. Меня просто замутило от крепкого чая. Про себя решил, что эту гадость пить больше не буду! Но... Пропускать свою очередь «хлебова» было как-то неудобно, и я глотал, с каждым разом все свободнее. (Кто мог знать, что эта дурная привычка останется на всю жизнь!)

Тем временем Сергей разливался соловьем. Сыпал именами, фамилиями, кличками, названиями зон, тюрем. «Нифигассе, бывалый какой!» – думал я, слушая его рассказы. Как-то незаметно разговор перешел на меня. Сначала вроде все по теме: кто, откуда, как здесь оказался? Ну, я в общих чертах рассказал, что, мол, попал с чужим магнитофоном и сам пока не пойму за что.

– Че ты меня-то лечишь? Я те че, мент? Мне-то горбатого не лепи, я в курсах, что ты к лоточнику приехал. Не гони, чем смогу, помогу. Мне завтра реально на свободу, мож, че организовать?

Я молча курил и думал: «А может, действительно попросить его Сашку найти? Ведь тот наверняка пока не уехал, у кого-нибудь из тех телок, что мы снимали в эти дни, загасился. Хоть и не очень пацан, но с него же спросят, если что». И я уже почти решился.

В это время за дверью снова раздался шум, многоголосье, топот, возня какая-то.

– О, этап с областной тюрьмы пригнали, – почему-то взволновался Сергей, – ну ниче, к нам, может, не подсадят. – Он снова закурил, прислушиваясь.

Между тем за стеной разгорался какой-то скандал, кто-то орал:

– А я те говорю, они подельники! Их в разные определяют! А мне насрать, что там тебе говорили! У меня наряд! И давай шевели колготками, машина стоит. Отправлять кого будешь? Нет? Хорошо. Все... Этого отдельно!

Лязгнул замок камеры. Дверь открылась, вошел невысокий шуплый мужичок, какой-то весь серый, измятый, с огромной торбой, чуть не больше его роста. Встал на пороге.

– Привет всем в хате!

Глаза какие-то неопределенные, не поймешь, куда смотрит, и цвета вроде у них нет. Разве бывают бесцветные глаза?

Дверь захлопнулась, и он, поставив свой сидор на «сцену», сел как-то боком, голову повернул к нам. Но смотрел он только на Сергея. Вроде как-то так нехорошо смотрел. Тот начал ерзать, покашливать... Наконец пришелец заговорил:

– Ну, бродяги, знакомиться будем? Я – Толик, Жирный.

Тут я не удержался и захохотал. «Жи-и-рный! Да он весит, наверно, килограммов тридцать!»

– Ну-ну, пацан, правильно. Значит, меня не знаешь. Ну а ты? – Толик повернулся к Сергею.

Тот закивал головой:

– Слышал... Как же ж... «Полосатик»... Правильно? (Полосатиками называют тех, кто сидел на особом режиме.)

– Куришь тему, – не выказал чувств Жирный. – Ну, а сам? Обзовись.

– Да я это... я с Сусумана, с «пятерки» (там была колония общего режима). Весной откинулся, вот живу здесь.

– Здесь? Прямо в камере? – На лице новенького мелькнула кривая усмешка.

– Да нет, в смысле в поселке. Ну, не в поселке, на руднике, – почему-то оправдывался Сергей.

– А здесь по каким делам? – Тон Жирного уже почти прокурорский.

– Да в непонятной я! Тут хату кто-то зашкерил, а меня подобрали, но я не при делах. Думаю, завтра спрыгну. – Мой «бывалый» ну если только не взвизгивал уже.

Я вслушивался в диалог, не очень понимая его, но ясно видел, что Сергей явно чего-то боится.

– Хорошо. – Толик уже повернулся ко мне: – Ну а ты, молодой, за что страдаешь? Или тоже, – он ухмыльнулся, – живешь здесь?

– Да не, – почему-то вклинился в разговор Сергей, – он по металлу тут попух. Крутят его...

Не обращая на реплику внимания, Толик в упор смотрел на меня. Произнес почти по буквам:

– Я спросил.

Вот теперь я точно понял, у него были не странные, у него были пустые глаза! Страшно неуютно было, когда он смотрел, хотелось отвернуться, отвести взгляд. Холод шел от его зрачков – вот правильное слово.

Я неохотно ответил:

– Да не знаю я ничего! Вот арестовали. Говорят, там в магнитофоне что-то нашли... А я его просто купил. Вот они меня и колотят, как грушу.

– Колотят, говоришь. Это хорошо! – услышал в ответ.

Это меня разозлило.

– Ага, блин, обалденно!

Но этот Жирный (вот же посмеялся кто-то над человеком) уже повернулся к Сергею:

– А не ты ли, мил человек, два месяца назад со Стрелком сидел здесь же, в ментуре?

– Да принимали меня пару раз... Я уж и не помню. – Глаза ответчика забегали, слова еще быстрее...

– А вот мы ща вспомним. Его со мной этапом везли, подкричу. – И тут Жирный так нехорошо заулыбался...

Сергей побледнел, замолк, но, как будто спохватившись, снова зашептал:

– Давай чифирнем, бродяга, у малого «индюха» знатная, ща опять организую костерок.

Жирный сидел и молча смотрел, как вертится Сергей.

– А ну-каними клифт, – вдруг сказал он.

– Зачем? – оторопел Сергей. Он был в джинсовой курточке, по моему, «Levi's».

– Да так, прикину.

– А, ну да... Да на, посмотри, тебе в этапе нужнее. – Он стащил куртку и протянул ее Толику.

И вдруг тот, не вставая со сцены, сильно ударил Сергея обеими ногами в живот. Да так резко и неожиданно!.. Я потом только в боевиках про Брюса Ли видел подобный эффект. Сергей сразу согнулся, прижал руки к животу, выронив горячую кружку, и зашипел от боли. А Жирный тихо, по-змеиному подкинувшись, уже стоял рядом и бил его ногами. Быстро, сильно, резко!..

Вот я пишу, а за то время сам не успел бы «мама» сказать, так ментально все изменилось. Я соскочил со сцены.

– Сидеть! – не оборачиваясь, рявкнул Жирный.

Я сел. Ударив Сергея еще пару раз (тот уже не подавал признаков жизни), Жирный удовлетворенно кивнул и повернулся ко мне. Совсем не запыхавшись, произнес, брезгливо кивнув на лежащего:

– Наседка! Про него в тюрьме уже малява прошла. На мусоров работает, сучонок. Успел тебя развести?

– В смысле?

– В смысле рассказал ты ему что-нибудь?

– Да нечего мне рассказывать! – Я уже просто ошалел.

– Ну, хорошо, ща эту пададь оформим, уберем и поговорим, – сказал Жирный и, снова подойдя к Сергею, стал расстегивать штаны.

Я смотрел и не понимал, что здесь творится. В камере неприятно пахло мочой – это Жирный помочился на избитого Сергея. Потом повернулся ко мне:

– Будешь?

Я поспешно замотал головой.

– Ну и правильно, ему хватит. – Толик подошел к двери и стукнул. Открылась кормушка. – Заберите свое животное, а то я его кончу, – просто сказал он.

Тут же открылась дверь, и два сержанта без вопросов выволокли Сергея в коридор.

– Шмотки его здесь есть? – спросил меня новый сосед.

– Нет, только вот пакет – еда и курево.

– Ну, значит, трофей! – радостно заржал он и потер руки. – Вот теперь можно и чифирнуть, и погутарить.

Странные какие-то обороты речи у бывалых урок. Вроде как у старообрядцев. Они употребляют какие-то давно подзабытые слова. И так красиво получается... Даже «феня» такую речь не портит.

– Давайте я попробую чифир сварить. Я видел, вроде понял, как делается. – Мне надо ж было что-то говорить и делать. (Потом я научился использовать в качестве дров все: и полотенца, и простыни, и куски одеял... На Украине разводили огонь даже на сале, но этого моя истосковавшаяся по такому продукту душа уже не хотела принимать).

– Не сварить, а запарить, – поправил меня Жирный (лучше я пока буду называть его Толиком), – и пробовать здесь не надо, а то так и родить можно. На «вы» тоже не называй, лучше просто учись. Давай чай.

Газету он сложил уже сам, как-то по-другому, уголками, наподобие больших скобок. Поджег эту конструкцию и поднес ее под днище кружки. Пламя было удивительно ровным и вроде не особо сильным, но вода закипела даже быстрее, чем у Сергея. Потратив не больше пяти таких скобок, на что ушло даже меньше газетного листка, Толик запарил чай.

В процессе чаепития мы говорили вроде ни о чем, теперь и не вспомнить подробностей. У нас нашлись даже несколько общих знакомых. Незаметно для себя я ему все (хотя и не все, конечно) рассказал. Разговор о Сергее и его дальнейшей судьбе больше не возникал, но я понял, что как шпион для милиции он потерян, а дальнейшая его судьба не очень радужная. Так вот, может, и жестко, но вполне справедливо решались тогда (подозреваю, что решаются и теперь) такие вопросы.

За избивание «наседки» Толику ничего не было. Я заметил, что даже менты относились к нему уважительно.

За оставшийся день и почти всю ночь (Толик по ночам не спал и мне не давал) мы поговорили о многом, в частности он подробно интересовался моим делом. Обращал внимание даже на малейшие, незначительные детали. Я подумал: хорошо, что следователь не он! У такого не выкрутишься. Ну, в принципе посиди несколько лет в камере с себе подобными, поневоле научишься слово ценить. Потом был подведен итог: веду я себя правильно, надо держаться; спрыгнуть, может, и не удастся, но, по крайней мере, лишнего не накрутят. Если повезет, то отделаюсь минимумом, статья нормальная. «Будешь жить, если не накосячишь» – таков был приговор Толика.

И мне стало почему-то спокойнее. Ну не повезло мне однажды, но ведь живой, и расклад не самый кислый. Надо жить дальше. Впоследствии мне вся эта успокоенность пригодилась. Как ни ухищрялся следдак, какие только удочки ни закидывал, я стоял на своем. Потом прокурор конечно же подписал санкцию на мой арест, и я уже официально стал узником. Удивительно, но это принесло некоторые привилегии: теперь я свободно мог варить свой чифир, ходить раз в неделю в душ и даже получать передачи – это уже Толик организовал. И Сашку моего нашли, и записку от меня передали, чтобы он мог спокойно уехать. Дружок организовал через одну из подруг связь. Та стала носить передачи, денег ей оставили на посылки и для меня, вернее, для следователя. На мой лицевой счет, это когда уже на тюрьму привезли, тоже положили. Так что быт налаживался!

В те годы была такая система: на ИВС не держали больше месяца, на какое-то время отправляли в областную тюрьму для морального воздействия и ознакомления с будущим. Вот и мне подходил уже срок познакомиться с настоящей тюрьмой! Толика увезли на недельку раньше. Мы к тому времени не то чтобы подружились, с такими, как он, дружба, наверное, невозможна, потому что они не верят никому, но как-то сблизились. И он обещал, что на тюрьме (именно не «в», а «на») он меня найдет. На том и попрощались.

И вот ПЕРВЫЙ ЭТАП. С утра суета, оформляют документы, что-то там прикидывают, но нас это не касается, мы ждем. Отправляли человек шесть, начали с дальних камер, я остался напоследок. Открылась дверь. «Выходи с вещами!» Я получил свою сумку в дежурке, мне отдали вещи, которые остались при аресте в гостинице. «Если хочешь, можешь баул не брать, все равно обратно приедешь», – сказал кто-то.

Но я решил: заберу! Не хотелось оставлять, все-таки была какая-то надежда, а вдруг отпустят! Глупо, конечно, да и вещей там всего ничего: рубашки, носки, трусы, но без них – как голый. Был еще пакет с продуктами и пачек пятьдесят сигарет. Я старался все запихать в сумку, не получалось, нервничал.

«Шевелись! В машине уложишь!» Меня толкнули в спину, и я пошел вслед за конвойным. Сзади тоже был кто-то из конвоя.

Прямо у крыльца стоял «автозак» с распахнутой дверцей, внутри было темно и кто-то шевелился. «Прыгай!» – раздалась команда в спину. Я неуклюже залез. Будка разделена на три части. Две клетки на несколько человек, впереди еще две, поменьше, на одного, пока пустые, вдоль переднего края – скамейка. Я сел на нее.

– Не-е-ет, милок, – заржали сзади, – тебе в купе!

Одна дверка была открыта, и я протиснулся в клетку, что побольше. На лавке вдоль борта сидели трое.

– Падай, земляк, – чуть подвинулся один. Я сел.

– Ну что, все в сборе? Можно трогать, господа? Остановок по пути не будет. Станция конечная – ТУРМА! – ослабил солдатик, который захлопнул клетку, и сел на ту лавку, куда пытался примоститься я. То ли узбек, то ли чукча, хотя последнее вряд ли, их вроде и в армию-то уже не берут.

Ехать было долго, часов восемь. Как сказали мне соседи по клетке, что, если наряд «хороший», на реке машину остановят, дадут время чифир сварить и оправиться. Ну а если «плохой», придется терпеть. Солдатик, который сидел с нами, обнял автомат и подремывал. Было сумрачно, маленькая лампочка света почти не давала, говорить особо тоже было не о чем. Я впал в полудрему, успев только подумать: «Жаль, кошка и того нет, хоть бы глазком взглянуть, как там... на воле».

Ехали долго. Уже очень хотелось в туалет. Так всегда, когда нельзя, то сразу хочется! Я подумал, что конвой, видать, «плохой», однако мы все же скоро прибудем в город. Но вдруг машина остановилась.

– Перекур! Выпускай! – раздался голоса.

Солдатик встрепенулся, выглянул в окошко, которое было на входной двери, и рывкнул:

– А ну! Не шуметь, босота!!! Ща командир скажет, ссыте вы или дальше едем.

Дверь снаружи открылась.

– Выходи по одному, вещи не брать!

Народ стал по очереди выпрыгивать, вот и моя подошла. Я спрыгнул на землю. От ослепительного солнца резало глаза, привыкшие к сумраку.

– Руки! – раздалась команда.

Я посмотрел и все понял: начальник конвоя держал в руке наручники. Я повернулся спиной.

– Да не... Как срать-то будешь? Вперед давай, – сказал он.

Я вытянул руки, он защелкнул браслеты.

– Гуляйте, полчаса у вас. Я седня добрый.

С нами остался тот самый узбек с автоматом, а они втроем, водила тоже вылез, пошли к речке.

– Командир, дай чифирбак возьму, полчаса ведь, значит, чай можно, – сказал кто-то.

Узбек важно сморщился.

– Ну ладно, бери, а вы пока тут быстрее! И не отходить дальше трех шагов!

Я отвернулся. Руки впереди, и оказывается – это уже свобода! Ну, сделал свое дело, облегченно вздохнул и стал глазеть по сторонам.

Вот тут быгодились все описания природы, которые я когда и где-либо читал: про блеск реки под солнцем, про шум сосен, про запах! Запах леса, свободы, жизни! Даже изредка проносающиеся мимо машины были из той, прошлой жизни. Жизни, где можно было взмахнуть рукой – и машина остановится, попросить – и довезут... А здесь из окон машин только сочувствующие, опасливые взгляды, и скорость честные граждане прибавляют, на всякий случай.

Жадно дыша полной грудью, я бездумно нежил, наслаждался ласковыми, до одури, прикосновениями солнечных лучей. Было очень хорошо, но все равно тоскливо и тревожно.

– Командир, мы всё. Давай к реке! – вывел меня из оцепенения чей-то голос.

– Ну, вперед! Шаг вправо-влево – попытка к бегству. Прыжок вверх – агитация! Стреляю на поражение!

– Во, блин, наблатыкался «зверек», – ворчал кто-то сзади.

Мы быстро подошли к реке. Оказывается, пока я там витал в эмпиреях, народ уже и сучьев набрал, и кружки приготовил. Зачерпнув три кружки воды, быстренько развели костерок. Через пять минут уже курили, передавая друг другу кружки и галдя ни о чем.

– Гля, какая телка поехала! – орал кто-то, показывая рукой на мост, по которому проезжали «Жигули». – Ух, я бы ей вдул!!! Секи, секи, еще одна! Во нам подфартило!!! Она мне махнула, видели?!

Ну и все в таком духе. Много ли для счастья надо – увидеть в окне проносящейся мимо машины вроде как женский силуэт? И все, остальное фантазия уже доработает, и вроде как она, эта женщина, почти твоя! И тебе жаль, что она так быстро от ТЕБЯ, бля, уезжает! Странное существо все же человек, привыкает ко всему, всегда и в любой ситуации умудряется находить для себя что-то хорошее. Права старая уркаганская приговорка «Уми ты сегодня, ну а я – завтра», в этом что-то есть. Раз жив, значит, еще не конец! (Хотя впоследствии я узнал, что и там, за чертой, не все так однозначно и просто.)

Ну вот, перекурили, почаяевичали, вот уже и команда. Загрузились быстро, без каких-либо проволочек. Далее, после свежего воздуха и чифирка (кстати, меня от него всегда в сон клонило), я просто уснул и проспал уже до самого въезда в город.

О том, что мы приехали, было понятно по шуму за бортом нашего «корабля обреченных». Потом начались повороты, остановки, толчки. Знающие люди комментировали: «Так, подъезжаем, поворачиваем во двор, подъезжаем к тюрьме, шлюзуемся... Вот.. Приехали, кажись!» Снаружи началась суета, команды, потом дверь открылась.

– По одному! С вещами на выход!

Встав в кучку людей перед машиной, я увидел человек пять солдат, прапорщика, какую-то женщину, тоже в форме. Наш сопровождающий отдавал бумаги и что-то объяснял.

– Ща придет ДПНСИ (дежурный помощника начальника следственного изолятора), и будем принимать.

– Мне ждать? – спросил наш капитан.

– Вали домой, чай, Танька уже заждалась, – добродушно заржал прапор. – Куды они, из наших цепких лап. А ну-ка, жиганье, бегом в приемку! Для новеньких: вы находитесь на территории N-ской следственной тюрьмы, все команды выполняются бегом!

Мы, конечно, не побежали, но пошли очень даже живенько.

Нас ввели в просторный гулкий зал. Впереди за застекленным окошком, над которым была надпись «Дежурная часть», сидели люди, в смысле менты, точнее – взвэшники. Впереди, по правую сторону – еще какое-то помещение, тоже за стеклом. Нас быстренько рассовали по «станкам» (это такая небольшая камера для ожидания, что ли; места там

на одного, и то не сесть толком, но пихают от настроения, и ждать порой часами). Мне повезло снова, да и мало нас было, мы попали вдвоем с соседом по автозаку.

- Я – Ерема, – представился он.
- Егор, – ответил я.
- Знатное погоняло.
- Да это не погоняло. Зовут меня Егор.
- Ну а че – нормально. Первоходок?
- Да, – ответил я.
- Ща шмон будет. Есть че ныкать?

Я почему-то верил в свой тайничок и потому промолчал.

– Мой тебе совет: если есть, то положи часть, чтоб нашли. Тогда злобствовать не будут. Вот так. – При этих словах он вытащил откуда-то двадцать пять рублей и, свернув в трубочку, запихал в надрыв на рукаве куртки.

– А если не найдут?

– Тут-то? – улыбнулся он. – Найдут, суки рваные, они здесь бабло нюхом чуют.

Я подумал и, вытащив потихоньку свою заначку, тоже отделил сотню и спрятал под подкладку в туфлю.

– Молодец! Сечешь фишку! Все верно, не бойсь, это заберут и отстанут. Они же с понятием: остальным «дубакам» тоже бабки нужны. Тут все по-честному.

Да... Кто б мог подумать, что в тюрьме – и по-честному. Нонсенс...

Но, как оказалось впоследствии, Ерема был прав. Меня вывели раньше его, подвели к окошку. Там сидел усатый майор с помятым похмельем лицом. Прочитав какие-то бумаги, он сказал стоящему рядом, тоже майору:

– Первоходок. 167-я и 93-я – «хищник», наверное. (Сейчас статья 191, и без довеска.) Заниматься будешь?

– Да.

– После шмона пусть ко мне, и определи его в сто четвертую. А там посмотрим.

Потом меня повели в то стеклянное помещение, это и был «шмон». Там сразу велели раздеться, все вещи – на длинный обитый жостью стол. А затем уже по знакомой процедуре: присесть, нагнуться. Только здесь еще потребовали раздвинуть руками ягодицы. Заглянув мне в задницу и, видимо, удовлетворившись увиденным, прапорщик повернулся к тем двоим, что проверяли мои вещи:

– Ну, что там?

Ему показали сторублевую бумажку:

– В обуви.

– Нормально, хитрец? – это он обернулся ко мне.

– Да нет... Просто, не выкидывать же...

– Ну да, цветным ментам (те, которые МВД) отдавать в падлу. Молодец, иди одевайся.

Потом мне выдали матрац, одеяло, подушку, кружку, ложку, миску. Сумку, правда, оставив пакет с едой и куревом, после шмона забрали на склад.

Навьюченный этим добром, я отправился в «транзитку». Это большие камеры, обычно на первом этаже, где собираются этапы и ожидают отправки проходящие. Там были уже в сборе все, с кем я ехал, и еще человек десять-двенадцать из других мест области.

– Ну как, Егор? – Ко мне подошел Ерема. – Нормально все?

– Да, спасибо! Все, как ты говорил, – ответил я.

– Ну и ладненько! Ща будут к куму (начальнику режимной части) дергать, и – по хатам!

– Мне сказали, что в сто четвертую, – шепнул я Ереме.

– Да вроде нормальная хата, – пожал плечами тот. – А откуда знаешь?

– Да там как раз этот кум и был. Ему доложили: «хищник», а он сказал: в сто четвертую.

– Во как! – Ерема призадумался. – Похоже, прокололся куманек! Значит, в хате у него кто-то есть. Фильтруй базар в разговорах. Пробью по тюрьме, отпишу малявой.

Я не все понял, но предпочел не переспрашивать. Основное дошло: значит, и там кто-то будет пытаться меня разговорить. Вот ведь! Я уже начинаю привыкать к мысли, что чем меньше говоришь, тем спокойнее спится.

– Да, вот еще, может, тебе че-то надо? Ну там, хавчик (еду), курево, спички?

«Не верь, не бойся, не проси!» – вспомнил я главную заповедь, которую преподнес мне Толик Жирный.

– Да не, спасибо! У меня есть. И пятьсот рублей при приемке забрали, под протокол. Так что отоварюсь в ларьке.

– Ну и молодецом! Давай осваивайся и помни...

И тут я быстренько протарахтел:

Не верь, не бойся, не проси!

– Верно! – улыбнулся Ерема.

Больше я никогда его не встречал... А жаль.

Потом меня вызвали к «куму». Он долго, правда, без особого вдохновения, убеждал меня не дурить и признаться. Потом сказал, что я должен говорить ему обо всех нехороших вещах на тюрьме, о которых узнаю. Ну, на эту тему Жирный меня проинструктировал, и я сказал «куму», что с радостью, но подписывать ничего не буду, принцип такой. Он кисло на меня посмотрел, кивнул и вызвал конвой.

– И не говори потом, что не предупреждали, – это я услышал «на посошок».

Меня повели по коридору. Поднялись на второй этаж, команда: «Лицом к стене!» Открывается дверь, и я на пороге своей первой настоящей тюремной камеры.

Как и советовал Жирный, я сказал:

– Добрый вечер всем в хате!

Мне никто не ответил, просто кивнули и смотрели.

Камера была на восемь человек, четыре двухъярусные шконки, стол посередине камеры, полочка на стене, параша справа у двери. Вот, не «Хилтон»... и даже не гостиница «Россия», в которой я останавливался, будучи в Москве. «Да... не "Россия"...» – крутилась дурная мысль в пустой моей голове.

В камере находились шесть человек. Все примерно одного возраста, чуть постарше меня.

– И тебе добра. Проходи, выбирай шконку, вот эти две свободные. Дразнят-то как? – спрашивал невысокий крепкий паренек, этакий «мячик». – Я – Поп. Это – ... – он стал называть остальных.

Вот не хочется врать, не помню я из них никого. Только разве одного татарина, и кликуха, вы не поверите, – Татарин. И то запомнил потому, что статья у него была 117-я (это изнасилование). Очень грязная статья была в те годы, поэтому он все время пытался доказать, что его подставили.

Нижние ярусы, естественно, заняты были все.

– Вот сюда, – показал я на место у окна, – можно?

– Да не вопрос! Падай, где хошь, – улыбнулся Поп, – хавчик и курево кинь на «телевизор».

Я обалдело огляделся по сторонам.

Поп заржал:

– Да вот, на стенке, полка для продуктов.

«Шутники, бя...» – думал я, угрюмо выкладывая на полку курево, чай, сахар, банки.

– Так как твое погоняло? – снова спросил этот Поп.

– Да нет его у меня, – огрызнулся я. – Не довелось. Егором меня зовут!

Кстати, во времена моей молодости это было действительно редкое имя. Не знаю почему, но тезок я практически не встречал, а вот погоняло «Егор» попадалось.

– Ну, Егор так Егор, – примирительно улыбнулся тот, – это дело наживное.

Вообще, клички уже в то время становились какие-то... не обыгранные, что ли. Вот, например, Жирный. Это было хоть оригинально, на контрасте от реального внешнего вида. А остальные все больше производные от фамилии, имени, национальности. Убогая фантазия, честно говоря.

Я свою первую тюремную кличку (слава богу, она не прижилась) получил совершенно случайно. Как-то лежал на своей шконке и о чем-то думал. А народ у стола, его еще «слоном» называют, разгадывал кроссворд. И вот они там ломали головы над способом покрытия эмалью ювелирных украшений. Я совершенно машинально говорю: «Финифть». Минутная тишина, потом: «Фини... кто?» Я отвечаю: «Это древнерусский способ покрытия эмалью». Кто-то орет: «По буквам подходит!» Ну и все. Вам смешно, а меня в этой камере иначе как Профессором не называли...

Но это я опять не о том. Я ведь хотел вам рассказать, какая она, тюрьма. Так вот, движение, в смысле жизнь: обмен новостями, помощь нуждающимся – там поставлены как надо! Если б сам не видел, не поверил... Но в этом замкнутом, отгороженном, контролируемом мире – жизнь бьет ключом! Связь налаживается «конями» – нитками, протянутыми вдоль стен тюрьмы от решки до решки, «малявами» – записками, передаваемыми по «коням», «телефонами» – связь (вы не поверите!) через систему канализации. И «кабурами» (это отверстие в стене из камеры в камеру), и просто записками, передаваемыми «баландерами» (обслуга из ээка), и купленными ментами.

Еще связь с волей осуществлялась также в духе аборигенов Новой Гвинеи. Скручивалась трубка из газет, писалась записка, особым образом сворачивалась, вставлялась в этот прообраз духового ружья и из тех камер, намордники которых выходили на наружный забор, выдувалась из трубки на волю. Там ждали, подбирали и читали. Порой арестанты просто кричали в окно. Так что у тюремного забора ночью часто бывает шумновато.

В общем, на тюрьме все узнавалось быстрее и точнее, чем на воле! Поэтому уже на следующий день Поп зачитывал маляву, полученную от Жирного. Чтобы вы имели представление, о чем я говорю, в смысле арестантского стиля, постараюсь вспомнить дословно: «Добрый день или вечер вам в хату! Отписывает вам бродяга Жирный. Слух прошел по тюрьме, что в хату к вам заехал Егор из **ского ИВС. Так вот, бродяги, пацан стремится к понятиям, чтит правила, и жить ему надо в нашем доме, не испытывая притеснений ни со стороны ментов, ни с вашей стороны. Тех, кто есть в хате, знаю. Поп там у вас старшует, вот к тебе и обращаюсь: прими мальчика, проследи. Потому как я, старый арестант Жирный, за него пишушь. Всех благ вам, бродяги! Не забывайте про общее!»

Может, и не слово в слово, но смысл такой.

– Откуда знаешь Жирного? – спросил Поп.

– Да в одной камере сидели на ИВСе, он там еще «наседку» опустил, – ответил я...

Это я написал к тому, чтобы вы поняли: слово держать урки умеют! Обещал найти, и нашел. Нитки для «коней», кстати, изготавливались из носков, брался обычный носок, поддергивалась одна нитка и распускалась. Получалось довольно-таки ага! Потом эти нитки свивались в канатик – та еще работенка! Но в итоге получался очень тонкий и прочный канатик. Даже порой багры, которыми с улицы менты пытались оборвать эти дорожки, таким канатиком вырывали у них из рук, резко дернув с двух сторон.

С таким «конем» была одна занятная история. Это уже в Ивано-Франковске на «крытой» тюрьме. Там был один чудаковатый арестант по кличке Конг. Может, кто из продвинутых и видел тогда уже этот знаменитый фильм. Но образу, кроме роста, кличка соответствовала. Так вот, крытая тюрьма – это спецтюрьма, где отбывают наказание по приговору суда «отрицательно настроенные элементы, не вставшие на путь исправления и организовывающие массовые беспорядки неповиновения режиму содержания в местах лишения свободы» (это из моей характеристики).

Короче, народец тот еще! И вот это типок устраивал в «хатах» настоящий цирк. От него практически уже все камеры отказались, и он путешествовал по маршруту «камера – пониженный режим – новая камера». А суть в чем – он очень любил «приколы», но такие... Вот, например, намазать спящего зубной пастой, подлить воды в шконку, засунуть что-нибудь в тапок, переставить вещи на «телевизоре». Так

вот, в очередной раз от него отказались коллеги по камере. Ну кто выдержит? Все серьезные, авторитетные ребята, а тут – такое!

Оказался Конг снова на пониженном режиме, в данном случае это был подвал. Ивано-Франковская тюрьма – старое здание практически в центре города, во дворе УВД. Так вот, пишет он наверх маляву: «Пацаны, вы меня не цените! Я решил уходить в бега. Решку подломил. Сплетите очень толстый канат и по моему сигналу, а я три раза дерну, вчетвером дергайте резко и тяните что есть сил!»

– Ну что, побег с крытой – святое дело! – решили получатели малявы.

И начали плести толстенный канат, на который ушли чуть не все носки с этажа. Ночью опустили «коня». Конг обвязывает его вокруг себя, на уровне подмышек. Идет к двери и стучит. Подходит дежурный «дубак», и Конг говорит:

– Командир, ты же знаешь, как меня здесь не любят! Ну вот, братва меня к смерти приговорила, сегодня ночью повесят! Ты там предупреди «кума».

– Погнал? – спрашивает «дубак». – Сиди, ниче не бойсь, мы никого не пустим! – и смеется.

А Конг дернул три раза «коня» за спиной... И вот теперь представьте картину: ночь, одиночная камера, расслабленный смеющийся мент смотрит в кормушку... и ЧТО он видит? Какая-то сила швыряет Конга на пол камеры, тащит волоком и поднимает почти к решетке! Конг орет дурным голосом:

– Доста-а-али!!! Я же говори-и-ил!!! – и хватается за горло, выпучив глаза и колотя ногами по стене!

Бедный мент, роняя фуражку и тоже горланя изо всех сил, летит по коридору за помощью, практически теряя рассудок! Когда прибежал наряд, Конг уже спокойно сидел на шконке и курил, хлопая глазами и делая вид, что ничего не понимает. Конечно, менты сообразили, в чем дело, навалили ему по первое число, и он еще полгода сидел на пониженном. Вот это я к тому, что «кони» плелись на совесть!

Распорядок дня в тюрьме практически ненормированный. Там вся жизнь в основном протекает почему-то ночью. Хотя ясно почему: и дубачья меньше, и те, кто работает здесь, живут все же дома, вот их поспать и тянет. А нам – без разницы. Вот и шумит-гудит тюрьма всю ночь. Все проблемы решаются, все новости передаются.

А еще прогулка – это тоже разнообразие. Во-первых, глоток свежего воздуха! Прогулочный дворик хоть и обнесен высоченной сте-

ной, а сверху решетка и не видно практически ничего, порой лишь краешек пятиэтажки, но – вольное небо над головой! Хотя и получается, что оно тоже вроде как под арестом, решеткой забранное, но самое главное – его видно и им можно дышать! Вот поэтому прогулки очень ценились. Почти везде. Правда, потом, уже на Одесской тюрьме, в транзитке, у меня лично с прогулкой была связана, можно сказать, почти смешная история.

Привезли нас в Одессу вечером. Этап большой со «столыпина» – это спецвагон для перевозки заключенных. Пока приемка, баня, шмон, короче, в хату попали поздно утром. Все попадали по шконкам мертвым сном, а мне, по «закону бутерброда», не спится. Да, транзитка была на втором ярусе. Так вот, открывается кормушка, и в нее спрашивают так по-одесски, недовольно:

– Ну шо, идэм гулять?

Я подумал: «А че бы и не проветриться?» Но... Дело в том, что в предыдущей тюрьме на прогулку могли выходить только желающие. Вот я и подумал, пусть спят, а я хоть посмотрю чуток.

– Да, – говорю, – командир, погуляю!

– Ну жди, гуляка! – И он отошел.

Кстати, кормушки на той знаменитой тюрьме почти не закрывались. Через них постоянно шел натуральный и товарно-денежный оборот. Одесса! Ну вот, значит, жду я, жду, «ан нет нихто». Ну, думаю, пошутили с прогулкой, юмористы ведь. Прилег и попытался задремать.

Вдруг двери камеры распахнулись, и в камеру ворвались человек пять наряда С СОБАКОЙ!!! Та без намордника, пена летит, солдатик еле держит. «Всем в прогулочный дворик, бегом!»

Народ спросонья подорвался, и кто в чем, по винтовой лестнице, только решетки впереди и позади клацают, бегом! Сзади собака подгоняет, так и залетели в открытую дверь дворика. Она захлопнулась, и милый такой голос: «У вас сорок минут, гуляйте!»

Отдышались, осмотрелись. Кто в чем: несколько человек вообще босиком, кто-то с голым торсом, кто-то без штанов. А было начало апреля, не жарко. Успокоился народ слегка. У кого курево было, поделились. Потом братва давай гадать, какая это скотина на прогулку согласилась. Оказывается, на этой знаменитой тюрьме дубаки ну очень не любили зря время терять, водить куда-то кого-то, и поэтому такие выводки с собакой были в порядке вещей. Вот тут все взгляды сошлись на мне: я один был полностью одет! И независимо курил, поплеывая и глядя в блеклое небо. «Ни в жисть не признаюсь!»

Не скажу, что были неприятности, зато потом насмеялись от души, пришлось большую часть чая заварить для толпы. Такая вот была в моей жизни интересная «прогулка».

И еще одна «прогулочная» деталька. Это уже на Хабаровской тюрьме в «белом» корпусе. Там прогулочный дворик на крыше и по дороге к нему, в конце коридора, есть окно, которое смотрело на трамвайные пути. Так вот арестанты платили конвою, чтобы те дали постоять минутку у этого окна! Если повезет, можно было увидеть проходящий мимо красный трамвай. Или вообще чудо – Женщину, идущую по улице...

Много вообще случается всякого в тюрьмах, но разговор пока обо мне. Пробыл я на этой тюрьме больше месяца. Мама уже все знала, наняла мне хорошего адвоката, тот съездил в поселок, переговорил, узнал. Тогда такой свободы, как сейчас, у адвокатов и близко не было, работали за счет связей, своих наработок, а в основном просто выискивали прорехи в оформлении дела. Ну вот, перед самым этапированием меня «обратно» он устроил нам свидание. Все складывалось исключительно хорошо для меня! Во-первых, на магнитофоне и на пакетике с золотом отпечатки были только ретивых ментов. На радостях еще в пьяную субботу они все залапали.

А самое главное мое везение в том, что этот металл я, так получилось, сыпал из разных заначек. Поэтому геологическая экспертиза дала очень большой разлет: от Чукотки до Магадана! Точно привязаться к месту добычи золота не смогли!!! УР-Р-РА!..

Значит, выход один – того и держаться: магнитофон купил случайно, понимал, что ворованный, так как за бесценюк, но по нетрезвому делу рискнул. Тогда могла быть в лучшем случае 208-я статья (сбыт и укрывательство), но от нее он меня отмазать обещал: «Потерпи, Егор, – говорит, – держись...» Ну и мама, конечно, свой знакомый генералитет подключила, была в то время такая возможность. Теперь-то я понимаю, каково это было для нее. Но ведь – было!

Так вот, чтобы завершить этот небольшой экскурс в места не столь отдаленные, скажу: я выдержал! Помогло и то, что связи уже какие-никакие были в том ИВС, и то, что администратор эта (я потом узнал) пилила своего любовничка за меня, ну и за себя, конечно! Вот все это вместе и помогло.

Мурыжили меня еще три месяца. Потом дело закрыли и передали в суд. Суд – это отдельная история. Но в двух словах: я так ничего и не признал, честно смотрел в глаза судье, всхлипывал и клялся никогда

больше не пить водку и не покупать сомнительные вещи. В общем, оснований для осуждения суд не нашел, вернул дело на следствие, и через неделю его прикрыли за отсутствием состава преступления!

У ворот милиции меня уже встречали! Узник совести выходит на свободу! Отмечали сей факт долго и широко. Уже на следующий день я с юморком вспоминал дни, проведенные там, отдыхал душой и телом и считал, что больше со мной такого не случится: «Все-то я теперь знаю». Не учел только одного, что кроме милиции есть, вернее, были в той, нашей стране, учреждения, которые четко контролировали золотой запас Родины. Так что на воле я пробыл ровно четыре месяца.

А потом уже начались настоящие хождения в этап. Список навскидку пройденных мной тюрем: Магаданская, Петропавловско-Камчатская, Хабаровская, Уссурийская, Ванинская, Иркутская, Свердловская, Читинская, Владимирская, Тобольская, Краснопресненская, Ростовская, Херсонская, Николаевская, Одесская, Харьковская и, конечно же... Ивано-Франковская... Но это все было... потом... Но... было.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека (июль – август 2012 года)

Ростовская область

2 июля 2012 года

В воскресенье, 24 июня, **в Ростове-на-Дону погиб заключенный**. Это был 51-летний Федор Миронов, отбывавший наказание в исправительной колонии № 2 (ИК-2) Ростова-на-Дону. Из 15 лет он уже отсидел 12. Согласно медицинскому заключению, в ночь с пятницы 22 июня на субботу 23 июня Миронов получил резаную рану верхней части живота шириной около 2 сантиметров. Существуют две версии происшествия: убийство в результате конфликта заключенных и нелепый несчастный случай. Для выяснения обстоятельств смерти Федора Миронова 25 июня на территорию ИК-2 прибыли три члена общественно-наблюдательной комиссии (ОНК) Общественной палаты РФ. Руководитель ИК-2 Вячеслав Кравцов изложил им свою версию произошедшего. По его словам, заключенный ночью мыл умывальную, поскользнулся и упал. Упав, он напоролся животом на ручку тазика, которая была, как уверяют, наполовину оторвана и торчала в сторону. Получив травму, Миронов, как утверждает представитель администрации, чувствовал себя настолько нормально, что даже не захотел остаться в медпункте, хотя ему это предлагали. Рану помазали зеленкой и заклеили пластырем, и заключенный ушел в свой отряд № 13, предпочтя его медпун-

кту. Через некоторое время, увидев, что кровь продолжает идти, Федор Миронов вновь обратился в медпункт. Медработник, найдя, что состояние пострадавшего ухудшилось, отправила его в расположенную рядом МОТБ-19 (областная туберкулезная больница, где лечат заключенных, и не только от туберкулеза). Там ему сделали операцию, а на следующий день он умер по неизвестным причинам. Еще до отправки в больницу, то ли во время первого, то ли во время второго визита в медпункт, Федор Миронов написал расписку в том, что рану получил сам и претензий к администрации колонии не имеет.

Вячеслав Кравцов разрешил поговорить с заключенными, которые были с погибшим в одном отряде. Беседа с одноотрядниками Миронова проходила в скверике на территории колонии. Все в один голос говорили: нет, ничего не видели... была ночь, спали... да, погибший мыл полы в умывальной после часа ночи, у них такой распорядок... нет, ни о каком конфликте ни с кем не слышали... да, обращался в медпункт... В их словах явственно слышался намек: «Вы уйдете, а нам тут жить».

Медработник ИК-2 Наталья Макаренко все подтвердила. Да, оказывала первую помощь. Да, предлагала остаться в медпункте, а он не захотел. Да, Миронов писал расписку при ней. Правда, в беседе с членами ОНК она прилагала немало усилий, чтобы сохранить самообладание.

Версия, предложенная членам комиссии, представляется странной и сразу вызывает массу вопросов. Где это видано, чтобы заключенный отказывался от госпитализации, добровольно выбрав возвращение в отряд? Зачем ему проявлять инициативу и писать расписку, если рана была столь незначительной? Зачем, если верить утверждению о незначительности травмы, понадобилась операция? Наконец, если предъявленный тазик действительно стал предметом, убившим человека, почему он не был изъят как вещественное доказательство?

Члены комиссии придерживаются версии, что на территории колонии могло произойти убийство. Согласно полученной информации, Миронова в ходе ссоры пырнул ножом один из сокамерников, отличающийся неуравновешенным характером. Известно даже, кто именно. Однако, как считают члены комиссии, руководство колонии старается всячески скрыть этот факт, замаскировав его под несчастный случай. Подобная практика нередка в российских исправительных учреждениях.

Смоленская область

5 июля 2012 года

В Смоленской области **возбуждено уголовное дело в отношении сотрудника регионального управления ФСИН России, получившего взятку** в 177 тысяч рублей за подготовку документов для условно-досрочного освобождения. Начальник отряда по воспитательной работе с осужденными исправительной колонии № 1 УФСИН России по Смоленской области подозревается в совершении преступления по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере).

По версии следствия, с 26 мая по 5 июля 2012 года сотрудник получил от жены осужденного 177 тысяч рублей за подготовку документов для условно-досрочного освобождения ее супруга.

«Преступление было выявлено совместно с сотрудниками регионального управления МВД России, часть незаконно полученных денежных средств в сумме 150 тысяч рублей изъята», – говорится в сообщении. Злоумышленник задержан.

Владимирская область

9 июля 2012 года

Во Владимире **заключенные вскрыли себе вены и объявили голодовку из-за избияния одного из осужденных**. В тюрьму № 2, где произошел инцидент, приехал председатель общественной наблюдательной комиссии. Бывшие заключенные утверждают, что для владимирских тюрем и колоний избияния и жестокость по отношению к заключенным – обычное дело.

Источник утверждает, что голодовка началась после того, как в тюрьме избиили очередного осужденного: «В ночь на 4 июля местный ОМОН ворвался в одну из камер и избиил заключенного Льва Мартиросова. Они биили до тех пор, пока он не потерял сознание».

После избияния Мартиросова оставили истекать кровью, отказав в госпитализации и даже в первой медицинской помощи, говорит источник. Он утверждает, что заключенного биили просто так, без причины. Он находится в тяжелом состоянии, ему срочно нужна медицинская помощь. Сокамерники Мартиросова помимо голодовки вскрыли себе вены. «Это последний шаг, на который они пошли, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание», – говорит собеседник, который пока затрудняется сказать, сколько человек голодает. «Но точно больше половины», – добавляет он.

Избиение Льва Мартиросова – не единичный случай противоправных действий сотрудников тюрьмы по отношению к заключенным. Как утверждает источник, избиения в этом исправительном учреждении начались после прихода нового начальника и длятся как минимум полгода. «Повод может быть любой: если найдут лишний кусок хлеба – могут избить, если посмотришь не так – могут избить, если начнешь спорить – могут избить. Условия содержания ужасные».

Его слова подтверждает бывший заключенный Павел Мальков, отсидевший семь лет за разбой и вышедший на свободу в 2011 году.

Сотрудники тюрьмы № 2, рассказывает Мальков, были агрессивны всегда. «Били постоянно. Но в основном этим занимались другие заключенные – те, кто был на хорошем счету у администрации. Для них даже сделали специальные камеры. Они могут свободно передвигаться по тюрьме, заходить в любую камеру, забирать оттуда человека и начать, к примеру, выбивать признание в том, что тот не совершал», – отмечает Мальков.

Правда, насилие и унижение со стороны сотрудников, по его словам, характерны не только для тюрьмы № 2, но и для всех исправительных учреждений Владимирской области. Мальков утверждает, что жестокое обращение с осужденными – политика областного управления Федеральной службы исполнения наказаний.

«Дело не в новом начальнике, а в том, какие приказы ему дают, – утверждает бывший заключенный Павел Мальков. – Начальник ничего не сделает, если ему скажут наверху работать с заключенными пожестче».

Кемерово

10 июля 2012 года

В СИЗО города Кемерово повесился заключенный. Источник в правоохранительных органах сообщил агентству, что тело мужчины 1970 года рождения было обнаружено в камере еще на прошлой неделе. В настоящее время проводится проверка, поэтому другие сведения не разглашаются.

Томская область

16 июля 2012 года

В Томской области администрация исправительной колонии № 3 пыталась скрыть гибель заключенного на строительстве дачи замначальника колонии.

Как сообщили в прокуратуре, администрация колонии, отчитываясь о гибели заключенного, сообщила, что его случайно придавило плитой во дворе исправительного учреждения. В результате проверки выяснилось, что осужденный погиб в деревне Корнилово, где замначальника колонии вел строительство на земельном участке. По данным следователей, при строительстве на заключенного упала бетонная плита.

Замначальника колонии, отправившего заключенного на стройку, задержали. Он **признал себя виновным**. Следственное управление СК по региону возбудило в его отношении уголовное дело по пункту «в» ч. 3 ст. 286 УК (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий). В суде следователи ходатайствовали о заключении сотрудника ФСИН под стражу.

Рязанская область

17 июля 2012 года

В Рязанской области **вынесен приговор бывшему сотруднику исправительной колонии, получавшему взятки** за помощь в условно-досрочном освобождении осужденных через систему электронных платежей.

Собранные следственными органами СК РФ по Рязанской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему начальнику отряда отдела по воспитательной работе с осужденными одной из исправительных колоний УФСИН России по Рязанской области Андрею Юдину. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки), и двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки).

Следствием и судом установлено, что 14 июля 2011 года Юдин получил от некоей женщины 16 тысяч рублей за подготовку документов для условно-досрочного освобождения ее сожителя, отбывающего наказание. Денежные средства по требованию сотрудника исправительной колонии были перечислены на лицевой счет мобильного телефона, зарегистрированного на другое лицо, после чего посредством сети Интернет Юдин перевел поступившую сумму на свой расчетный счет в банке.

В ходе расследования уголовного дела были установлены еще два эпизода его преступной деятельности. Так, в 2011 году Юдин также посредством мобильного телефона и системы электронных платежей

получил от матери осужденного 10 тысяч рублей за условно-досрочное освобождение ее сына и 8,5 тысячи рублей от другого осужденного за то, что пронес на территорию колонии и передал ему для пользования мобильный телефон.

Приговором суда Юдину назначено наказание в виде штрафа в размере 410 тысяч рублей с лишением права занимать должности государственной службы в системе УФСИН России сроком на 3 года.

Ямало-Ненецкий автономный округ

19 июля 2012 года

Руководитель отделения по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов СУ СКР по УрФО, подполковник юстиции Дмитрий Корешников на пресс-конференции в Екатеринбурге рассказал подробности уголовного дела, возбужденного в отношении полковника внутренней службы ГУ ФСИН по ЯНАО Юрия Сандркина.

Сандркин обвиняется по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» с применением насилия или с угрозой его применения. Сейчас дело направлено в суд Салехарда. Полковник внутренней службы работал в ИК-40 «Полярная сова» в поселке Харп – колонии для пожизненно заключенных.

По версии следствия, Сандркин за восемь месяцев 2010 года сфабриковал 190 протоколов о явках с повинной. География также обширна – от Новосибирска до Калининграда. Среди тех дел, по которым «выбивались» показания, – дело убитой журналистки Анны Политковской, взорванного на стадионе бывшего президента Чечни Ахмада Кадырова и убийство главного редактора русской версии журнала *Forbes* Пола Хлебникова в Москве.

Как уточнил Дмитрий Корешников, эти явки не вошли в окончательное обвинение. Подробностей по этим делам он не сообщил.

По версии следствия, первую явку с повинной Сандркин выбил весной 2010 года. Схема была такая – выбирался слабый осужденный, который приступал к обработке других эзков. Им устраивали «катание по хатам» – перемещение по камерам. К кому-то применялось физическое насилие. Кому-то было достаточно угрозы сексуального насилия. Кроме того, заключенным пожизненно внушали, что им ничего не грозит. Наоборот, их убеждали, что их жизнь станет интересней. Они прокатятся по стране на поездах, полетают на самолетах, съезжают на места преступлений.

Сандркин заставлял писать заключенных явки с повинной, используя преступления, о которых узнавал от коллег, из личного общения. Кроме того, сотрудник ГУ ФСИН запрашивал списки нераскрытых дел в территориальных органах. Также он брал данные из СМИ и Интернета. Обстоятельства некоторых преступлений придумывались. Заключенному говорили название города, затем он писал, что нашел девушку, вывез в лес, изнасиловал и сжег труп. В действительности же ничего этого не было. При этом все детали преступлений были непроверяемыми. Затем осужденных обучали, как давать показания на месте, учили, как «обойти полиграф», выдавали карты с дорогами России. Помогал Сандркину осужденный Вадим Журавлев, который участвовал в обработке эзков. Ему также предъявлено обвинение в пособничестве.

Мотив у Сандркина якобы был простой: он хотел продвинуться по службе, так как подходил пенсионный возраст (45 лет), а перспективы на повышение отсутствовали. Ни семьи, ни своего жилья у него не было.

«Я хочу работать в Москве, хочу отвечать на телефон. Надоели вы мне все» – такие слова Сандркина озвучивает следователь Дмитрий Корешников.

Прокололся Сандркин на деле легендарного уральского рейдера Павла Федулева. Как рассказала руководитель пресс-службы УФСБ по Свердловской области майор Анна Ластовецкая, по делу Федулева явку с повинной написал некий осужденный пожизненно Юрий Кузнецов.

«В своем признании он утверждал, что являлся одним из исполнителей убийства Соснина в 1996 году в Екатеринбурге. Соснин – это бывший партнер Федулева, который был убит вместе со своими охранниками. В это же время были установлены фактические исполнители убийства Соснина – Пильщиков и Никонов. Какую-либо роль Кузнецова они отрицали», – отметила Ластовецкая. Она уточнила, что затем Кузнецов («черный риелтор» из Брянска – на нем 28 трупов) признался, что написал фиктивную явку под давлением Сандркина. Последний в случае отказа, как уверяют силовики, угрожал ему физической расправой.

Как отметил Дмитрий Корешников, в адрес ФСИН было направлено представление об отсутствии контроля за работой оперативной службы. Ранее был уволен начальник ГУ ФСИН по ЯНАО. В уголовном деле 51 том. Вошли в него 32 явки с повинной, написанные двумя заключенными. Один из них написал 4, а второй 28 протоколов.

Добавим, что по «выбитым» явкам никто осужден в итоге не был и суд приговоров не вынес. Лишь одна явка дошла до привлечения к уголовной ответственности в Санкт-Петербурге.

Сандркину, который своей вины не признает, грозит до 15 лет лишения свободы. Он сейчас находится под стражей. У подполковника есть и смягчающие обстоятельства – командировки в зоны проведения контртеррористических операций и много служебных наград и поощрений.

Башкирия

22 июля 2012 года

В ИК-4 города Салавата пять заключенных вскрыли себе вены, а 118 – объявили голодовку.

В исправительной колонии особого режима № 4 в башкирском городе Салавате пять заключенных вскрыли себе вены, а еще 118 объявили голодовку. Об этом сообщили в пресс-службе ГУ ФСИН России по Башкирии.

Руководитель пресс-службы ведомства Ильшат Бикбулатов рассказал, что в ночь на 20 июля пятеро осужденных, которые содержатся в помещении камерного типа, совершили «акт аутоагрессии», нанеся себе резаные раны предплечий. Раны оказались поверхностными, осужденным оказали медпомощь, в госпитализации они не нуждаются.

Утром 20 июля, добавил Бикбулатов, 118 осужденных направили руководству колонии письменное заявление «об отказе от пищи». «Но это не голодовка, и они пьют воду», – добавил он.

Поводом для таких действий заключенных стала смерть одного из осужденных, объяснил сотрудник пресс-службы ГУ ФСИН по Башкирии. Правозащитники утверждают, что заключенный погиб из-за нанесенных ему в колонии побоев. К нему действительно применялись «спецсредства», признал Бикбулатов, однако «телесные повреждения, полученные им при применении этих спецсредств, расцениваются экспертом как повреждения, не причинившие вреда здоровью».

При этом, по данным Бикбулатова, экспертиза пока не установила причину смерти осужденного. Прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Республики Башкортостан А. Зуев изучил материалы по применению спецсредств и нарушений законности не выявил.

По данным портала Gulagu.net, в голодовке уже принимают участие около 900 заключенных из 1100, которые содержатся в колонии. Количество голодающих резко возросло, утверждает портал, после того, как 20 июня в ИК № 4 приезжали члены Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) за местами принудительного содержания по

Башкирии. Когда правозащитники уехали, сотрудники колонии избивали тех, кто им жаловался.

Портал называет имя умершего заключенного – Сергей Ласько. Одна из членов ОНК Амира Жукова заявила, что о смерти осужденного от побоев ей рассказал один из сотрудников колонии. Заключенные утверждают, что Ласько избивали три дня. Вместе с ним расправе подверглись те, кто подавал жалобы и писал заявления на сотрудников, при этом осужденных избивали в местах, где не ведется видеонаблюдение, и под громкую музыку, пишет Gulagu.net.

Свердловская область

15 августа 2012 года

Ивдельский городской суд, основываясь на доказательствах, представленных государственным обвинителем, вынес **приговор в отношении бывшего начальника отряда по воспитательной работе с осужденными ФКУ ИК-55 ОУХД ГУ ФСИН РФ по Свердловской области Сергея Козина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки должностным лицом)**.

Суд установил, что начальник отряда ИК-55 Козин С. 19.11.2011 года, действуя вопреки интересам службы, получил от Гоца, являющегося посредником Н., взятку в значительном размере в виде денежных средств в размере 30 тысяч рублей за оформление положительных документов на условно-досрочное освобождение из колонии осужденного Ч. При получении взятки Козин С. был задержан сотрудниками службы собственной безопасности ГУ ФСИН России по Свердловской области.

Как сообщила пресс-служба СУ СКР по Свердловской области, приговором суда осужденному назначено наказание в виде штрафа в размере 540 тысяч рублей с лишением права занимать должности в правоохранительных органах сроком на 2 года.

Татарстан

29 августа 2012 года

В Казанский правозащитный центр обратились родственники нескольких человек, отбывающих наказание в ИК-2 УФСИН России по Татарстану. Они рассказали, что 15 августа сотрудники исправитель-

ной колонии *жестоко избивали 18 осужденных*, находившихся в штрафном изоляторе.

По словам самих пострадавших, работники ИК-2 в касках, со щитами и резиновыми дубинками ворвались в камеры и стали бить осужденных по различным частям тела, в том числе по жизненно важным органам.

Родственники пострадавших пояснили, что насилие продолжилось и на территории прогулочного двора: свидетелями стали люди, приехавшие на длительные свидания к осужденным. Факт массового избиения также может подтвердить бывший осужденный ИК-2, который освободился через несколько дней после инцидента.

При посещении ШИЗО члены Общественной наблюдательной комиссии по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания Татарстана Герман Алеткин и Владимир Рубашный и представитель прокуратуры обнаружили у осужденных телесные повреждения.

«При этом осужденным до сих пор не оказали квалифицированную медицинскую помощь, – отмечают родственники пострадавших. – Среди избитых есть инвалид с детства, который получил удары по голове».

С помощью правозащитников родственники осужденных обратились в Следственный комитет с просьбой возбудить уголовное дело в отношении сотрудников ИК-2 по статье «Превышение должностных полномочий с применением насилия и специальных средств» (ч. 3 ст. 286 УК РФ). Сегодня стало известно, что доследственную проверку по факту ЧП будет проводить следственный отдел по Вахитовскому району Казани республиканского следственного управления СКР.

«Ситуация в ИК-2 схожа с той, что имела место в исправительной колонии № 1 города Копейска Челябинской области, когда в целях устрашения были жестоко избиты 12 осужденных, четверо из которых, не выдержав издевательств, скончались, – говорит руководитель Казанского правозащитного центра Игорь Шолохов, представлявший интересы потерпевшей стороны по уголовному делу о пытках в челябинской колонии. – Тогда поначалу отрапортовали о предотвращении бунта в ИК-1, речь даже шла о награждении сотрудников, но правду скрыть не удалось. Мы надеемся, что Следственный комитет досконально разберется в обстоятельствах применения спецсредств работниками казанской ИК-2. Повторение трагедии в Копейске, равно как и второго "Дальнего", в Татарстане никому не нужно».

КПЦ приводит список восемнадцати осужденных.

Амурская область

30 августа 2012 года

Передано в суд дело сотрудника исправительной колонии № 2 села Возжаевка. Он обвиняется в продаже наркотиков заключенным.

Следствием установлено, что этот сотрудник 20 января 2012 года сбыв за 10 тысяч рублей одному из осужденных исправительного учреждения масло канабиса (гашишное масло) массой 16,28 грамма, что является крупным размером. Аналогичные преступления он совершил, сбыв осужденным масло каннабиса 31 января и 16 февраля 2012 года.

За совершение указанных преступлений сотруднику колонии грозит до 20 лет лишения свободы.

Челябинская область

3 сентября 2012 года

Руководство ГУ ФСИН по Челябинской области официально признало, что 31 августа 2012 года с 12.00 до 13.00 в ИК № 1 в городе Копейск **216 осужденных жилой зоны учреждения отряда строгих условий содержания и штрафного изолятора отказались от приема пищи без написания заявлений.**

Предварительно установлено, что организатором этих противоправных действий является осужденный Д., который не согласился с условиями содержания в ШИЗО. На место происшествия немедленно выехали сотрудники оперативного управления и управления безопасности под руководством начальника ГУ ФСИН России по Челябинской области генерал-майора внутренней службы Владимира Турбанова. С осужденными были проведены мероприятия профилактического характера, разъяснительные беседы по порядку и условиям отбывания наказания. В результате все осужденные во время ужина принимали пищу. Оперативная обстановка в учреждении контролируется и управляется. О факте массовой голодовки был проинформирован прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

Проводится служебная проверка. Руководство ГУ ФСИН продолжает работу по улучшению коммунально-бытовых условий содержания для осужденных.

Казань

9 сентября 2012 года

Около 50 заключенных в ИК-2 объявили голодовку. Они протестуют против частых обысков. Работники УФСИН заявляют, что при проведении обыска у заключенных были обнаружены запрещенные предметы.

В пятницу колонию посетили члены Общественной наблюдательной комиссии Михаил Основ и Дмитрий Муратов. Правозащитники побывали в штрафном изоляторе и отряде со строгими условиями отбывания наказания, где содержатся злостные нарушители режима. Заключенные пожаловались им на регулярные обыски.

«Накануне в ИК-2 в отношении осужденного Рыжкова, содержащегося в штрафном изоляторе, отказавшегося выйти из камеры для проведения досмотра, оскорбившего сотрудника нецензурной бранью, была применена предусмотренная законом физическая сила», – говорится в сообщении пресс-службы. Члены ОНК беседовали с Рыжковым, который заявил, что его избили. Однако они не обнаружили следов побоев на теле у Рыжкова.

В четверг ИК-2 посетил следователь республиканского управления СКР. «В настоящий момент Следственный комитет проводит проверку по заявлению о применении насилия в отношении осужденного, по результатам которого будет принято процессуальное решение», – сообщает пресс-служба. Тогда же колонию посетил исполняющий обязанности прокурора Казанской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Равиль Шамсутдинов. Он побеседовал с осужденными, жалоб и заявлений от осужденных не поступило, утверждают в УФСИН.

Управление СКР по Башкирии в июле проводило проверку по факту смерти заключенного. Его сокамерники считают, что он скончался от побоев, нанесенных сотрудниками колонии. 118 осужденных обратились к руководству колонии с письменным заявлением об отказе от пищи, а пятеро вскрыли себе вены в знак протеста.

«11 июля сотрудники колонии зверски избили сразу несколько осужденных, которые нам пожаловались на администрацию, – сообщила член Общественной наблюдательной комиссии за местами принудительного содержания по Башкирии Амира Жукова. – На этот раз все закончилось трагически: один из осужденных, по фамилии Ласько, не выдержал побоев и умер», – заявила она. Его смерть стала причиной протеста осужденных.

В пресс-службе УФСИН по Башкирии сообщили, что к осужденному действительно применялись спецсредства. «Однако телесные повреждения, полученные при применении спецсредств, расцениваются экспертом как повреждения, не причинившие вреда здоровью», – говорится в заявлении.

В ИК-4 содержится более тысячи осужденных за совершение особо тяжких преступлений. Сайт «Союз заключенных» ранее сообщал, что в колонии происходят ущемления прав осужденных и пытки. В апреле заключенные объявили общую голодовку всем лагерем в знак протеста против жестоких наказаний. После этого представители администрации учреждения и высшие чины регионального управления ФСИН, которые приехали для разбирательства инцидента, заявили что пытки прекратятся. Голодовка была прекращена 28 апреля.

5 июня Европейский суд удовлетворил иск российского заключенного Виталия Бутнова, который был подвергнут пыткам и лишился ногтей на руках и ногах из-за того, что отказался сотрудничать с руководством колонии в Тульской области. В постановлении суда признано «нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с тем, что не было проведено эффективное расследование по заявлению о применении пыток».

По словам адвоката Москаленко, принятое ЕСПЧ решение может оказать положительное влияние на судьбу всех российских заключенных. Суд обязал российские власти изменить правоохранительную практику в стране таким образом, чтобы ни одно заявление о пытках в колонии не оставалось без контроля. Пока это не произойдет, решение по делу Бутнова будет считаться неисполненным, и его будут контролировать министры Евросоюза.

Пермский край

10 сентября 2012 года

В Пермском крае **передано в суд уголовное дело двоих сотрудников** ГУ ФСИН по региону **о растрате имущества на 18,5 млн руб.** Как сообщили в управлении взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ, заместитель начальника объединения исправительных колоний № 2 Алексей Климашевский и заместитель начальника финансово-экономического управления Владимир Кочубей обвиняются, соответственно, в растрате государственного имущества в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса РФ) и в пособничестве совершению этого преступления.

По версии следствия, в 2010 году фигуранты дела растратили имущество ликвидированного государственного предприятия – порта «Усолка» – рыночной стоимостью 25,6 млн руб. В нарушение требований гражданского законодательства возглавляемая А. Климашевским ликвидационная комиссия не размещала сведения о реализуемом имуществе и дате проведения торгов в СМИ, ограничившись рассылкой приглашений лишь нескольким юридическим лицам, из которых к участию в аукционе были допущены две организации. По результатам проведенных торгов они были признаны несостоявшимися, поскольку участниками аукциона были предложены цены значительно ниже начальной цены продажи имущества.

Тем не менее с одной из организаций, предложившей наибольшую сумму – 7 млн руб., А. Климашевский заключил прямой договор купли-продажи имущественного комплекса порта «Усолка», чем причинил бюджету РФ ущерб в размере 18,5 млн руб. При этом В. Кочубей, пользуясь своим служебным положением, содействовал преступным действиям А. Климашевского.

Владимирская область

13 сентября 2012 года

Бывший сотрудник УФСИН осужден за получение взятки и незаконный оборот наркотиков. Собранные следственными органами СК РФ по Владимирской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему младшему инспектору дежурной службы федерального казенного учреждения «СИЗО-1» УФСИН России по Владимирской области 22-летнему Анатолию Зинину. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 228 УК РФ (покушение на пособничество в незаконном приобретении наркотических средств в крупном размере).

Следствием и судом установлено, что в ноябре 2011 года Зинин вступил во внеслужебные, доверительные отношения с осужденным, страдающим наркозависимостью, и согласился доставить для него за режимную территорию наркотические средства за денежное вознаграждение.

14 декабря 2011 года сотрудник учреждения в городе Владимире встретился со знакомым осужденного, получил от него 2 тысячи рублей и пакет с наркотической смесью общим весом около 8 граммов.

В тот же день при попытке пронести запрещенный предмет на режимную территорию Зинин был задержан сотрудниками отдела собственной безопасности регионального управления ФСИН России.

Приговором суда Зинину назначено наказание в виде штрафа в размере 140 тысяч рублей и запрета занимать должности в правоохранительных органах сроком на три года.

Тверская область

19 сентября 2012 года

В Комитет по защите прав заключенных МОПД «Единство» на горячую линию поступило сообщение, что 12 сентября 2012 года спецназом УФСИН России по Тверской области **были избиты осужденные, отбывающие наказание в ШИЗО и ПКТ ФКУ ИК-1**. По предварительным данным, у части осужденных есть телесные повреждения (переломы). Один из заключенных, Зарубов О.Ю., скончался.

Родственникам осужденного Зарубова Олега Юрьевича сообщили, что он скончался от сердечной недостаточности. После получения тела выяснилось, что на теле Зарубова имеются многочисленные гематомы, проломлена лобная часть головы. В настоящее время подано заявление о возбуждении уголовного дела в СУ СК РФ по Тверской области. Также Комитет располагает информацией, что родственникам Зарубова поступают угрозы а также настоятельные рекомендации захоронить Зарубова с диагнозом «смерть от сердечной недостаточности».

Костромская область

22 сентября 2012 года

В СИЗО-2 избивали заключенных. Гематомы и ссадины на телах осужденных были выявлены сотрудниками УФСИН России по Костромской области, которые приехали в учреждение. По данному факту проведена служебная проверка, материалы направлены в Галичский межрайонный СО СУ СК России по Костромской области. Возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Башкортостан

25 сентября 2012 года

В городе Салават **20 осужденных** колонии особого режима ИК-4, содержащихся в штрафном изоляторе, **отказались от приема пищи**

и потребовали встречи с представителями прокуратуры республики и Генеральной прокуратуры России. Своей акцией заключенные пытаются добиться пересмотра некоторых правил. В частности, голодающие требуют убрать камеру видеонаблюдения из помещения отряда со строгими условиями содержания, разрешить осужденным, содержащимся в камерах ШИЗО, встречаться между собой, разрешить осужденным в отряде со строгими условиями содержания встречаться с осужденными, отбывающими наказание в ШИЗО. В учреждении работает комиссия ГУ ФСИН России по Башкирии, прокуратура Башкирии и Общественная наблюдательная комиссия. В настоящее время обстановка в салаватской колонии контролируемая, в учреждении соблюдается распорядок дня. Физическая сила и специальные средства в отношении заключенных не применялись.

Саратовская область

12 октября 2012 года

В колониях Саратовской области **заключенные работают в подпольных цехах**, о которых не знают даже проверяющие. Об этом заявила на пресс-конференции в «Росбалте» мать погибшего от пыток в колонии №13 Артема Сотникова. По словам Ларисы Сотниковой, ставшей после смерти своего сына практически защитницей прав заключенных, в саратовских колониях развиты промышленные производства, где широко практикуется бесплатный труд заключенных.

По ее данным, в швейном цеху колонии строгого режима № 2 г. Энгельса заключенные работают в три смены за «зарплату» в 7–12 рублей в месяц, а заключенным колонии общего режима № 13 в том же Энгельсе приходится трудиться за «зарплату» в 800 рублей.

По словам Сотниковой, чтобы не оплачивать труд заключенных или платить за него копейки, сотрудники колоний регистрируют производства, расположенные на их территории, как «учебные». Она отметила, что в саратовской колонии общего режима № 33, «есть вообще закрытые цеха, про которые не знает ни руководство ФСИН, ни проверяющие.

Обычным делом, по ее утверждениям, является вымогательство работниками ФСИН так называемой «гуманитарки», когда от заключенных требуют «помощи» в виде телевизоров, холодильников, строительных материалов, которая должна поступить от их родственников. При этом, по словам Сотниковой, заключенных бьют до тех пор, пока такая «помощь» не поступит тем, кто ее требует.

«Марш миллионов – кровавое воскресенье»

Страницы из дневника Николая Кавказского

Среди восемнадцати человек, арестованных на момент сдачи этого номера «Неволи» в печать, по делу 6 мая есть люди чуть более известные, а есть – не известные практически никому, кроме их родных и близких. Регулярной связи ни с кем из арестованных нет, выдающиеся писатели ни с кем из них не вступили в переписку. Что было 6 мая, почему именно эти восемнадцать человек из многих десятков тысяч, участвовавших в митинге, оказались в тюрьме – практически неизвестно...

Автор этих записей 26-летний москвич Николай Юрьевич Кавказский – юрист-правозащитник. Он работал в службе посещения тюрем Комитета за гражданские права, занимался с людьми, недавно вышедшими из мест заключения, и их родственниками, отвечал на письма заключенных. На протяжении пяти лет был членом партии «Яблоко», в 2011 году даже входил в список кандидатов в депутаты Государственной думы от этой партии, занимая десятое место в региональной группе по Самарской области; в 2011–2012 гг. был заместителем председателя московского молодежного «Яблока». В разное время Н.Ю. Кавказский состоял в организациях «Левый фронт» и «Солидарность», а в последнее время был одним из ведущих активистов Левого социалистического действия. Активно боролся за права ЛГБТ-сообщества, с детства был вегетарианцем, последовательно отстаивал этические и политические принципы ненасильственного сопротивления...

6 мая 2012 года

Завтра (уже сегодня) народа выйдет конечно не миллион. Но и самые пессимистичные прогнозы в несколько тысяч не сбудутся. Я думаю будет не менее 10 000. Выходить надо, надо бороться. Но надо и понимать что это спад и затухание.

7 мая 2012 года

Вернулся с «Марша миллионов». Такого п*здеца еще не видел... сам получил пару раз дубинкой от ОМОНа. Но говорят, что есть и убитые, но информация не подтвержденная. Я сам видел много окровавленных людей и людей без сознания.

8 мая 2012 года

Активисты ЛСД (Левого социалистического действия) вместе с объединенной колонной *Pussy Riot*, ЛГБТ и Комитета за рабочий интернационал приняла участие в «Марше миллионов», собравшем по разным оценкам от 30 000 до 100 000 человек. (Хотя власть в очередной раз глумливо занизила число участников митинга якобы до 8 тысяч). Во время шествия наша колонна скандировала общедемократические лозунги, а также лозунги в поддержку *Pussy Riot* и ЛГБТ.

На нашу колонну два раза пытались напасть то ли фашисты, то ли, может (заодно), и кремлевские провокаторы, но попытки атаки удалось отбить, и хулиганам осталось только ретироваться. Однако ближе к завершению шествия ОМОН сначала стал препятствовать дальнейшему продолжению акции и устраивать провокации. Закономерным результатом этого стали возникающие потасовки. Полицаи избивали людей дубинками, многие люди были окровавлены и даже падали без сознания от побоев. Пострадали и некоторые активисты ЛСД.

В ответ на зверства ОМОНа в них полетели пластиковые палки и куски асфальта, по крайней мере одного омоновца группа людей вытянула во время столкновения и навешала ему. Были захвачены и первые трофеи (шлемы и дубинки). Заодно закидали и машину телевизионщиков. Есть информация, что досталось и сотрудникам НТВ, которые, по слухам, «выдавали себя за иностранных корреспондентов».

Люди стали сцепляться, чтобы не дать омоновцам продолжать свои бесчинства. Активисты Левого фронта начали ставить палатки, но долго продержаться не удалось. Кто-то даже стал строить легкие баррикады из туалетных кабинок...

Несмотря на это, в этот раз ОМОНу зверскими методами расправы все-таки удалось сломить сопротивление участников акции и задержать сотни (до 400 или даже 600) людей, но исторически обреченному режиму Путина это не поможет.

Еще какое-то время продолжались стычки на Ордынке и Якиманке. Часть людей пыталась пробраться к Манежной площади, но им это не

удалось. Уже после завершения акции в одно из ОВД г. Москвы задержанным со стороны нашей организации была принесена передача.

Теперь попробуем глубокомысленно порассуждать.

Мы не склонны осуждать сторонников Удальцова, Навального и Немцова (как и самих «фронтменов») за устроенное ими «провокационное протестное сидение на дороге». В конце концов к их вечному специфическому поведению стоит относиться, как к явлению природы (дождь может начаться или не начаться, но осуждать или обвинять тут некого). И то, что они смогли мобилизовать только на самом деле небольшое количество людей (а не широкие слои политически нейтральных граждан, занятых наемным трудом), не должно никого удивлять или возмущать.

Любопытнее другое. Впервые в Москве после событий 1993 года в уличном противостоянии в ОМОН летели не только куски асфальта, бутылки, файеры и дымовухи, но и по крайней мере один Molotoff Cocktail. Это, конечно, еще ни о чем не говорит (все-таки плотность «аргументов» на душу населения была небольшой), но достаточно очевидно, что люди приехали со всей страны не для того, чтобы слушать очередных ораторов на очередном митинге. Их вели стыд и гнев.

Конечно, в силовом плане «космонавты» (омоновцы) победили – это неудивительно. Во-первых, противостоящие им силы омоновцев и солдат внутренних войск тупо тренированнее (и экипированнее). Во-вторых, большинство «несогласных» (называйте, как хотите, – «разгневанными горожанами», «декабристами» или еще как) все же не воспринимает сотрудников силовых структур как ЛИЧНЫХ врагов. (Это конечно же имеет классовую причину, но сейчас не об этом.) В-третьих, благодаря лучшей организации тыла и передовой у полицейских всех мастей есть преимущество в плане упорства и боевого духа (они ЗНАЮТ, что коллеги их прикроют и помогут, а протестующие на данном этапе могут лишь НАДЕЯТЬСЯ на это).

Собственно, именно поэтому победить режим силовым путем пусть даже в масштабах одного города практически невозможно при любом численном перевесе. До того момента, когда организованной силе боевиков режима не начнет противостоять столь же организованная сила – гражданская.

Да, акции сопротивления, в том числе и силового, дарят надежду на избавление. Это очень важно, так как позволяет поддерживать боевой настрой протестующих. Однако этого явно недостаточно. Необходимо, чтобы протестующие перешли на новый этап, стали активными сторонниками идеи полной смены всей системы социально-эконо-

мических отношений (а это и будет, извините, «revolutio» – «поворот» по латыни). Собственно тогда они перестанут быть просто «протестующими» (в глазах масс – «против государства»), а станут чем-то большим (имея представления об новой, идеальной жизни, к которой следует стремиться). Пока же относительно высокий боевой (в прямом смысле слова) дух определяется скорее возрастом, а не идейной убежденностью участников противостояния.

И все же столкновения 6 мая стали для многих временем освобождения от иллюзий (не зря уже заговорили в этом смысле о новом кровавом воскресенье). Уже ясно, что когда мы заявляем наши претензии и требования, нас игнорируют. Уже ясно, что, когда мы пытаемся сопротивляться, нас подавляют. Осталось понять, что, когда в обществе широко распространятся идеи отказа от сотрудничества с режимом, когда за авангардом силового блока будут стоять мощные тылы несилового сопротивления бастующих, тихих саботажников и просто медленно и плохо работающих сотрудников важных областей капиталистической экономики, тогда крах режима будет неминуем. Тогда к нам нельзя будет не прислушиваться и не вступать в переговоры – но уже в переговоры о безоговорочной капитуляции. И тогда уже мы будем судить тех, кто сегодня нагло пытается судить нас.

А пока... Пока же растет субъективный фактор революционной ситуации – относительная активность масс. И своими бандитскими методами режим только еще больше злит рабочий и средний класс, толкает новых людей в ряды оппозиции.

P.S. Акции протеста продолжились и в понедельник, в них также принимали участие активисты ЛевСД. Было много задержанных. Сейчас несколько сотен активистов сгруппировались около памятника героям Плевны и объявили там бессрочное стояние.

8 июня 2012 г.

Я призываю всех, кто выйдет на акцию 12 июня на «Марш миллионов» нести плакаты и заявлять лозунги с требованиями свободы Духаниной, Барабанову и Лузянину! Тем, кто будет выступать со сцены, надо требовать этого же. Надо начинать полномасштабную кампанию за освобождение этих людей!

Нет репрессиям в отношении участников митингов!

Лозунгами 12 июня должны стать требования свободы политзаключенных!

10 июня 2012 г.

Массовые задержания участников акции 6 мая. Ночные аресты и обыски у активистов оппозиции. Введения огромных штрафов за участие в митингах. Власти хотят заставить нас бояться. Чтобы нам было страшно лечь спать или выйти на уличную акцию. Фактически против нас развязан самый настоящий террор, какого еще не было за последние лет пятнадцать!

По Википедии: «Террор (*лат.* terror – страх, ужас) – устрашение своих политических противников или населения, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения. Террором также называется угроза физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам, либо запугивание с угрозой расправы или убийства. Синонимами слова «террор» являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение».

Но нельзя опускать руки, наша главная задача сейчас – это массовая организация. Надо объединяться по месту жительства и работы, создавать комитеты и готовить всеобщую политическую стачку! Пора остановить диктатуру!

25 июля 2012 г.

Не наблюдалось ни одного квалифицирующего признака этих деяний, как то: уничтожения имущества, погромов, поджогов, взрывов и вооруженного сопротивления полиции.

Глава СК получил политический заказ на расправу с оппозицией, поэтому следствие ведется крайне пристрастно. Практически все свидетели обвинения – полицейские, заинтересованные и подчиненные люди. Показания, легшие в основу обвинительных заключений, были даны ими уже после арестов тех лиц, на которых они указали, – до этого полицейские говорили, что не видели, кто применял к ним насилие. Даже там, где в материалах обвинения присутствуют видеозаписи, на них нельзя разглядеть ничего, что бы однозначно указывало на применение насилия. Так, что и в кого кидает Александра Духанина, не видно. У Ярослава Белоусова в руке был какой-то непонятный предмет желтого цвета, который, по показаниям «потерпевшего» полицейского, он в него «прицельно» кинул (притом что зрение Белоусова -5 и -9 на разные глаза). Инвалид 2-й группы Михаил Косенко, которому недавно продлили содержание в СИЗО до 6 ноября, был замечен на видеозаписях исключительно благодаря своей красной рубашке.

Несмотря на все вышеперечисленное, в начале июля Басманный суд продлил содержание под стражей до начала ноября Михаила Ко-

сенко, Андрея Барабанова, Максима Лузянина, Ярослава Белоусова и Федора Бахова, а Александре Духаниной – срок домашнего ареста. 10–16 июля Мосгорсуд отказался удовлетворить кассационные жалобы защитников Рихарда Соболева, Артема Савелова, Олега Архипенкова (притом что адвокат привел доказательства его отсутствия на Болотной площади в указанное обвинением время), Владимира Акименкова, Дениса Луцкевича, Степана Зимина и Александра Каменского (во время так называемых массовых беспорядков задержанный, как и Архипенков, на Театральной площади и просидевший до вечера в ОВД, он остался в статусе подозреваемого и отпущен следствием под подписку о невыезде) — все они останутся в СИЗО до начала августа.

Больше Николай Кавказский сделать записей не успел. 25 июля, когда он возвращался домой, его встретили на лестничной клетке оперативники из московского главка полиции. В квартире активиста прошел обыск, были изъяты компьютер и ноутбук, после чего Кавказского задержали и доставили в здание ГУ МВД по Москве на Петровке, 38. По версии следствия, 6 мая в майке с надписью «Че Гевара» он участвовал в противоправных действиях в отношении сотрудников полиции. Следователи заявили, что располагают видеозаписью якобы совершенных Кавказским действий, однако при обыске ему продемонстрировали лишь статичный кадр, где он спокойно стоит на Болотной площади в день марша 6 мая.

26 июля в Басманном суде представитель СК заявил, что Кавказский подозревается в применении насилия к представителю власти (ч. 1 ст. 318 УК) и участии в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК).

Ожидая начала суда, Кирилл Гончаров, лидер молодежного крыла партии «Яблоко» (в нем некоторое время состоял задержанный), написал на бумажном листе: «Свободу Николаю Кавказскому!» Увидевший это пристав стал выгонять его из суда. Гончаров возмутился, так как никаких норм закона не нарушил.

– Вы что, пришли сюда права качать? – спорил пристав.

– Ну да, я в суде – сюда приходят качать права, – парировал Кирилл. В итоге три пристава вытолкали его на улицу.

В тот же день суд арестовал его до 25 сентября.

24 сентября 2012 года Басманный суд продлил срок ареста Николаю Кавказскому до 6 ноября. На момент подготовки этого номера журнала к печати этот прекрасный человек остается в заключении.

Канада: тюрьмы не приспособлены для пожилых людей

По мнению Главного тюремного контролера Канады Говарда Саперса, федеральные тюрьмы плохо приспособлены для пожилых заключенных. Изучив эту проблему, он обращает на нее особое внимание в своем только что обнародованном докладе.

В течение последнего десятилетия количество пожилых заключенных в федеральных тюрьмах страны удвоилось. Ежегодно от естественных причин в них умирает около пятидесяти человек.

В региональную больницу, находящуюся в пенитенциарном центре «Аршамбо» города Сент-Анн-де-Плэн, Служба исправительных дел Канады направляет тяжелобольных из всех других пенитенциарных учреждений Квебека, находящихся в подчинении федеральных властей. Несколько камер здесь зарезервировано специально для оказания паллиативной помощи¹. Медсестра Джоан Джинграс старается оказать помощь всем заключенным, но задача осложняется необходимостью соблюдения требований режима.

– Здесь у нас есть лица, которые практически не могут ходить. У некоторых – сахарный диабет, гипертония, астма, – говорит медсестра.

Джоан рассказывает, что в тюрьме часто наблюдаются церебральный паралич и многие заключенные вынуждены пользоваться креслами-каталками.

¹ Паллиативная помощь – это подход, позволяющий улучшить качество жизни пациентов, столкнувшихся с проблемами угрожающего жизни заболевания, путем предотвращения и облегчения страданий благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и лечению боли и других физических симптомов, а также оказанию психосоциальной и духовной поддержки.

Пьер Уэлле провел за решеткой в различных канадских тюрьмах 38 лет. Этот 63-летний мужчина, который в настоящее время находится в карантине, чувствует себя более или менее хорошо, но и он утверждает, что тюрьмы плохо приспособлены для пожилых заключенных.

– Все эти давно построенные здания совершенно не годятся к нахождению в них инвалидов или людей с ограниченной подвижностью, – утверждает заключенный.

Он добавляет, что, по его наблюдениям, в тюрьмы стало попадать все больше и больше людей, кому пятьдесят лет и более.

В своем последнем докладе Говард Саперс указывает, что во многих пенитенциарных учреждениях коридоры слишком узки для того, чтобы по ним можно было передвигаться в инвалидной коляске, а сами камеры очень малы для того, чтобы в них можно было установить специальные медицинские кровати. Многие пожилые заключенные вынуждены прибегать к помощи других заключенных.

Г-н Саперс добавляет, что канадские законы обязывают тюремную систему оказывать необходимую медицинскую помощь тем заключенным, которые в ней нуждаются. К сожалению, пенитенциарные учреждения не приспособлены для оказания паллиативной помощи. Кроме того, по мнению г-на Саперса, отсутствует необходимая подготовка сотрудников исправительных учреждений.

Главный тюремный контролер полагает, что проект закона С-10, который предусматривает применение более длительных сроков заключения, лишь умножит проблемы, связанные со старостью, в тюрьме. Он рекомендует при строительстве новых тюрем предусмотреть специальные гериатрические отделения. Правда, на сегодняшний день в правительстве Канады таких проектов нет.

Из доклада Главного тюремного контролера Канады: «Наиболее распространенными заболеваниями среди пожилых заключенных являются депрессия, болезнь Альцгеймера, тревожные состояния, шизофрения и старческое слабоумие».

Статистика тюрем федерального подчинения:

- Средний возраст заключенных – 47 лет;
- 20 процентов тюремного населения имеют возраст 50 лет и выше;
- 3000 человек отбывают пожизненное лишение свободы.

США: наказание чтением

Американский судья Томас Уилмор некоторых обвиняемых вместо тюрьмы приговаривает к чтению «Отверженных» Виктора Гюго. Прочитав книгу, осужденный обязан пересказать судье содержание романа и высказать свое мнение. Как считает судья, эта книга дает осужденным шанс измениться к лучшему.

В романе Виктора Гюго «Отверженные», написанном в 1862 году, разочаровавшийся в жизни Жан Вальжан крадет подсвечники у монсеньора Бьенвеню, епископа, который приютил его у себя. Когда же полиция поймала вора, священник прощает Жана и говорит полицейским, что он сам ему подарил подсвечники. Вальжан, на примере этого великодушного поступка, начинает понимать, как важно быть хорошим человеком.

– Это прекрасная, замечательная литература, – утверждает судья Томас Уилмор, отправляющий правосудие в городе Логан штата Юта. Очень вдохновленный этой притчей о важности дать человеку второй шанс, он уже приговорил нескольких обвиняемых вместо тюремного заключения к чтению и пересказу этого знаменитого произведения Виктора Гюго. Приговор к чтению судья не рассматривает как наказание, а как «средство», которое помогает людям оценить свою жизнь и изменить ее к лучшему.

Судья Уилмор в первый раз приговорил одного из обвиняемых к чтению «Отверженных» в 2009 году. С тех пор он вынес уже несколько таких же приговоров. Судья считает, что при вынесении приговора необходимо учитывать четыре компонента: собственно наказание, устрашение (чтобы избежать рецидива), поучительный характер (в наставление другим) и – главное – реабилитацию по завершении наказания. Конечно, судья использует «наказание чтением» лишь к тем, кто впервые столкнулся с правосудием, и только в том случае, если он считает, что тот или иной подсудимый не потерял для общества.

Судья Уилмор конечно же не до такой степени наивен, чтобы считать, что человек может быть спасен лишь чтением. Но он отмечает, что те, кто читает книги, более способны к самоанализу. Некоторые из обвиняемых, дела которых он вел в суде, продолжают с ним общаться, читают книги, а затем их пересказывают.

Уилмор старается, чтобы люди рассматривали свои проблемы через призму прочитанных книг, которые он предписывает им читать. Именно поэтому некоторых обвиняемых он приговаривает к прочтению «Большой книги» – манифеста организации «Анонимные алкого-

лики», в которой детально описываются все двенадцать этапов программы по самостоятельному излечению от этой пагубной страсти.

На федеральном уровне существует официальная программа «Изменение жизни с помощью литературы», стартовавшая в 1991 году в штате Массачусетс. Затем она была распространена еще в восьми штатах. В рамках этой программы за некоторые виды преступлений в виде наказания назначается не тюремный срок, а обязанность присутствовать и участвовать в семинарах по литературе во все время периода probation. Что интересно: среди тех, кто участвовал в такой программе, рецидив не превышает 20%, тогда как среди лиц, приговоренных к «традиционным» наказаниям, он превышает 45%.

Франция: коллекция палача выставлена на аукцион

Гильотина, дробящие запястья наручники, кандалы, веревки для виселицы, приговоры к смертной казни – свидетельства самых разных видов наказаний, от которых приговоренные страдали на протяжении трех веков. 350 жутких предметов, собранных Фернаном Мейсонье, одним из последних французских палачей, будут проданы на аукционе в Париже.

Бывший «главный палач по уголовным делам» во Французском Алжире, впоследствии обычный пенсионер, скончавшийся в 2008 году в возрасте 77 лет, Фернан Мейсонье, лично исполнивший свыше двухсот смертных приговоров, еще в начале своей «работы» начал собирать необычную коллекцию, состоящую из предметов и приспособлений, при помощи которых на протяжении нескольких веков осуществлялся процесс «наказания».

В течение десятка лет Фернан Мейсонье устраивал выставки этих зловещих предметов в Историческом музее правосудия и наказания, который он сам и основал в городке Фонтен-де-Воклюз. Со смертью Мейсонье закрылся и музей. А его семья передала всю коллекцию для распродажи на аукционе, организуемом торговым домом «Корнет де Сен-Сир».

– Все эти исторические объекты свидетельствуют о жестокости применявшихся ранее наказаний. Они стали настоящими достопримечательностями и символами развития уголовного законодательства. Это очень редкая коллекция. Фернан Мейсонье объездил всю Европу, собирая предметы, имеющие отношение ко всему, что касается исполнения наказаний и вынесения приговоров. В коллекции есть даже экспонаты периода инквизиции, – рассказал корреспонденту агентства

Франс Пресс Жану-Франсуа Гийо представитель торгового дома «Корнет де Сен-Сир» г-н Бертран.

По заказу Фернана Мейсонье была изготовлена точная копия гильотины («административная модель 1897 года») высотой 4 метра. Она оценивается в сумму от 6000 до 8000 евро. К приобретению предлагаются еще два кошмарных предмета: «корыто», которое, согласно официальной инструкции тех времен, использовалось для того, чтобы в него падали отрубленные головы; и плетеный сундук, в котором, опять же согласно инструкции, должны были храниться обезглавленные тела, рассчитанный на четырех казненных.

Веревка для повешения «посвящена» британскому палачу Сиду Дернли. Ее надеются продать за полторы тысячи евро. А вот начальная цена специальных наручников, с помощью которых дробились кисти рук, объявлена 2500 евро. Среди экспонатов еще одна реликвия: дверь от камеры № 21 старинной парижской тюрьмы Мазас. В этой камере во времена Парижской коммуны ожидал своего расстрела архиепископ Парижский монсеньор Дарбуа.

Фернан Мейсонье также интересовался предметами «наказания», которые изобретали частные лица. Так, участники аукциона смогут купить старинный «пояс целомудрия», который Мейсонье удалось где-то отыскать.

Любители криминальной истории будут бороться за улики с различных судебных процессов, подлинники королевских указов о заточении без суда и следствия, декреты о казнях, изданные трибуналом во времена Революционного террора. Есть в коллекции и автографы Шарля-Анри Сансона – знаменитого палача короля Людовика XVI, а также и не менее знаменитого Видока, уголовного, ставшего начальником парижской полиции.

– Эта экспозиция, предметы из которой можно купить, одновременно даст ответы на многие вопросы, связанные с тем, как власти заставляли в качестве наказания страдать, – подчеркнул представитель торгового дома «Корнет де Сен-Сир» г-н Бертран.

Марокко: экс-чемпион мира по боксу рассказывает о своем заключении

Экс-чемпион мира по боксу Закариа Мумни провел 17 месяцев в марокканской тюрьме. С самого начала Международная федерация по защите прав человека, а также другие организации, знаменитые актеры и спортсмены боролись за его освобождение. В конце концов ко-

роль Марокко Мохаммед VI помиловал знаменитого спортсмена, единственного в мире араба, ставшего чемпионом по боксу.

Во время пресс-конференции экс-чемпион рассказал журналистам подробности своего ареста в аэропорту Рабата и о пытках, которым его подвергли в тюрьме.

27 сентября 2010 года Закариа Мумни, возвращаясь из Парижа, прилетел в аэропорт Рабата. Сотрудник полиции задержал его во время прохождения погранконтроля, и «он объяснил мне, что в отношении меня имеются подозрения, будто бы я посягаю на устои религии. Он сказал, что сейчас придут какие-то люди и отведут меня в комиссариат полиции, чтобы решить эту проблему и снять с меня обвинения».

С этого момента начались круги ада, которые пришлось пройти боксеру. Закариа вывели на взлетную полосу, надели наручники и усадили в машину. На глаза надели повязку. «Я запаниковал», – признается боксер. Его привезли куда-то, вывели из машины и надели на ноги кандалы. Доставив в какую-то комнату (боксер по-прежнему ничего не видел, так как повязку с глаз у него не сняли), его начали избивать и пытать.

– Били во все места, – вспоминает Закариа, – эти люди почему-то испытывали по отношению ко мне непонятную ярость. Затем начали прикладывать электроды к ногам, голеням, другим частям тела, говоря при этом, что со мной работают настоящие мужчины. Разрежем тебя на части, говорили они, сделаем из тебя котлету, и никто ничего не узнает.

Спортсмену не разрешили позвонить ни супруге, которая ждала его в Рабате, ни семье. При этом, вспоминает Закариа, пытая, истязатели не предъявляли никаких обвинений. Прошло много часов, а может, дней. Боксер потерял счет времени. А потом ему дали подписать какие-то бумаги, вспоминает Закариа, чтобы с его бизнесом якобы было все в порядке. Ну а затем его отвезли в тюрьму.

«Нас было 50 человек в камере площадью 40 квадратных метров. В ней стояли койки в несколько ярусов. Но 32 из нас спальных мест не хватало, и они были вынуждены спать на полу. Чтобы получить спальное место, мне надо было заплатить. В качестве денег используются сигареты, – рассказывает Закариа. – Никакой гигиены, повсюду тараканы, у заключенных множество шрамов, а у некоторых на теле язвы. Между заключенными постоянно вспыхивали драки, мне с трудом удавалось их избегать. Дерутся там, используя лезвия. В общем, это настоящий ад».

Пройдя все эти кошмарные испытания, Закариа так и не понял, за что же его арестовали и пытали.

Мохаммед VI помиловал его 4 февраля. Но спортсмен ничего не забыл.

– Сегодня я чувствую себя преданным своей страной. У меня нет больше к ней доверия, – говорит Закариа Мумни. – А ведь власти обещают новую Конституцию, которая гарантирует правовое государство и демократию. Как им можно верить?

Закариа Мумни добивается встречи с королем, чтобы лично рассказать Мохаммеду VI о том, что ему пришлось пережить, и потребовать правосудия.

Патрик Бодуэн, почетный председатель Международной федерации по защите прав человека, и Эйад Ахрам, координатор по поддержке Закариа Мумни, во время пресс-конференции осудили действия властей Марокко, назвав историю с боксером «вопиющей несправедливостью» и потребовав его полной реабилитации.

Мавритания: куда пропали заключенные?

Что стало с мавританскими заключенными, осужденными в Нуакшоте по обвинению в террористической деятельности, которые вдруг неожиданно исчезли? В течение более девяти месяцев «их место заключения, в полное нарушение международных конвенций по правам человека, не раскрывается». Именно так в своем коммюнике от 23 февраля 2012 года заявила влиятельная правозащитная организация Международная амнистия, проведя на месте собственное расследование.

23 мая 2011 года в 3 часа ночи четырнадцать заключенных из центральной тюрьмы Нуакшота, столицы Мавритании, были выведены по одному из своих камер и увезены в секретные тюрьмы представителями спецслужб в масках. Такое в Мавритании, которой руководит бывший генерал Мохаммед ульд Абдель Азиз, ставший с 2005 года главной мишенью отделения «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба (AQMI), произошло впервые.

По официальной информации, исчезнувшие заключенные находятся в закрытой военной зоне, располагающейся в провинции Адрар, на севере страны, вблизи от военных баз, где французские и американские инструкторы из сил специального реагирования готовят мавританских военных к борьбе с терроризмом. 8 июня 2011 года, спустя три недели после того, как эти заключенные были вывезены, все их вещи – книги, почтовые конверты, одежда – без всяких объяснений были переданы находящимся в панике семьям. Местный «Гуантана-

мо»? Министерство юстиции Мавритании не пожелало ничего сообщить по этому поводу.

Одиннадцать заключенных, некоторые из которых прошли подготовку в лагерях AQMI на севере Мали, хорошо известны спецслужбам, в том числе западным. Восемь из них приговорены к смертной казни (в Мавритании смертная казнь не отменена, но фактически не применяется с 1987 года), из которых 37-летний Кадим ульд Семан считается главой ячейки «Союзных бойцов Аллаха в Мавритании», связанной с «Аль-Каидой». В 2010 году суд города Нуакшота признал его виновным в стрельбе по посольству Израиля (в настоящее время посольство закрыто), во время которой погиб один полицейский. В этом списке также фигурируют три главных подозреваемых в убийстве четырех французов в городе Алег, которое произошло в 2007 году. Это Сиди ульд Сидна, Мохаммед ульд Шабарну и Мааруф ульд Хаиба. Среди вывезенных заключенных находится и Мохаммед ульд Ахмеднах Ульд Мохаммед Салем, признанный виновным в убийстве гражданина США Кристофера Леггета. Он был убит пулей в голову в самом центре столицы – Нуакшоте – в 2009 году. Также среди вывезенных из центральной тюрьмы числятся Мохаммед ульд Абду, Абдеррахман ульд Арета и Мохаммед ульд Шбих, осужденные за нападение в 2008 году на воинскую казарму в Турине, около Зуерата, на севере страны, в результате которого погибло 11 военнослужащих. Остальные заключенные из этого списка приговорены за соучастие в преступлениях на срок от 8 до 11 лет лишения свободы.

Сразу после исчезновения этих 14 заключенных их близкие, гуманитарные организации, а также член оппозиционной партии депутат мавританского парламента Мустафа ульд Бедредин предприняли усилия, чтобы узнать, где же сейчас содержатся эти лица. Но все их запросы столкнулись с полным молчанием мавританских властей. Лишь представляющей интересы всех семей этих заключенных Мериэм Минт Эль-Мостли, сестре Мухаммеда Махмуда ульд Себти, осужденного к 10 годам тюрьмы за участие в убийстве четырех французов в Алеге, было разрешено встретиться с министром юстиции Абидином Элхейром. Но и он ничего не ответил по существу. Международной амнистии удалось узнать только, что заключенные были перевезены в «безопасное место» и что с ними «корректно обращаются».

По сведениям от одного из сотрудников мавританских спецслужб, пожелавшего сохранить анонимность, перевод этих заключенных, рассматриваемых как «опасные», в тайную тюрьму был осуществлен, поскольку они вели «подрывную деятельность» в Центральной тюрьме

Нуакшота. «Они поддерживали контакты со своими единомышленниками, иногда даже контактировали со средствами массовой информации и отрицательно влияли на других заключенных», – утверждает этот анонимный сотрудник спецслужб.

Справка

Пенитенциарная система Мавритании

В **18** пенитенциарных учреждениях по состоянию на 2010 год (более поздних данных нет) содержалось **1700** заключенных, в том числе: подследственных – **41,2%**, женщин – **3,6%**. Точное количество несовершеннолетних заключенных неизвестно, но в центральной тюрьме в Нуакшоте в декабре 2005 года их было **35**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **50** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **101,9%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь (фактически не применяется с 1987 года). **Условия содержания** в тюрьмах оцениваются как очень тяжелые из-за антисанитарии, инфекций, перенаселенности камер, избиений и пыток.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **Центральная тюрьма (Нуакшот)**. Насчитывает около 500 человек, в том числе женщин и несовершеннолетних. В 2005 году в одной из местных газет появилась статья о том, что в здании тюрьмы был снят порнографический фильм. Автор заметки и один из топ-менеджеров газеты позднее были арестованы, первый провел за решеткой чуть более месяца, второй – один день. В феврале 2007 года 36 человек бежали из тюрьмы через туннель, ведущий в центр города. 12 беглецов были задержаны. Самые известные заключенные этой тюрьмы: бывший начальник генштаба Мавритании полковник Эль Арби ульд Сиди Али и другие высокопоставленные военные эпохи правления президента Тайи, свергнутого в 2005 году.

Из доклада **Международной амнистии – 2011** «Права человека в современном мире»: «Пытки и другие виды жестокого обращения оставались обыденным явлением, а условия содержания под стражей – суровыми. Множество людей произвольно задерживались и помещались под стражу на несколько дней или недель. Лица, подозревавшиеся в принадлежности к вооруженным группировкам, подолгу содержались в заключении без суда и следствия. Сохранялось рабство. Не менее 16 человек были приговорены к смерти.

Сотрудники полиции, военнослужащие и сотрудники тюрем применяли пытки и другие виды жестокого обращения к мужчинам и женщинам, находившимся под стражей по политическим причинам или по

подозрению в совершении уголовных преступлений. пытки, как правило, применялись сразу после ареста в изоляторах, в том числе в первой бригаде полиции и казармах жандармерии.

Хотя власти Мавритании отрицали, что пытки по-прежнему применяются, в течение года множество людей утверждали, что их пытали либо к ним применяли иные виды жестокого обращения. Сотни заключенных содержались в переполненных тюрьмах в антисанитарных условиях. Им не оказывали медицинской помощи и плохо кормили.

Условия содержания в некоторых тюрьмах представляли собой жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. В тюрьмах Нуадибу и Дар-Наима близ Нуакшота заключенные содержались в тесноте и удушающей жаре. Им редко позволяли выходить из камеры, чтобы подышать свежим воздухом. В тюрьме в Дар-Наиме, рассчитанной на 350 человек, находилось свыше 1000 узников.

Сотрудники тюрем согласились с *Amnesty International*, что тюрьмы в Дар-Наиме и Нуадибу не соответствуют национальным стандартам, и указали на недостаточное медицинское обслуживание, плохое состояние канализации, влажность и отсутствие вентиляции в камерах».

*Составил и перевел с французского
Юрий Александров*

Заочница, или «Пьющих и судимых просьба не беспокоить»

Посвящается Татьяне Докучаевой

– Слышите, мужчина, я русским языком вам говорю – умерла она в прошлом году. Похоронили ее как положено. И с училища, где преподавала она, народу было много. Жалко, конечно, но что ж теперь-то сделаешь. До свиданья.

Дверь квартиры захлопнулась. А я еще стоял на лестничной площадке и пытался осознать то, о чем, впрочем, интуитивно как-то догадывался. Тани уже нет, и все эти слова уже ни к чему и (главное!) некому.

Осознание этого всколыхнуло память с новой силой, извлекая то, что было в ней запрято, как уже ненужное и теперь даже лишнее. Как будто встряхиваешь ворох старых газет и вдруг замечаешь в них некролог о близком человеке. И вдруг осознаешь, что ничего случайного в этой жизни не бывает, что неведомая Высшая Сила реально существует, указывая тебе на то, что является для тебя дорогим и значимым в этом круговороте событий, который принято называть жизнью. Дорогим и значимым бывают только люди, которые помогли тебе остаться человеком. Деньги и барахло, которые в определенные периоды вращаются около нас, в памяти почему-то не фиксируются. Да и стыдно как-то становится в такие моменты сопоставлять человека с деньгами и вещами. Память, лишь когда получает сигнал, что человека уже нет среди живых, выдает всю информацию, связанную с ним. Плохую мы сразу откидываем (прощая покойному его слабости), а хорошую (если таковая остается) мы жадно перебираем и анализируем, надеясь найти в ней ответ на вопрос: «А почему он ко мне так хорошо относился?»

Был конец ноября 1996 года. Я «тянул срок» на зоне общего режима. Потому был никому не нужен и спокоен в своем отчаянном одино-

честве. На вечерней проверке наш отрядный, майор Анулькин Николай Герасимович, осматривал внешний вид вверенного ему спецконтингента. Отряд стоял на плацу, разделившись на пятерки, а отрядный с дневальным ходили вдоль строя, весело выискивая нарушителей режима. Внимание уделялось стрижке (не длиннее двух сантиметров), наличию бирки установленного образца на одежде (на левой стороне груди) и чтобы одежда соответствовала допустимым требованиям (все должно быть темного цвета, «без вольнячих наворотов»). Когда Герасим проходил мимо меня, он остановился, рассмотрел меня «с ленинским прищуром глаз» и весело сказал:

– Ты, это, зайдешь ко мне, для беседы.

И стоящий подле него дневальный сделал отметку у себя в блокноте.

«Опять в "козлоту" будет вербовать или чтоб загрузился какой-нибудь явкой с повинной, – подумал я. – Вроде после последнего залета на ШИЗО нарушений у меня не фиксировали».

Когда после ужина пришли в отряд и тусовались по «локалке», дневальный выкрикнул фамилии тех, кому Гера назначил аудиенцию. Был там и я.

В очереди к кабинету отрядного стояли молча. Здесь были как «званные» (это те, кого «Гера» вызвал для беседы сам), так и «просуны» (те, кто записался на прием по личной инициативе). «Просуны» обычно просили либо «послабухи» в режиме, либо «свиданки» с родней, либо теплой должности (предварительно заложив Герасиму все косяки того, кто эту должность на данный момент занимал). Просившие об УДО, дабы заслужить это УДО, сливали всю информацию, которую отрядный просил узнать, либо которую сами заметили, зарабатывая таким образом свое долгожданное УДО. Зона была «красная», потому отрядному стучали процентов девяносто состава, а может, и более.

Зайдя в кабинет, я, как и положено, назвал свои ФИО, статью, срок, начало и конец срока, то есть все, что было написано в лежащей перед отрядным моей карточке, да и что сам Гера давно знал, без карточки и без моего доклада. Но форму доклада нужно было соблюсти, иначе был бы «непорядок» и – как следствие – очередное ШИЗО.

– Присаживайся, – весело предложил отрядный. – Я что вызывал-то? Что-то пишем тебе никто не пишет. Не скучновато ли таким путем сидеть?

– Почему не пишут? А брат? – удивился я.

– Да я не о том. Неужели бабы-то никакой у тебя на воле не осталось?

– Не осталось. С женой развелся еще под следствием, так что новую найти не успел. Подруги, какие и были на воле, так давно уже других спонсоров нашли. А вы, Николай Герасимович, с какой целью-то интересуетесь? Чем меньше нам писем, тем и работы вам поменьше. Или я чего не догоняю?

– Если бы ты все, как надо, вовремя догонял, то здесь и сейчас, наверное, не сидел бы. Объясняю подробнее. Через год и три тебе на волю уходить, а у тебя ни кола ни двора, и идти-то тебе некуда. Бомжты по документам. Это раньше, в период застоя, когда порядок на воле был, тогда участковые заботились и о прописке, и о трудоустройстве таких, как ты. Худо-бедно, а койку в общаге и денег на питание тебе давали. А теперь на воле такие вот откинувшиеся на хер никому не нужны. И никакой общаги тебе не светит, и жрать на воле будет нечего. Так что хочешь не хочешь снова пойдешь и воровать, и убивать. И повисишь ты нам опять же процент по рецидиву, и скажут «вольнячие менты», что ни хрена не работают над перевоспитанием зэков на зоне, и снова сделают меня же крайним, козлом отпущения. Потому я уже сейчас должен думать, куда бы всех вас бомжовых освобождающихся пристроить на воле. Чтoб не заехали вы через месяц-другой после освобождения на СИЗО, а потом снова – в мои родные объятия. Доступно излагаю?

– Вполне. Особенно про «козла» хорошо получилось.

– Так, это с одной стороны. А с другой – смотрю я на тебя, мужик ты видный, с головой и с руками, вредных привычек вроде нет, даже не куришь. Любая одинокая баба возьмет тебя в хозяйство. Так что хочу сделать доброе дело и тебе, и бабе какой, да и мне, может, на том свете зачтется. Ты как, не против с заочницей какой познакомиться?

– Да я-то не против, вот только кому я, беспонтовый зэк, нужен?

– Ты приехал сюда издалека и не знаешь, что в нашем городе, по данным последней переписи, на одного мужика приходится штук пять баб. А после перестройки-перекраски, когда всю демократию распустили, мужик на воле совсем измельчал: кто «на игле», кто «плотно на стакане», а некоторые открыто в «пидоры» подались. Называются сексуальными меньшинствами. В общем, путевый одинокий мужик сейчас на воле в дефиците. Потому к освобождению вполне можешь найти здесь какую-нибудь нормальную бабу, без мужа и без других вредных привычек, но с квартирой и с деньгами. Будет где жить хоть первое время, пока сам на ноги встанешь. Не на вокзале же бомжевать? Ну, ты как?

– И как же я, находясь безвылазно в зоне, буду искать такую заочницу?

– А для этого у нас в городе создали газету бесплатных объявлений. В ней есть раздел «Знакомства». Могу дать тебе страницу с этим разделом, здесь же и купон имеется. Заполнишь его так же, как и другие в своих объявлениях пишут, и посылай в редакцию. Может, кто и откликнется.

– Да я-то заполню и пошлю. Но я еще не слышал о богатых, незамужних и смазливых бабах, которые мечтают познакомиться с «голым» эком. То, что у эка «ни родины, ни флага», ни паспорта, ни денег, – это еще полбеды. А если у него открытый «тубик», сифилис в «пять крестов», либо СПИД по полной программе? Если он наркуша-хроник или псих-маньяк серийного профиля? Сомневаюсь я, что будут ответы на мои позывы в купонах. Да если и будут, что ж я должен думать о бабе, которая ищет себе мужа по объявлениям среди бомжей-уголовников? Полный наклон психиатрии? Я таких и сам испугаюсь.

– Ты здесь жути-то не нагоняй. Администрация контролирует переписку, и, если бы ты был маньяк, «спидонос» либо другая нечисть, мы бы сами предупредили вольную сторону о твоих талантах. Ты нас совсем дураками-то не считай, – сказал Гера, протягивая мне лист газеты. – Я в санчасти пробивал, «тубик» у тебя еще по лету зарубцевался. Других болезней нет. Так что не приbedняйся.

– Ладно, договорились, – решил я побыстрее закончить разговор, ибо длительная индивидуальная беседа с отрядным «красной» зоны вызывала подозрение у эков, особенно у «козловой» масти. – Спасибо вам, Николай Герасимович за заботу. Вы для нас как отец родной, – умастил я конец разговора, хотя Герасим был по годам чуть моложе меня. Газету я аккуратно сложил в карман: «На крайняк на тарочки сгодится».

Ознакомившись с имеющимися в разделе «Знакомства» объявлениями, я составил аналогичное («не более 25 слов»), честно указав, когда освобождаюсь и что «жилья нет». Аккуратно вписав текст в купон, я послал его в редакцию, сомневаясь, что кто-либо на него клюнет. Но само ожидание результата сделало жизнь интереснее, ибо надежда на лучшее всегда придает силы.

Прошло около месяца, и дневальный вручил мне три письма. Все три были почти одинаковы: «Напишите подробнее о себе. Если можно пришлите фото». Ко всем трем были приложены конверты с обратным адресом, причем на одном было написано «д/в, п/п №». Я подробно описал свою биографию, стараясь нигде не перейти грань дозволенного при общении с приличными женщинами и указав, что фотографироваться на зоне запрещено, отослал свои ответы по адресам.

Жить стало еще интереснее. «Неужели я еще кому-то нужен? Неужели эти бабы не могут найти себе нормального мужика на воле?» Вопросы эти интриговали меня, внося определенный интерес в серость и однообразие отрядных будней.

Далее я получил два (из трех возможных) писем. Подруга с неопределенным обратным адресом, видимо, уяснив, что спонсора из меня не получится, больше писать не стала. Из двух оставшихся одна все больше интересовалась, как я отношусь к Богу и не желал бы я вступить в ряды свидетелей Иеговы. Я ответил, что к Богу всегда относился с уважением, доверием и надеждой, а что касается свидетелей, то я привык жить своим индивидуальным умом и вступать в различные религиозные организации не планирую. На этом наше общение со второй, «религиозной», подругой прекратилось.

Третья подруга, ее звали Таня, написала подробно про себя, какое образование получено, где и кем работала, какая у нее обширная родня и что намерения у нее – «найти человека для серьезных отношений». И хотя я смутно представлял, что она под этими «серьезными отношениями» подразумевала, сразу почувствовал, что женщина эта простая до наивности и надежная до самопожертвования. Интуиция меня не подвела, ибо именно Таня и стала моей верной заочницей.

Постепенно наша переписка участилась: мы переписывались почти каждую неделю, живо интересуясь делами и интересами друг друга. Письма получались на удивление длинными: не менее двух тетрадных листов убористого подчерка. Я раньше так много никогда и никому не писал. Человек ко всему привыкает, и я постепенно привык получать письма от Тани и отвечать на них. Однажды Таня прислала мне свою фотку, и я удивился, что такая красивая женщина живет на воле одна. Я побоялся оставлять карточку у себя, ибо не хотел, чтобы на еженедельных пятничных шмонах фото становилось объектом внимания проводивших шмон оперов. Ведь городок здесь был маленький, и не хотелось «подставлять» Таню под различные сплетни. Потому я в следующем же письме вернул карточку, пояснив, что она «мне очень понравилась, но опасаясь, что такую красивую фотку здесь могут спереть».

Как только я начинал писать письмо, я тут же представлял образ Тани, которую я видел на фотокарточке и вступал с ней в диалог. Это был диалог двух истосковавшихся по доверительной и искренней беседе людей. Постепенно этот диалог настолько вошел в мою жизнь, что заполнил все мое сознание. Я мысленно беседовал с Таней почти всякий раз, когда режимная жизнь позволяла сконцентрироваться на внутреннем мире. Избранные места этого мысленного диалога «шли-

фовались» и ложились на бумагу, образуя новое послание. Часто я писал новое письмо, еще не получив ответ на предыдущее. Эти письма помогали мне разбираться со своими сомнениями и детально формулировать ответы на те жизненные ситуации, в которые человек часто попадает. Я никогда ранее не писал таких длинных, вернее емких, писем. Более того, я никогда не думал, что можно так доверительно общаться с человеком, которого никогда не видел.

Между тем лагерная жизнь текла своим чередом: из «промки» – на отдых в зону, из зоны – на работу в «промку». Настала весна, и на зоне появился «рентген-вагон» – автобус с рентгеновской установкой внутри – для выявления тубиков. Почему-то именно весной, когда вся природа оживает, больных тубиком заметно прибавляется. Отряды на зоне были переполнены выше крыши: спали даже на «вертолетах» – это такой настил, который ночью клали в проходняке между шконками второго яруса. Изолировать сразу всех тубиков в санчасти было нереально: слишком уж много их было. Потому изолировали самых-самых, тех, кто по утрам отхаркивался густыми кровавыми шмотками, или, выражаясь по-научному, у кого была «открытая форма с выделением палочки Коха». Большая же часть тубиков оставалась в отрядах. Кто был более сознательным, старался сам свести риск заражения других к минимуму. Эти старались избегать группового распития чифира либо каких других излишних контактов со здоровым контингентом. Но были и другие, которым было наплевать, заразится ли от них кто-либо или нет. «Не сегодня так завтра все равно эта беда и у вас будет. Зэк без тубика, что собака без блох».

Дело доходило до крупных базаров: молодые, недавно заехавшие на зону зэки и особенно спортсмены, требовали, чтобы тубиков не пускали в КВР во время просмотра телевизора, и вообще относились к тубикам как к людям неприкасаемым, приравнивая их чуть ли не к «пидорам». Обстановка накалялась с каждым новым этапом на зону: когда приезжало много больше, чем увозили на больничку, которая, как говорили, была переполнена «до вертолетов». Нужно было что-то делать, а так как авторитеты в данной «красной» зоне выше ШИЗО-ПКТ не поднимались, то решили послать меня («ты грамотный, высшее образование имеешь») на разговор с «хозяином», то есть с начальником данного УИН.

«Хозяин» принял меня добродушно. Разыгрывался классический дуэт, когда опера и попкари – злые надсмотрщики, а «хозяин» – хороший и добрый барин. Он, оказывается, не знал, что тубиков не отделяют на санчасть, и что холод в отрядах, и что положняковую пайку не

дают в полной мере, как положено. По мере разговора «хозяин» делал отметки в блокноте и обещал разобраться. К концу беседы он спросил:

– Ну а тебе-то лично – что от меня надо? Неужели ты только из-за этой пропившей мозги синевы и пришел разговоры со мной вести?

Я ответил, что мне лично ничего от него не надо.

– Как так? А я-то думал, ты свиданку со своей заочницей хочешь? Она-то, бедолага, давно мне заявление написала. Но свидания, как ты сам знаешь, у нас положены только между родственниками или с жёнами. А как вот с тобой быть, я и не знаю? Опять ты, оказывается, народ баламутить. – Полковник был опытным психологом. Он сразу понял: или я сейчас сломаюсь, или же откажусь от свиданки и стану ему заклятым врагом.

– Я не о свиданке пришел просить, а поговорить о положении в зоне: если срочно не вывезите всех тубиков на больничку, то начнется напряга в отрядах: драки и резня. Вам же самим эти ЧП не нужны. Зачем народ до этого доводить?

– А ты народ с преступниками не путай. Народ – это те, кто честно работает, а вы здесь – это паразитирующий преступный элемент. И чем больше вас здесь на зоне подохнет, тем лучше для страны и для всего остального честного народа. На воле нормальных людей лечить нечем, а ты хочешь, чтоб я для вас лекарства находил. Не дают мне на вас ни лекарств, ни норм питания, ни топлива для котельной, да и работы толковой для вас нет. Так что иди и порожняк здесь не гоняй. Кто нужен на воле, тому лекарства пришлют, а кто ненужный, тому ни я, никто другой уже не поможет. Раньше надо было думать. До того, как сюда попали.

До отряда дойти уже не дали. На вахте ДПНК протянул мне исписанный лист бумаги.

– Подписывай постановление на 15 суток ШИЗО, – сказал он мне хмуро.

– За что на этот раз?

– Ну а тебе не все равно. Хочешь – прочитай. Но толку все равно не будет. Меньше надо начальство беспокоить – и спокойней будешь жить.

Через 15 суток, не дав даже зайти в отряд, меня перевезли на другую зону. Там опять надо было пройти «период адаптации»: карантин, три «пятнашки» на ШИЗО «за отказ от хозработ», и я уже отправлен на полгода в ПКТ. Там-то я и получил сразу два письма от Тани, диалог с которой периодически возобновлялся в моем сознании во время всех этих плаваний, помогая отвлечься от дурных мыслей. Внутренне я был

почему-то уверен, что Таня не только не бросит, но и найдет меня, и письмо напишет.

Таня сообщала, что сначала не могла понять, почему ее письма на прошлую зону к ней возвращались с пометкой «Адресат выбыл». Потом, записавшись на прием к «хозяину» и не получив аудиенции, узнала, что меня («слава богу, что так закончилось») перевели на другую зону. Сюда она тоже уже приезжала, но в свидании ей опять отказали: «Только для родственников».

Письма Тани давали мне надежду и силу, ощущение, что я кому-то нужен на этом свете – и за меня даже переживают и готовы «помочь в случае чего». Именно благодаря этим почти еженедельным письмам (от Тани и к Тане) я легко переносил все «тяготы и лишения». И если раньше я ждал дня освобождения с некой настороженностью («Куда податься и где жить-то?»), то теперь освобождение было желанным днем встречи с Таней, началом нашей новой совместной жизни. «На свободу – с чистой совестью и крепким телом», – повторял я своим сокамерникам по ПКТ, давая своему телу нагрузку каждое утро перед завтраком, во время получасовой «гулки», и вечером перед ужином. «Не могу же я подвести свою бабу и выйти на свободу дохляком».

– Ты че это так качаешься? Может, к побегу готовишься? – интересовался зам по БОР.

– Да куда уж мне бегать: через три месяца срок кончается. А на свободе хилые никому не нужны, сами понимаете – мне на работу надо будет устроиться.

Освободился я по осени. Холодным и дождливым днем встретила меня свобода за воротами колонии. Но эти мелочи не замечались на фоне душевной радости от встречи с Таней, от позабытых запахов сырых деревьев и прелой листвы, жилой квартиры и женского тела. Таня приняла меня как родного, удивляя и даже пугая меня своей наивной доверчивостью.

– Так, Таня, тоже нельзя. Второй день меня видишь, а уже и ключи от квартиры оставляешь, и показываешь, где деньги лежат. Я все же из заключения. Откуда ты знаешь, что у меня на уме.

– Неправда, я тебя уже второй год знаю. Если бы ты был плохим человеком, то не смог бы ты такие письма писать. Я плохого человека сразу чувствую.

Но праздник кончился, и наступили будни. Я вторгся в привычный размеренный мир другого человека, а он вошел в мою одинокую, а потому и свободную жизнь. И я, привыкший все решать сам, вынужден был соизмерять свои решения с желаниями Тани. Такое же неудоб-

ство, связанное не столько с бытовой, сколько с моральной зависимостью, пришлось испытать и Тане. Беда состояла в том, что мы с Таней создали каждый в своем сознании такой образ своего «корреспондента», который хотели иметь. Длительный «роман в письмах» привел к тому, что у каждого из нас уже сложился в сознании идеальный образ партнера. Мы долго с нетерпением ждали встречи именно с тем идеальным образом, который сами же слепили в своих грезах. Но реальность все же не совсем согласовывалась с идеалом. И чем дольше мы жили, тем острее мы начинали чувствовать эту разницу. Это пугало не столько разочарованием, сколько разрушением в сознании привычного и надежного образа идеального партнера, который давал опору и надежду в жизни. Для того чтобы привыкнуть к новому положению и друг к другу, необходимо было пройти некоторый период адаптации. Но времени на эту адаптацию обстоятельства моей жизни уже не предусматривали.

Необходимо было становиться на учет в родном городе, где меня арестовали, ибо «за все хорошее» при освобождении мне объявили «надзор на год», о чем и была сделана соответствующая проштамповка в «Справке об освобождении». Кроме этого, нужно было получить паспорт и устраиваться на работу. А сидеть альфонсом на шее у Тани я не мог в принципе, хотя она была не против такого «нормального варианта».

Объяснив все эти мотивы и пообещав вернуться, как только решу проблемы с паспортом, я тепло попрощался с Татьяной и уехал в родной город. Я тогда действительно думал, что скоро вернусь, но жизнь распорядилась по-другому.

Получить паспорт в родном городе бывшему зэку, а ныне бомжу было делом не простым, как, впрочем, и устроиться на работу, и найти жилье. «Прописка» в стране уже была отменена, а занявшая ее место в паспорте «Регистрация» при устройстве на работу была необязательной. Жил я, с негласного разрешения начальства, на работе: на диване в кабинете. На «надзор» встал по месту работы и ходил отмечаться в опорный пункт милиции по пятницам. Менты, прознав, что ни хаты, ни денег у меня нет, потеряли ко мне всякий интерес, и пятничные отметки стали лишь формальностью.

Жизнь текла своим чередом, и письма от Тани и к ней были тем мерилом времени, которое оставляет вехи в сознании. Плохого я старался не писать, писал о хорошем и обнадеживающем. Написал и про встречу с женщиной, потом – как женился на этой женщине и как потом родилась у меня дочь. Таня была рада, что моя жизнь налаживается и ста-

новится «нормальной». Но сама она осталась одна. Мне было стыдно за это, но исправить все это было вне моих сил. Мы оба поняли, что судьба наша в том, чтобы остаться «добрыми друзьями по переписке». Будучи людьми замкнутыми, мы оба испытывали необходимость в доверительном общении с тем, кто тебя понимает и кому ты можешь доверять. Каждый из нас, создав в свое время в сознании виртуальный образ идеального собеседника, боялся этот образ исказить. А такая «деформация образа», нестыковка образа в сознании с образом реального человека, как мы оба поняли, была неизбежной при личном общении. Таня оставалась моим верным корреспондентом, которому я писал письма-отчеты о своей жизни, получая объективную оценку моим действиям, обнадеживающие советы и некую опору в жизни. Сложнее было с поздравительными письмами, где писались пожелания насчет «счастья в личной жизни». Время шло, а Таня, к сожалению, так и осталась одинокой, без мужа и без детей, отдавая свою душевную теплоту своим племянникам и ученикам училища, где она работала. Все шло своим путем, непонятным, но привычным и надежным.

И вдруг все прекратилось – я не получал ответа на письма. Неопределенность – хуже явной опасности. Я долго сомневался, собирался, но потом поехал. Я боялся услышать то, что уже интуитивно чувял. И вот я узнал от ее соседки – Таня скоропостижно умерла от сердечного приступа. И ничего уже не исправишь. Судьба распорядилась так, что она ушла раньше меня. Странность в том, что хоть и нет уже человека, но интуитивно чувствуешь: что-то от него осталось. Осталась память, остался виртуальный образ товарища, которому доверял и который также доверял тебе. Осталось чувство признательности, а может, и любви, не просто как к «корреспонденту по письмам», а как к человеку, который тебе помогал и с которым ты мог обсудить сокровенные моменты жизни.

Александр Август

Квирулянт

– Приглашаю последний раз! – орал санитар, расталкивая спящих. – Кто не успел, тот опоздал! Второго приглашения не будет! Теперь в туалет и курить только после обеда!

Палата, заторможенная аминазином, зашуршала тапочками и молча поползла к выходу.

Евгений Матроскин ждал эту команду у входа и ринулся к дверному проему первым. Сзади послышалось недовольное мычание отставших. Два брата-наркомана, Гена и Андрюша, плотно сидели на хвосте, пытаясь его обойти справа и слева. Их вперед пропускать было никак нельзя – они с персоналом на короткой ноге. Проверено. Поэтому Матроскин старался изо всех сил и первым шел к финишу. Его цели и задача были понятны и оправданны. Как говорит старший санитар Андрей Семенович Ягунов, раньше сядешь, раньше выйдешь. Курить и с туалетом нужно было закончить раньше всех. Стало быть, и начать раньше остальных.

Докурив сигарету до середины и пихнув окурки в тянущиеся со всех сторон жадные руки, Матроскин вышел из туалета вторым – чтобы не вызвать подозрений. Ничего не подозревающие братья обсуждали какие-то свои, наркоманные, проблемы. Евгений покосился на них и равнодушно опустив голову, двинулся в палату.

Пока все складывалось удачно: санитарки Маши нигде не было видно, а Промокашка, второй санитар, торчал у надзорки.

Как только он пересек границу, от которой оба санитаря не могли его видеть, Евгений сразу перешел на бег трусцой. Достигнув финиша, быстро достал из-под подушки ученическую тетрадь, шариковую авторучку и, стараясь не производить лишних звуков, не вырвал, а вынул из середины двойной лист бумаги и старательно вывел в самом верху посередине: «Заявление». Потом привычно добавил с правой стороны:

«Прокурору города от Матроскина Евгения Константиновича».

Матюгнулся: слово «Заявление» нужно было поставить ниже.

Не исправляя ошибки, продолжал:

«По устной просьбе моих соседей, договорившихся с моим участковым психиатром, я был госпитализирован в областную психбольницу». Немного подумал и заменил слово «госпитализирован» словом «доставлен». И продолжал дальше: *«...где я нахожусь уже больше года. Сейчас мне оформлена инвалидность второй группы, где в графе "причина инвалидности" поставлено непонятно почему "инвалид с детства"».*

От меня всячески скрывают, что сейчас стоит вопрос о лишении меня дееспособности. Все то время пока я нахожусь в психбольнице, моя квартира остается без присмотра, и, несмотря на то что я являюсь единственным ее собственником, там сейчас проживают неизвестные мне люди. Хочу заметить, что разрешение на чье-либо проживание в моей квартире я никому не давал! Но, как я догадываюсь, именно моя квартира и послужила поводом... – Матроскин задумался на миг и уже хотел написать "моего ареста", но передумал и вставил: – моей госпитализации!

Администрация больницы и отделения не предпринимает никаких мер, напротив – всячески препятствует любым моим попыткам выяснить это. Мне запрещают писать какие либо заявления и жалобы, объясняя это тем, что я нарушаю режим больницы».

Прошу Вас внимательно рассмотреть все изложенные мной факты, проверить их и разобраться».

Он перечитал все внимательно, исправил ошибки, внизу поставил число и подпись. Задумчиво повертел в руках шариковую авторучку и письмо, не зная, что делать с этими уликами и куда их пристроить, потом с сомнением посмотрел на свою койку, сложил все аккуратно и сунул в карман пижамы. Через минуту передумал, вытряхнул все из карманов и пихнул под матрац к казаху Колотун-ака.

Мысль была простой, но не по-дурдомовски хитрой: устраивать поголовный шмон, без имен и фамилий, санитары всегда ленятся, они шмонают выборочно, наиболее подозрительных и конфронтирующих с режимом, «сознательных больных».

Таких, как Колотун-ака, они не трогают: что с дурака можно взять? Родственники его забыли, и интересных для санитаров вещей у него не бывает. По отделению он бродит всегда в одних подштанниках, вечно полуголый, даже без тапочек. Его даже простуда не берет. Дед Мороз, одним словом, или Колотун-ака по-казахски.

Колотун-ака можно не опасаться: если человек с головой не дружит, то малознакомые и ненужные вещи ему ни к чему, он их просто не замечает – лежит себе тетрадь да лежит. Это если б сигареты – тогда, конечно, он ими попользуется не спрашивая. Взять все из тайника тоже труда не составляет – нужно лишь угостить «сторожа» сигаретой. И «подставой» это не назовешь: даже если и найдут все случайно, вряд кому в голову придет наказать хозяина кровати. Сочтут все недоразумением.

Да и где еще в дурдоме можно что-либо надежно спрятать? Кругом стены, бетонный пол и углы...

Акт конспирации был совершен как раз вовремя: начала возвращаться палата.

Вечно перемазанный Колотун-ака, бормоча что-то себе под нос, забрался на матрац, словно собака, сторожить запрещенные к хранению предметы.

После обеда старшая начала выкрикивать фамилии и раздавать принесенную почту.

– Матроскин! – позвала она и с недовольно-злым лицом протянула конверт. – Ты допише-ш-шь! – по-змеиному шипела она и раскачивала головой вперед-назад, словно кобра. – Допи-ш-шешь! – Она потрясла перед ним пачкой не розданных писем. – Людям работать мешаешь, почту засоряешь. Все равно твои жалобы возвращают на отделение, к заведующему и лечащему. Они должны разобраться. Приключений на свою задницу ищешь?

Матроскин не понимал этих строгостей, тем более что речь шла о проблемах, которые в сторону, на потом, не отложишь – проклятый квартирный вопрос преследовал даже в психушке.

Письмо было из редакции газеты, куда он отсылал свою предыдущую жалобу. Конверт привычно вскрыт – запечатанных писем в дурке не вручают. К этому непонятно-дурдомовскому правилу он никак не мог привыкнуть: он же не осужденный заключенный, почта которого должна проверяться. Свободный гражданин свободной страны... По крайней мере в теории...

Сухим казенным языком в нем сообщалось, что «ваша жалоба была рассмотрена, в больницу был направлен человек для проверки фактов, после чего письмо передано в прокуратуру».

«Интересное дело, – думал он. – Проверяющий был направлен в больницу. Но меня он не пожелал видеть. Или просто не добрался до меня. Это как же понимать?»

– Матроскин, – через полчаса снова позвала его старшая. – На беседе к врачу. Жалобы твои разбирать с заведующим будешь, – ехидно добавила она.

Игорь Валентинович ходил по кабинету взволнованно от окна к двери, словно у него тоже началась непосидаха. Увидев вошедшего, он заулыбался и предложил ему сесть.

Сам уселся по другую сторону стола и, слащаво улыбаясь, начал неприятный для него разговор.

– Это что получается, – начал он издали, – с отделения уходят какие-то жалобы, письма, а я этого не знаю?

– А почему вы должны знать? Это личная переписка. Разве я не имею права на личную жизнь? На личную собственность?

– Имеешь. Но все письма должны уходить через врачебный кабинет. Таковы правила! Тем более если речь идет о жалобах. Человек, необоснованно пишущий жалобы... кляузы, – поправился он, – душевнобольной. Квирулянт. И это нужно лечить.

– А если я пишу жалобы обоснованно?

– Но в психбольнице это может решить только врач.

– А благодарственные письма я могу отсылать без вашей цензуры? Для благодарных людей в психиатрии нет диагноза?

Евгений Матроскин ехидничал, а зря: Игорь Валентинович был тоже не прост и сам любил поехидничать.

– Для благодарных людей мы диагнозы за пазухой не держим. И такие письма я тебе писать разрешаю! В порядке исключения, конечно. Но только благодарственные! На этом, я надеюсь, мы с тобой и договоримся: никаких жалоб с отделения! За нарушения режима будем лечить как квирулянта.

– Ты подожди-ка, куда торопишься, – нагнал его в коридоре Андрей Семенович вместе с Промокашкой.

Промокашка и Семенович – это еще те падлы. Особенно когда вдвоем... И даже если ты живешь примерно, то не факт, что они падлами перестанут быть и исправятся: а вдруг это подвох? А вдруг «смена состояния»? А смены состояния в дурке боятся все: врачи, сестры, Семеновичи и Промокашки. На этот случай всякие строгости и тесты. А самый простой тест на душевное здоровье и крепость нервной системы какой? А отобрать чего-нибудь из запрещенных предметов на шмоне или просто «подрезать». Возмутился – в репу, и наблюдай: может, «возбудится»? А уж если «возбудился», то получи заработанное и по полной программе: уколы, вязки и прочее...

В дурдом отправляют «нервнобольных» и «сумасшедших», но, чтобы там приспособиться, нервы и голова должны быть крепкими.

Санитары с двух сторон, по-ментовски, зажали Матроскина и, успокаивая его пустыми разговорами и придерживая за шею, потащили в ванную комнату.

Матроскин обреченно крякнул и побледнел: если насильно тащат в ванную, значит, будет что-то неприятное. Мокровлажных процедур и купания боятся взрослые и дети...

– Раздевайся, – приказал Семенович.

Промокашка принимал белье и, прощупав каждый шов, бросал его на пол.

Карманы были пусты. Матроскин стоял голый, покрываясь гусиной кожей и ожидая своей судьбы.

– Где авторучка и бумага? Все выкладывай! – потребовал старший санитар.

– Какая авторучка? – слабо сопротивлялся Матроскин. – Ничего ж нету, сами видите...

– Ладно, – неожиданно сдался старший. – Одевайся. Свободен.

Не веря в удачу до конца и не понимая, как удалось избежать мокро-влажного и прочих прелестей психушки, Матроскин потрусил в палату, чувствуя себя счастливо, словно условно освободившийся зэк.

Кровать была перевернута вверх дном, постельное белье кучей лежало на ней. Вывернутая наволочка валялась на полу, отдельно от подушки.

Колотун-ака, словно издеваясь над ситуацией, лежа раскачивался на своей кровати, словно маятник, и, хихикая, что-то напевал.

После ужина Матроскин встал, как обычно, в очередь за таблетками. Медсестра долго искала его фамилию в тетрадке, водя по написанному пальцем. Потом улыбнулась и, протянув ему пузырек, радостно сообщила:

– А тебе теперь все в растворе.

Матроскин растерянно принял новость и протянул руку за назначением: отказаться нельзя, введут все в уколах...

– А что там? – спросил он, разглядывая пузырек на свет. Внутри что-то плавало, не опознаваемое ни на цвет, ни по форме.

– Все, что и было. Только в растворе. Пей-пей! Не задерживай!

На растворе рот, как правило, показывать не заставляют. Спросят: принял? Ответил: да. Если не поверят, значит переспросят. Санитару и медсестре понятно: нормальный человек с жидкостью во рту говорить не может. Ненормальный тоже. Конечно, можно что-то проце-

дить сквозь зубы и под языком оставить. Как кит планктон. Но все равно это самая малость, основное уйдет с жидкостью в желудок и оттуда уже не достанешь. И спрашивать: «Что там, в пузырьке?» – бессмысленно: не ответят. Либо наврут. Что назначили – то назначили: «лечебный процесс» всегда окружен тайной.

Очередь напирала сзади, медсестра пялилась спереди, Промокашка с одним из братьев – сбоку. Ничего не оставалось делать, как выпить назначенное.

Матроскин закрыл глаза и, пытаясь определить по вкусу, что это, потянул в себя жидкость, перекатывая ее во рту.

Содержимое пузырька было неопознаваемо. Он попытался задержать все это во рту и хитро ринулся в сторону, но санитар преградил дорогу.

– Принял? – спросил он.

Матроскин кивнул головой.

– Отвечай, – потребовал санитар, держа его за рукав.

Матроскин сделал глотательное движение:

– Да.

– Не понял, – санитар не отпускал рукав.

– Принял, принял.

Санитар отпустил, и Матроскин обреченно полпелся в палату, сразу же завалившись на кровать.

Через полчаса навалился тяжелый нейролептический сон.

Утром голова соображала туго, язык распух и во рту стояла сухая горечь. Тянуло в сон. Но Матроскин помнил о задуманном. Угостив Колотун-ака сигаретой и получив доступ к письменным принадлежностям, он приступил к задуманному, спрятавшись под кроватью. Два брата-наркомана, Гена и Андрюша, просмотрели этот важный для них момент, бегая где-то по отделению. Санитаров поблизости не было.

Писать лежа на животе под кроватью было даже удобнее, чем на тумбочке. Единственное, что мешало при этом и не давало сосредоточиться, – недостаток освещения и скрип кроватных сеток: наверху почему-то, когда лежишь на кровати, этот звук так не раздражает.

«Дорогая редакция!» – привычно начал он и задумался: письмо должно быть, как всегда, – жалобой. Но скрытой. В то же время насмешливо-благодарным. А главное, редакция не должна этого понять. Непросто...

«Часто приходится слышать нарекания в адрес медицинских работников и особенно – в адрес персонала психбольниц. Их обвиняют в жестокости, черствости, лени. Во взяточничестве. Меня всегда

до глубины души возмущали подобные обвинения, поскольку сам я длительное время являюсь пациентом психбольницы и могу судить об этом не с чужих слов и не со стороны.

Как правило, работники психбольниц – это очень отзывчивые и добрые люди, готовые всегда прийти на помощь. Посудите сами: я инвалид второй группы. Инвалид с детства. Стоял вопрос о моей недееспособности! Даже неспециалисту нетрудно представить, что это такое: недееспособный душевнобольной инвалид!

Но сейчас благодаря работникам нашей психбольницы я в состоянии думать, чувствовать, переживать и даже написать это благодарственное письмо и выразить свою благодарность этим людям за то невозможное, что они сделали!

Особую признательность хотелось бы выразить, – Матроскин на миг задумался, – санитарам Андрею Семеновичу Ягунову и его коллеге по смене Иванову Александру Викторовичу, а также старшей медсестре Прокофьевой Татьяне Николаевне и заведующему отделению Торчагину Игорю Валентиновичу. И передать для них в одном из ваших концертов частушки в исполнении Марии Мордасовой.

*Заранее благодарю Вас,
пациент психбольницы Матроскин Евгений Константинович».*

Матроскин старательно переписал черновик в двух экземплярах, изменив в одном из них начало и конец – для редакции областной газеты, а второе отправил на радио.

Он уже заканчивал свою челобитную, когда у входа послышалось какое-то движение и пропитой голос санитарки Маши спросил кого-то:

– А иде этот... ну, писатель который...

Стараясь не скрипнуть, Матроскин повернул голову и посмотрел в сторону дверного проема, откуда раздался голос. Посередине его топталась пара женских ног в черных колготках. Рядом неподвижно застыла вторая пара в больничной пижаме и растоптанных казенных тапочках.

– У него ж особый надзор, а его нийде нету. Я везде проверяла, – растерянно добавила Маша.

– Да куда он с отделения денется! – послышался голос одного из братьев. – Сейчас найдем!

Ноги исчезли в суতোлке коридора. Матроскин времени не терял и сразу вынырнул из-под кровати. Пихнув бумагу и авторучку под матрас к сторожу, завалился на свою кровать, притворившись спящим.

Минут через пять, уже сквозь одолевающую дремоту он слышал удивленный шепот Маши:

– Иде он был-то?

Нейролептики давили на голову. Но сейчас можно было расслабиться и поспать: самое основное и опасное было сделано. С отправкой писем все было давно налажено: завтра на отделении день свиданий и нужно лишь передать письмо надежному человеку...

– Матроскин! – неслось по отделению. – К заведующему!

Где-то на середине коридора под личную охрану его взял Промокашка и повел в кабинет.

Игорь Валентинович сидел на своем месте за столом и непонятно чему улыбался: то ли это была радость встречи с пациентом, то ли злорадство в предвкушении расправы... Психиатр он всегда мутный, как болотная вода, это Матроскин уже усвоил за короткий период общения с этой публикой...

– Ну вот, на твое имя письмо пришло. Из редакции, – объявил Игорь Валентинович и, выйдя из-за стола, торжественно, словно вручал орден, протянул ему вскрытый конверт. На какой-то момент Матроскину показалось, что он слышит Государственный гимн. – Читай. Можешь прямо здесь.

Матроскин осторожно, словно из конверта мог выползти тарантул, потянул за самый кончик лист бумаги и развернул его. Это был типографский бланк областной газеты.

В самом верху крупным и жирным шрифтом было отпечатано название газеты, чуть ниже шариковой авторучкой от руки было вставлено число и год.

Еще ниже шел типографский текст письма.

«Уважаем...» в скобках стояло готовое «ый», «ин», «ая», и «ка», последние два окончания были жирно зачеркнуты шариковой авторучкой, а «ый» и «ин» дважды подчеркнуты. Дальше той же авторучкой была вписана фамилия: «Матроскин».

«Редакция газеты получает очень много писем с благодарностью медицинским работникам. Печатать их все мы не имеем возможности. Поэтому редакция направила Ваше письмо в... – и от руки вписано: в администрацию больницы, и снова типографским шрифтом: для сведения».

Ниже стояла приписка, написанная все той же авторучкой:

«Желаем Вам доброго здоровья.

Зав. отделом писем В. Александрова».

Игорь Валентинович вышел из-за стола и подошел к Матроскину:

– Ну, что ж, поздравляю тебя. Областная газета ответила на твое письмо.

Врач торжественно пожал ему руку.

– И я тоже желаю тебе доброго здоровья. – В голосе и словах психиатра прозвучала легкая ирония. – Иди в палату. А вы подождите, – остановил он движением руки санитаря.

Матроскин вышел. Какое-то неясное предчувствие скребло его большую душу и заставило оглянуться. Этаж странным образом молчал, словно все вымерло. Незаметно было обычных движений в коридоре и в палатах. Туалет был пуст, и ядовитое облако, всегда висящее там перед входом, исчезло. На отделении происходило невысказанное – оно молчало. И в этой тишине в красном уголке по-сумасшедшему орало радио.

Матроскин двинулся в том направлении, желая найти хоть кого-нибудь, с кем можно было бы разделить радость от полученного письма. Там его ждала необычная даже для дурдома картина: три четверти отделения с раскрытыми ртами стояло перед радиоприемником и пялилось в него, словно там был установлен не динамик, а экран.

Репродуктор пел звонким женским голосом под гармошку:

...Ой, говорю тебе серьезно,

Заменить тебя не поздно!..

...Ой, горе-горе-горе, горе луковое!

– Матроскин! – на разные голоса эхом понеслось по отделению. И тут же, словно из-под земли, перед ним выросли Андрей Семеныч с Промокашкой:

– Ну, чего, доигрался, писатель? – зло спросил Семенович, беря провинившегося под охрану. – Давай рули в надзорку! Вещи твои уже там. Готовься на вязки и массируй задницу. Кви-ирулянт!

Лечить и не калечить

Довольно часто в последнее время мы видим или слышим призывы принять то или иное «современное средство от тревоги и стресса», предназначенное, судя по рекламе, для решения проблем с настроением, поведением и в отношениях с другими людьми. Такие призывы обращены к домохозяйкам, бизнесменам, воспитателям, молодым людям и даже беременным женщинам. Все чаще реклама призывает родителей начать давать своему ребенку тот или иной психиатрический препарат, причем возраст ребенка может быть самым нежным.

Известен случай, когда серьезный антидепрессант с достаточным числом побочных эффектов был выписан шестимесячному ребенку из-за проблем со сном. Молодая мама, обнаружив, что антидепрессант назначается женщинам в возрасте, задала соответствующий вопрос педиатру, на что получила ответ: «Ну, давайте тогда по одной восьмушке».

К сожалению, большинство из нас могут стать жертвой подобных обстоятельств. Основная проблема здесь заключается в том, что мы не знаем, что представляют собой психиатрические препараты, как они выводятся на рынок и каких результатов нам ожидать.

Начнем с того, как действуют психиатрические препараты. Чтобы понять это, нам нужно представлять, как психиатры ставят диагнозы своим пациентам.

Существуют перечни «симптомов» психических расстройств, которые занесены в психиатрический справочник «Руководство по диагностике и статистике». Симптомы заносятся в этот справочник в результате голосования. То есть психиатры собираются и голосуют за то, включить тот или иной симптом в перечень психических отклонений или нет. И это все, что делается для составления этого справочника.

После этого психиатр беседует с вами или вашим ребенком, смотрит в справочник и определяет, к какому психическому расстройству или отклонению относится то, о чем вы говорите. Далее он ставит вам диагноз и прописывает «лечение». Иногда психиатру достаточно пообщаться с пациентом в течение 5–10 минут, чтобы принять решение о диагнозе. И это все, в чем заключается психиатрическая диагностика. Она основана на мнении врача-психиатра, но никак не на результатах медицинских анализов или тестов. Вы можете проверить: придя на прием к пяти психиатрам, вы получите пять разных диагнозов.

Как пример, симптомами одного из так называемых психических расстройств (гиперактивности) являются: неспособность надолго сосредоточиться на предмете, деталях предмета, небрежные ошибки; ребенок избегает или не любит задачи, требующие длительного умственного напряжения; выкрики с места и другие шумные выходки во время занятий; вмешательство в разговор или деятельность других; неспособность ждать своей очереди в играх, во время занятий и т.д.

Наличие вышеописанных симптомов практически гарантирует, что вашему ребенку будет поставлен психиатрический диагноз «синдром дефицита внимания с гиперактивностью». И не важно, что данные симптомы скорее похожи на поведение обычного здорового ребенка.

Совершенно очевидно, что постановка пациенту того или иного психиатрического диагноза полностью субъективна и зависит от конкретного мнения конкретного психиатра.

Психиатрия является единственной сферой медицины, где отсутствие медицинских доказательств как наличия заболевания, так и его излечения не является проблемой.

Психиатры не просто с легкостью диагностируют психические заболевания у огромного числа людей, включая грудных детей и беременных женщин (по оценке российских психиатров, каждый четвертый житель нашей страны нуждается в психиатрической помощи), но и с такой же легкостью раздают рецепты препаратов, которые не просто ничего не излечивают – эти препараты могут запустить в теле человека необратимые биологические процессы вплоть до летального исхода.

Тем не менее сегодня более 20 миллионов детей по всему миру имеют психиатрические диагнозы и принимают сильнодействующие психиатрические препараты. Именно психотропные препараты являются самым распространенным способом «лечения» в психиатрии. Есть, конечно, два других способа – психохирurgia (операции на мозге) и шоки (электрошоки, инсулиновые шоки и т.п.), – но их практикуют уже после некоторого применения психиатрических препаратов. В психиатрии не

существует других способов лечения, и около 90% людей, пришедших на прием к психиатру, получают рецепт на психотропный препарат.

Целые поколения страдают от побочных эффектов препаратов. Как результат, у 9 из 13 школьников, устроивших массовые расстрелы в школах США и Европы, в крови был обнаружен психиатрический препарат. Медицинская информация по остальным 4 школьникам осталась засекречена; десятки детей и подростков покончили с собой или совершили попытку самоубийства в результате приема антидепрессантов; еще несколько десятков детей умерли от внезапной остановки сердца в результате приема препаратов от гиперактивности.

И это не считая тысяч исков фармкомпаниям от потребителей тех или иных психиатрических препаратов с жалобами на возникновение диабета, ожирение, серьезные нарушения в работе внутренних органов, приступы агрессии, нарушение обмена веществ, импотенцию, серьезное поражение печени, нарушение работы сердца и летальный исход.

На протяжении нескольких десятилетий психиатрическая и психофармацевтическая индустрия скрывали от общества данные об угрозах, связанных с приемом психиатрических средств.

Постепенно этот факт начали признавать сами исследователи психиатрических препаратов и психиатрическое сообщество.

Статья, обнародованная в *New England Journal of Medicine* в январе 2008 года, раскрыла, что исследования, обнаружившие отрицательные результаты при испытаниях антидепрессантов, или не публикуются, или искажаются таким образом, чтобы результаты выглядели как положительные.

В октябре 2008 года Дэвид Хили, директор Департамента психологической медицины в Университете Кардиффа, опубликовал в журнале *Public Library of Science-Medicine* отчет об исследовании антидепрессанта «паксил». Хили обнаружил, что это вещество в несколько раз увеличивает риск самоубийства пациента. По его мнению, и другие антидепрессанты, такие как «прозак», «селекса» и «золотфт», создают не меньший риск насилия или самоубийства: «Мы собрали убедительные свидетельства тому, что препараты могут побуждать людей к насилию, и значит, следует ожидать, что случаев насилия будет больше», – утверждает исследователь.

Чем же оправданы такие рискованные медицинские меры? По мнению ряда специалистов в области обычной медицины, ничем.

«Если психиатр утверждает, что у вас депрессия, вызванная недостатком серотонина в тканях организма, попросите провести соответствующий анализ крови и наблюдайте за реакцией психиатра, – за-

являет профессор анатомии Джонатан Лео. – Количество людей, поверивших, будто ученые доказали наличие пониженного уровня серотонина у депрессивных людей, служит превосходным доказательством эффективности маркетинга.

Затраты на внедрение в массовое сознание людей необходимости психиатрического «лечения» депрессии и других психических отклонений составили за минувшее десятилетие не менее 70 миллионов долларов.

Зачем? А вот зачем.

«Полезные природные вещества презируются ими (фармацевтическими производителями), потому что вы не можете запатентовать природный продукт. А запатентованные, ненатуральные соединения приносят неописуемую прибыль, – утверждает известный врач Джулиан Уитакер. – Например, "прозак" содержит 20 мг запатентованного активного ингредиента. Одна тысяча капсул "прозака" стоит 247 долларов, в то время как себестоимость активного запатентованного ингредиента составляет 11 центов. Что приносит прибыль в размере 224 973%.

"Ксанакс": 1 мг этого особенно прибыльного антидепрессанта продается по 136,79 доллара за 100 пилюль. Запатентованное искусственное действующее вещество стоит 2,4 цента, то есть "ксанакс" дает прибыль в размере 569 958%.

В международном масштабе это составляет около 80 млрд долларов в год от психотропных препаратов. Теперь давайте это поделим. Это более 6 млрд долларов ежемесячно. Это 200 млн долларов ежедневно. Или более 832 тыс. долларов ежечасно. Существуют тысячи психиатров, которые обеспечивают продажи препаратов изобретением фиктивных душевных расстройств, то есть диагнозов, научных не в большей степени, чем определение будущего с помощью гадания».

Исходя из данных международных исследований, в США ежегодно умирает 1340 детей от «побочных эффектов» психотропных препаратов. В Европе этот показатель достигает 650 детей в год. В подавляющем числе случаев родители не информировали о возможных последствиях приема психотропных средств. Родителей не ставили в известность о том, что психиатрические диагнозы, которыми оправдывались эти меры, не имеют должного медицинского обоснования.

Гражданская комиссия по правам человека заявляет, что все пациенты психиатров и потребители психотропных препаратов имеют право на полное информированное согласие при назначении им психиатрического лечения. Любой человек имеет право знать обо всех возможных последствиях приема психотропных препаратов.

Письмо из немецкой дурки

Так получилось, что более десяти лет тому назад я иммигрировал в Германию и утратил российское гражданство. Но до сих пор постоянно слежу за тем, что происходит в России.

Регулярно читая ваш журнал в интернетовском издании, я в последнее время обратил внимание на статьи Гражданской комиссии по правам человека о ситуации в российских психбольницах. Меня они поразили: почему-то думалось, что в сегодняшней российской психиатрии все как-то по-другому, она наконец исправилась и стала по-европейски цивилизованной.

Не стану вдаваться в подробности и рассказывать вам, как мне пришла в голову эта сумасшедшая мысль: полежать в немецкой дурке и посмотреть на нее изнутри. Познакомиться с ее порядками, режимом... Сравнить. И рассказать об этом вам и вашим читателям.

Согласитесь, мысли и желание для нормального человека несколько странные... Отсюда, наверное, и была уверенность, что осуществить задуманное – раз плюнуть! Тем более, скажу вам по секрету и честно, что провел я в советских и российских дурках чуть больше семнадцати лет и повидал дурки всякие – хорошие и плохие. Плохих, правда, намного больше. Потому в оценке немецкой дурки могу выступать как непререкаемый авторитет.

У немцев дело это оказалось не таким простым, как у нас с вами на родине: позвонили соседи в «Скорую», выразили свое сомнение в душевном здоровье соседа – и пожалуйста, три-четыре месяца концлагеря, называемого больницей, соседу обеспечено. А то ли еще будет после концлагеря!

К тому же при первом же визите к психиатру вдруг выяснилось, что я, оказывается, совершенно здоров и дурка моему здоровью помочь ничем не может.

Само собой, у меня тут же возникли предположения: а может быть, российские психиатры меня уже вылечили?! Или все-таки нет?

Надеясь найти ответ на этот вопрос, я продолжал искать новые пути в немецкий сумасшедший дом.

И это действительно оказалось не так просто, как думалось в самом начале.

Но мне в конце концов повезло, хотя и звучит это несколько странно. Однажды психиатр сказал: «Подождите немного... Очередь!»

В голове подобные вещи не умещались: в немецкий дурдом выстраивается очередь из добровольцев?! И они, немцы, почему-то не стесняются того, что посещают психиатра! Они все страдают депрессией, и многие хотели бы расслабиться в этом «уютном уголке», называемом дурдомом, но мест для всех не хватает. Мне выдали направление и номер в этой очереди. Меня известят, сказали мне, по телефону, когда там «захотят меня подлечить». Сервис у них, заметьте, не российский: выбили дверь и на полгода в дурдом определили «за то, что не открывал»...

Жду. Но, в глубине души считая себя здоровым, не верю в доброго психиатра и времени не теряю, готовясь к худшему.

Основное правило российских психбольниц гласит: все делать наоборот и не так, как говорит персонал. Дали принять «колеса» – обязательно выкинь! Запретили пить чай – пей его, но побольше и почаще.

Помня это важное правило и запреты на чай в российских психушках, я заранее заготовил «торпеду» из чая, кофе и постарался все это спрятать где-нибудь на теле – там вероятность протащить все это значительно выше, чем в пакете или сумке.

И вдруг звонок. «В понедельник дурдом вас примет(!). Вы должны явиться туда к 9 часам. При себе нужно иметь...»

В понедельник отправился по указанному адресу, в больничные городок. Долго искал среди хирургических, урологических и прочих отделений родной для меня пусть и немецкий, но дурдом, а он так замаскировался в больничном городке, что и не найти-то его. Не то что в свободной России, где построены и организованы психгорода и психколонии на тысячи пациентов, которые обслуживают все близлежащие поселки и где направление к дурдому укажет любой встречный.

Тут я раскрою вам немецкую тайну: есть у них психотделения закрытые, а большая часть, оказывается, открытая, как любая соматическая больница.

Закрытое отделение, в соответствии с российской классификацией, буйное, и в России оно всегда находится на самом верху. Чтоб не

сдернули буйные. Открытое отделение в Германии – это тихо помещанные.

Сначала я по ошибке ткнулся на закрытое отделение, которое мне таковым не показалось: первый этаж, решеток нет. Входная дверь стеклянная.

Да и дядя, открывший мне дверь, рожей российского санитаря совсем не напоминал. Скорее студента. Посмотрел студент документы и сказал, что мне нужно выше.

Поднимаюсь, а дальше и рассказывать-то стыдно: отделение на двадцать коек! Двадцать дураков?! Да такое малое количество душевно нездоровых людей легко обнаружишь в администрации самого маленького российского городка!

Традиционно поступление в российский дурдом начинается с обыска, изъятия запрещенных предметов и раздевания догола якобы для медицинского осмотра – все как в тюрьме и лагере. Потом вместо личных вещей выдается что-то отдаленно напоминающее одежду человека из неолита.

Тут же меня никто не обыскивал, не раздевал, сотового телефона-авторучек-тетрадей не отбирал, а как был, в личной одежде, провели во врачебный кабинет и, усадив за стол, начали составлять «Медицинский договор», по которому они обязывались выполнять так много, что всего я и вспомнить не могу. А я, в свою очередь, обязан был выполнять их предписания. В конце договора особо жирным шрифтом указывалось, что, если я внезапно передумаю, меня тут же отпустят. Потом начали выписывать в медицинский бланк, что бы я хотел кушать на завтрак, обед и ужин. И сколько. Дурдом, однако...

Закончив заполнять этот список, я указал, что минеральную воду я предпочитаю без газа.

Тут как раз в столовую позвали на второй завтрак, где оказалось, что «торпеду» я прятал совершенно не по делу: чай в пакетиках стоял рядом с термосами и всяких разных сортов: зеленый фруктовый, черный... Рядом в таких же пакетиках сахар... Два пятилитровых термоса с кипятком. Чай и сахар стоят тут круглосуточно – их никто не убирает.

Оставшиеся после завтрака йогурты, сыр и фрукты складывали тут же.

После завтрака привели меня в двухместную палату и определили на свободное место. В палате на 25 кв.м два пациента, по количеству коек, столько же шкафов и тумбочек. На стенах какие-то небольшие картины. На каждого пациента выдается два одеяла, шерстяное и стеганое. Кровать регулируется – можно сделать ее выше, можно ниже

или слегка наклонить. На окнах шторы. У каждого свой собственный шкаф, который можно закрыть в любой момент на замок, и ключ от этого шкафа только у его хозяина – туда может заглянуть только пациент. Одна раковина с холодной и горячей водой. Пять электрических розеток. Зеркало. Мусорное ведро с крышкой. Жидкое мыло. Бумажные полотенца. Складная сушилка для белья. У каждого пациента свой ночник и полка.

Ночью свет гасится. И делает это сам пациент.

В палате висит расписание всех автобусов, проходящих мимо дурки, план, как попасть на остановку.

Тут я, кстати, вспомнил, как на Сковоречнике за такое вот расписание, найденное санитаром на обыске, человека долго и больно «лечили», заподозрив в подготовке к побегу.

Посмотрев на все это, я пошел знакомиться с местом. Отделение смешанное, как в хирургии, терапии или травматологии: мужские палаты и женские палаты, мужская душевая и женская душевая.

Вероятно, в глубине души понимая свое родство с лагерной системой страны, российская психиатрия подражает ей даже в этом разделении эзков-пациентов по полу: мужской лагерь и женский лагерь, мужское отделение и женское отделение.

Иду по этажу – двери на своих местах, и даже в туалете она есть, и непрозрачная, и ее, к моему удивлению, можно закрыть изнутри! Но курить, оказывается, в помещении немцы запрещают – нужно выходить на улицу.

Зная российских психиатров не понаслышке, не хотел об этом даже рассказывать – они же пальцем укажут на просвещенную Европу и введут в российских дурдомах публичную казнь за выкуренную сигарету. А указывать будут на Германию. Ну уж ладно...

В отделении установлено несколько телефонов-автоматов – отсюда может позвонить любой пациент за деньги, если по какой-то причине у него нет с собой сотового.

Один телефон-автомат с номером, – странная для России услуга – на него могут позвонить родственники. Нужно лишь договориться о времени, когда ждать этого звонка.

Дальше – доска объявлений. В ней четко указаны правила и распорядок, где есть такой пункт: во время отпуска и выписки пациент не может приезжать в отделение и уезжать оттуда на машине или велосипеде. В скобках указано, что из-за препаратов.

Тут у российского гражданина почти наверняка возникнут вопросы: а при чем тут машина, если он уже в дурдоме?! Сумасшедший за

рулем – это же нонсенс! Поэтому я должен дать небольшую справочку: пациент психбольницы не лишается права управлять автомашиной, как и прочих гражданских прав. Когда речь идет о правах и обязанностях, пациент психушки такой, как все. Только немножко сумасшедший...

Утро началось несколько необычно для сумасшедшего дома: негромко постучали в дверь, потом вошла медсестра и сказала: «Доброе утро. Вам не помочь?»

От помощи я гордо отказался и, застелив постель и помыв теплой водой руки, побежал на завтрак.

К этому моменту уже начали мыть палаты. У немцев это делает штатная санитарка, а не нанятые за щепотку чая рабы из пациентов. Она идет быстро от палаты к палате, передвигая за собой тележку со всеми необходимыми для этого принадлежностями: полтележки уставлено моющими средствами – на все случаи. С обоих боков ее поставлены мешки для мусора. Закончив с палатами, она тут же начинает мыть коридор, сразу выставляя по мокрому линолеуму таблички с рисунком падающего человечка и надписью: «Скользко!»

Такие таблички желтеют вдоль всего коридора. После того как коридор подсохнет, их убирают.

Постельное белье каждый пациент меняет себе сам по мере необходимости. Для этого оно сложено стопками в тумбочку, стоящую в коридоре. Использованное белье укладывается тут же в стоящие небольшие бачки с крышками.

Тут у особо любопытных сразу возникнет вопрос: «А как же знаменитая дурдомовская баня и обязательный шмон?!» «Как же без традиций?» – возмутятся российские санитары. Оказывается, очень просто: баню заменяют душевые кабинки, которыми можно пользоваться тоже по мере надобности. Тут, стало быть, привычный банный шмон как традицию нужно отменить: ведь, если все разрешено, что же тогда искать?!

Странные они все-таки, эти немцы... И все-то у них не по-человечески да не по-русски: ведь если все разрешено, то под каким предлогом тогда «дойти» родственников и самих пациентов?!

А после завтрака начали меня лечить, и не просто так, а по последнему слову европейской науки – отправили на музыкальную терапию.

Музыкальная терапия – это когда десять дураков неумело дудят в трубы и бьют в барабаны, «подражая звуку дождя, грома и леса».

Ну, научность этого метода я оставляю на совести немецких психиатров, однако замечу, что это все-таки лучше, чем быть привязанным к кровати на месяц и умолять пьяного санитаря «отвязать ненадолго в туалет», регулярно получая за эту наглую просьбу «два раза в грудак, чтоб не борзел!».

Вспоминая все это, в барабан я бил исправно и, когда посадили на трубу, был уже гораздо здоровее, чем при поступлении.

Да, что ни говори, а психотерапия – штука могучая!

Те, кто не хотел «подражать лесу и шуму дождя», ушли разгадывать кроссворды в другую комнату, вязать, рисовать.

Кому было не лень – складывал что-то из пазлов. А уж те, которым совсем было весело, пели песни в третьей комнате: насилие трудом под названием «трудотерапия», доставшееся ГДР от Гитлера, ушло в небытие вместе с исчезновением этого государства.

Российский же доктор хитер, когда речь идет о «трудотерапии», он лукаво улыбается, щурит глаза и говорит в усы:

– Это сочетание приятного с полезным!

Приятно главврачу и прочему персоналу: еще одна десятая лошадиной силы поступила. Пусть даже и одна двадцатая, а все равно приятно: и для нее дело найдется где-нибудь на овощехранилище – лучше мешки с картошкой таскать, чем баклуши бить...

Так я думал о своем и дудел в трубу. А тут как раз и обед подоспел, где я почему-то хмуро вспомнил, что в российских дурдомах вилок, столовых ножей и салфеток вроде бы как не давали... Хотя, может быть, я и забыл это за давностью времени... А может быть, там сейчас все уже по-другому?!

Потом был сеанс медитации – всех уложили на коврики на пол, и какая-то тетка спортивного вида гудела, что «вы должны расслабиться и успокоиться». Откуда-то издалека, словно из-за стен, доносилась приятная музыка.

После этого каждый занялся сам собой. Я отправился бродить по больничному парку и тут же наткнулся на мемориальную доску «В память жертв эвтаназии».

Немцев такое соседствонисколько не шокировало и не удивляло: то, что творила немецкая психиатрия во время войны, для них, в отличие от россиян, давно не тайна. Они с этим свыклись и посещают уже доктора без страха и стыда: в Германию пришла другая психиатрия.

А потом был вечер. Кто-то смотрел по телевизору футбол, кто-то блуждал в дебрях Интернета, забившись со своим ноутбуком куда-нибудь в угол. Отбоя никто не объявлял, медсестра прошла по палатам и

пожелала всем спокойной ночи. Те, кто спать не хотел, долго еще пялились в телевизор.

На следующий день привезли Катюку. Что-то подсказывало мне, что она из России или с постсоветского пространства: взгляд недоверчивый, исподлобья и постоянная раздражительность на лице. Я попытался услышать хотя бы кусочек ее разговора с медсестрой, чтобы понять по произношению, прав я или нет. Но не получалось.

Как свою соотечественницу я признал ее только за столом: ножом и вилкой все немцы пользуются одинаково хорошо – и бродяга, и человек из высшего общества (у них это введено в школьную программу), а среднестатистический россиянин владеет этим искусством слабо.

На все мои «ахи» Катюка заявила категорично:

– Зачуханная гэдээровская дурка! Два телевизора на весь этаж! – возмущалась она. – Полы в коридоре моет не машина, а санитарка! Каменный век...

Я ей не возражал, чтобы не ссориться, а так хотелось посоветовать ей подлечиться на Родине, в российской психушке, где свободный выход в туалет – привилегия богатых и избранных.

Потом был бассейн. Желающие могли плавать, могли просто барахтаться сбоку, за пробковым ограждением – кто как хотел.

Над стеклянным скворечником медсестры на табло светилась надпись на немецком языке:

«Температура воды 32 градуса.

Температура воздуха 30 градусов.

Глубина 154 сантиметра».

А через две недели меня выписали, сказав со всей немецкой серьезностью, что «теперь-то я по-настоящему здоров и наконец вылечился».

Вот так у психиатров всегда: если в хороший дурдом, то на две недели, а если в российское гестапо, то на год. И там ведь «по договору» не откажешься: выбьют двери и увезут.

Волновало меня после выписки лишь одно: городок немецкий, где я живу, провинциальный и маленький, потому меня сомнения мучили, что после сумасшедшего дома буду я в нем изгоем и все начнут меня избегать и шарахаться – сумасшедший же! И всякие различные конторы и «амты» станут мне после этого чинить препоны и дискриминировать, как на моей Родине, в демократической России.

Однако хорошо, оказывается, не только в немецком дурдоме, но и после него – никто меня не притеснял, за спиной не хихикал и не грозил «снова туда упрятать»...

А мы живем с этим давно и свыклись уже с мыслью «что так было всегда и, видимо, должно быть» – независимо от нашей оценки психиатрии. А бывает, оказывается, и по-другому, бывает и хорошая психиатрия...

Где психиатры раскаиваются в содеянном, в том, что в газовых камерах погибли миллионы душевнобольных. Где они готовы на все, чтобы искупить свою вину перед пациентом. Даже дать ему в виде компенсации «seksualbetroerin» (сексуально обслуживающую). Только оставьте его в покое, не вспоминайте о прошлом и не отнимайте у него прежних полномочий!

Как в сказке: не убивай меня, я тебе еще пригожусь! В этом случае психиатр согласен написать явку с повинной и публично признать и покаяться: да, было такое... Но мы больше не будем! Простите...

И поставить мемориалы «жертвам психиатрии» по всей стране...

Ну, что ж, такой психиатрии можно простить, тем более что она делает для пациента буквально все!

И говорят же: повинную голову и меч не сечет...

Но сколько еще миллионов пациентов нужно принести в жертву российской психиатрии, чтобы она тоже публично покаялась и поставила памятники жертвам своих преступлений?

P.S. Тут хотелось бы добавить, что рассказывалось в этом письме об обыкновенном, самом рядовом немецком дурдоме. Совсем не курортного типа, как подумали, наверное, некоторые.

Обыкновенная «зачуханная гэдээровская дурка...».

В следующем письме постараюсь описать режим закрытого психиатрического отделения – хотя это будет нелегко: просто так в дурдома в Германии не запирают. Нужно будет постараться!

Александр Сидоров

Ростов – Одесса: история криминальной парочки

Одесса «домамкинского» периода: от большой деревни до Черноморского Вавилона

Ростов-папа и Одесса-мама... Вряд ли кто-то из россиян и украинцев не слышал об этой супружеской паре. Причем многие часто любопытствуют: а что этих супругов, собственно, связывает?

На месте Одессы некогда находилась турецкая крепость Хаджибей (первое упоминание о ней относится к 1415 году, в составе Османской империи – после 1529 года). К России крепость отошла по результатам Русско-турецкой войны в декабре 1791 года. Первоначально вице-адмирал Осип (Жозеп) де Рибас на придворном балу 6 января 1795 года предложил государыне переименовать Хаджибей в Одессос. У россиян тогда было принято на отвоеванных таврических и новороссийских землях называть города греческими именами (Севастополь, Тирасполь, Херсон). Считалось, что неподалеку от Одесского залива в древности располагался античный Одессос. Так что и думать над новым названием долго не надо. Правда, в дальнейшем выяснилось, что Одессос находился на территории Болгарии, недалеко от Варны. Но что поделаешь – как говорится, проехали...

Итак, де Рибас предложил «возродить» Одессос. На что императрица ответила довольно оригинально: «Пусть же Хаджибей носит древнеэллиническое название, но в женском роде – Одесса». Почему именно «в женском роде», государыня не стала объяснять. Да никто в общем-то и не поинтересовался.

Перестраивать и расширять Хаджибей поручили вице-адмиралу Осипу де Рибасу и инженеру Францу де Волану. Через год здесь начинают строительство военного и торгового порта. Дела шли ни шатко ни валко: даже в 1799 году порт существовал практически лишь на

бумаге. Согласно переписи населения 1795 года, город (кроме военного гарнизона, дворян и чиновников) насчитывал 2349 душ жителей обоего пола. Другими словами, Богом забытая дыра. Называть ее «мамой» было не за что. Российское население сюда не рвалось, и Екатерина II приказала заселять крепость единоверными народами, страдающими под турецким игом: им все равно деваться некуда...

Наполнению Одессы не помогла даже политика российских властей, которые указом от 12 декабря 1796 года гарантировали личную свободу крепостным крестьянам, бежавшим в Новороссию! России нужна была успешная колонизация новых земель. В 1801 году 93,7% таких крестьян были юридически свободны, а к 1840 году из трех с лишним миллионов жителей Новороссии лишь 658 тысяч числились крепостными. Но земледельцев привлекали сельхозугодья, а не строительство порта и города. Многие одесские жители были сезонными рабочими, большей частью – мужчинами. Так что и плодиться здесь было проблематично.

Новое название крепости долго не приживалось. Народ продолжал называть Одессу Хаджибеем. За дело просвещения взялось казачество. На всех городских заставах казаки спрашивали въезжающих крестьян: «Куда путь держите?» Тех, кто отвечал: «В Хаджибей», порол нагайками. Оказалось, через зад до людей доходит быстрее. Вскоре о Хаджибее забыли.

Со вступлением на престол императора Павла I строительство Одессы зачахло: уволен де Рибас, получил отставку де Волан. Назначенный Павлом новый глава Новороссии сообщал, что огромные вливания в создание одесского порта больно бьют по казне и не приносят толку. Ревизия выявила непомерное лихоимство и злоупотребления. Сюда же добавились неурожай 1799 года и расходы на военную кампанию России в составе коалиции против Французской республики. И так, в XVIII веке ни о какой «маме» и речи быть не могло.

Во время преемника Ришельё, Александра Федоровича де Ланжерона, высочайшим указом 1817 года Одесса была объявлена порто-франко, то есть свободным портом, которому разрешен беспрошлинный ввоз и вывоз товаров. Это способствовало расцвету города. И все же «мамой» Одессу никто и тогда не называл. Этому препятствовали как раз смешение языков, разноплеменность населения. Еще не сформировался единый «одесский народ», особый «одесский язык», город напоминал вавилонское столпотворение. Веселое, яркое – но неоднородное. Не случайно Одессу так и прозвали – Черноморский Вавилон.

На освоение новых южных земель иностранцев заманивали щедрыми посулами. Австрийские сербы, немецкие меннониты, аристократы, удравшие из революционной Франции, греки, болгары, албанцы, бежавшие от османского ига, – кого только не приютила Новороссия! К началу 1840-х годов колонисты производили до четверти всего экспортируемого Россией зерна.

Одесса в интернациональном смысле была особо примечательна. Многие ее жители родились за пределами Российской империи – в Греции, Италии, Германии, Франции, Швеции, Дании, Соединенных Штатах, Турции, даже в Египте и Персии... Причем в первые десятилетия среди горожан преобладали именно иноземцы. В 1819 году только 25% одесситов были русскими, украинцев – и того меньше. Даже в 1851 году из 90 тысяч горожан более 10 тысяч человек называли себя иностранцами, а многие родились за границей, но приняли русское подданство.

Немецкий писатель Август фон Хакстхаузен, посетивший город в 1843 году, писал: *«В Одессе наиболее пестрая смесь народов, чем где-либо прежде мне пришлось наблюдать»*. Каждая нация или народность занималась своим делом: греки, итальянцы и немцы контролировали оптовую торговлю, евреи были банкирами и маклерами, французы продавали вино, караимы – табак и товары Востока. Местный бомонд говорил по-французски, зато вывески писались по-русски и по-итальянски. В одном и том же театре нередко шли оперы... на пяти разных языках!

Богатая криминальная невеста...

Мамой Одесса стала к концу XIX века, и это прямо связано с ее становлением как центра преступного мира Российской империи. Писатель, сценарист, режиссер Эфраим Севела (1928–2010) в киноповести «Одесса-мама» справедливо отмечает:

«В мое время Одесса была мамой и все мы, ее дети, называли этот город Одессой-мамой. Вы спросите почему? И я вам отвечу. Одесса славилась такими ворами, такими бандитами, каких свет не видывал и больше, я думаю, не увидит. Народ измелчал. Одесса была столицей воровского мира всей Российской империи – по этой причине ее ласково называли мамой.»

Дети этой матери были сильными, ловкими и мудрыми мужчинами и выделялись среди своих коллег в других частях мира одним бесценным даром – они любили и ценили шутку, шутку соленую, как воды Черного моря, и совсем не любили крови. Они проливали кровь толь-

ко в крайнем случае, когда тот, с кем их сводила воровская судьба, не имел никакого чувства юмора и поэтому терял всякое право дышать тем же воздухом, каким пользуются нормальные остроумные люди».

Но почему именно в конце XIX столетия Одесса так полюбилась преступникам? Конечно, свою роль сыграло южное расположение города. Уголовный люд не случайно до сих пор называет себя «бродягами» и «босьяками», эта традиция идет еще с каторжанских времен. А босьяков всегда тянет в теплые края. Как заметил беспризорник из фильма «Достояние республики», отвечая на вопрос, зачем бежит в Ташкент: «Там тепло, там яблоки...»

Но одними яблоками сыт не будешь. Нужны благоприятные условия для «работы» («работой», «делом» испокон веку в криминальной среде называли преступление). А где лучше всего работать? В большом, богатом торговом и промышленном городе! Таковым Одесса становится именно на переломе XIX – XX веков. Конечно, расцвет города начинается раньше, в первой половине XIX века, чему способствовали Наполеоновские войны, которые истощили запасы хлеба на Западе и подорвали сельское хозяйство в Европе. Старый Свет бросился искать поставщиков зерна на стороне. Россия оказалась главной кормилицей европейцев, что сохранилось на долгие времена. В результате Одесса превратилась в основной порт империи, экспортирующий хлеб.

Громадные обороты порта способствуют процветанию Южной Пальмиры. Но и в середине века Одесса все же оставалась уездным центром с неразвитой инфраструктурой. Улицы, покрытые мягким известняком, во время дождя превращались в грязное месиво и становились непроходимыми. Летом воздух наполнялся пылью из-за эрозии сухого строительного материала.

Как ни странно, развитию города мешал статус порто-франко, который некогда Одессе помог. Беспшлинная торговля не создавала условий для создания собственной промышленности. Зачем создавать, когда можно торговать? Чтобы стимулировать рост производства в крупнейшем южном городе-порте, в 1859 году Одессу лишают привилегии порто-франко. А в 1869 году открытие Суэцкого канала резко сократило морской путь из Одессы к портам Южной и Восточной Азии. Начинается бурное экономическое развитие города. Грузооборот порта увеличился с 37 миллионов рублей в 1862 году до 128 миллионов в 1893 году и 174 миллионов – в 1903-м. Одесса стала вторым портом Российской империи после Петербурга.

В 1894 году Одесса по экономическому развитию и численности населения становится четвертым городом в империи после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы. К 1900 году здесь действует 486 промышленных предприятий. В 1897 город насчитывал 404 тысячи жителей, а к 1914-му – 669 тысяч человек! Возводились здания государственных, торговых, общественных учреждений, гостиниц и банков, жилые дома, мостились площади, улицы...

Вот тогда-то Одесса и стала настоящим раем для уголовного мира всей России! Сюда, в богатый южный город и порт, потекли жулики, зиганы, урки со всех концов империи. Здесь было чем пожить, что немаловажно, где удобно разместиться. Несмотря на бурный рост города, его окраины – вотчины одесского пролетариата – оставались запущенными и смахивали на нынешние бразильские фавелы.

К слову, здешний пролетариат зачастую мало отличался от уголовников. Позднее, в 1918 году, на это указывала в секретном докладе лидер одесских большевиков Софья Соколовская: *«Одесский пролетариат – это бандиты-спекулянты, гниль... в Одессе без денег революция не двигается ни на шаг...»* Не будем обвинять товарища Соколовскую в предвзятости. Действительно, значительная часть профессиональных преступников обитала именно на рабочих окраинах. Многие пролетарии были связаны приятельскими (и даже родственными) отношениями с жульем и бандитами, а нередко сами совмещали полезное с приятным. Рабочие порта занимались воровством и продажей краденых товаров, то же самое можно сказать и о железнодорожниках. Немало уголовников выходило из рабочей и ремесленной среды. Когда твои соседи и близкие – бандиты да воры, как удержишься? Тем более все равно берешь у «проклятых эксплуататоров»...

Такие «пролетарские районы» перечисляет Валентин Катаев в повести «Белеет парус одинокий»: *«Возле самого кладбища к рыбакам стали присоединяться мастеровые и железнодорожники Чумки, Сахалинчика, Одессы-Товарной, Молдаванки, Ближних и Дальних Мельниц».* Два первых названия говорят сами за себя. Тот же самый Сахалинчик некогда являлся окраиной города, откуда и возникло название (на окраину России, остров Сахалин, ссылали отпетых каторжан). Лев Славин в романе «Наследник» характеризовал Сахалинчик как «воровское предместье». «Константин Паустовский в воспоминаниях расширяет географию: *«В предместьях – на Молдаванке, Бугаевке, в Слободке-Романовке, на Дальних и Ближних Мельницах – жило, по скромным подсчетам, около двух тысяч бандитов, налетчиков, воров, наводчиков, фальшивомонетчиков, скупщиков краденного и прочего темного люда».*

Вот для этих людей и их «коллег» по уголовному ремеслу Одесса к началу XX века становится настоящей мамой...

...и состоятельный уголовный жених

Под стать будущей супруге оказался и другой крупнейший центр российского Юга – Ростов-на-Дону. Правда, он явно уступал Одессе по основным показателям и масштабам. Поскольку ростовчане не претендуют на то, что «папой» их город назвали по аналогии с Папой Римским, его историю мы изложим в общих чертах. Начало Ростову положил указ императрицы Елизаветы Петровны от 15 декабря 1749 года об учреждении Темерницкой таможни. Затем здесь появляется порт, а в 1761 году начинается строительство военной крепости Дмитрия Ростовского в честь митрополита ростовского и ярославского Дмитрия, причисленного Русской православной церковью к лику святых. Гарнизон крепости насчитывал более четырех тысяч человек. Еще тысяча проживала в окрестных слободах. На работы в порт регулярно приходило до трех тысяч наймитов из Украины. То есть изначально Ростов был крупнее будущей Одессы.

Однако к середине XIX века Южная Пальмира значительно обогнала Ростов в развитии. Но со второй половины XIX века Ростов-на-Дону, как и Одесса, переживает период бурного роста. Если в 50-е годы годовой экспорт товаров за рубеж составлял в среднем 3,5 миллиона рублей, то в 70-е годы этот объем превысил 22 миллиона рублей в год. К концу XIX столетия в Ростове работало несколько десятков предприятий: чугунолитейные, механические и канатные заводы, паровые мукомольные мельницы, две табачные и одна писчебумажная фабрики и т.д.

Таким образом, и Ростов привлекал к себе, как магнит, уголовников со всей России. Любопытно, что к началу XX века город получает титул «Русский Чикаго» – хотя первоначально это не было связано с разгулом преступности. Ростов называли так, поскольку Чикаго являлся одним из финансовых центров и крупнейшим транспортным узлом Северной Америки. Кроме того, Ростов был построен по американскому типу «двух улиц» – широких авеню и пересекающих их стрит. Но уже к середине 20-х годов сравнение получает дополнительную окраску. Чикаго в 1920 году приобрел по всему миру дурную славу «гангстерской столицы»: здесь насчитывалось свыше тысячи различных банд, которые враждовали между собой. А Ростов гремел как столица криминальной России...

А идише мама...

Косвенное подтверждение того, что первой титул столицы получила именно Одесса, находим, например, в «Справочнике по ГУЛАГу» Жака Росси – француза, пробывшего в ГУЛАГе с 1937 по 1955 год:

«**Одесса-мама** (об Одессе, столице воровского мира). В XIX в. и до начала 40-х гг. XX **О.** была главным центром российской уголовщины. Среди одесских блатных было много евреев и ряд блатных слов происходит из идиш».

И тут нам придется обратиться к истории еврейской общины Одессы. Как известно, в царской России существовала черта постоянной оседлости еврейского населения. Ее появление не связано с юдофобией. Согласно российским законам конца XVIII века, российские мещане и купцы (независимо от национальности и вероисповедания) имели право проживать только в городах и местечках, к которым были приписаны, и свободное передвижение их за пределами отведенной территории было ограничено. В 1782 году для купцов Белоруссии сделали исключение, а вскоре в Москве и Смоленске появились белорусские купцы-евреи, что вызвало недовольство тамошних торговцев. Тогда указом Екатерины II от 23 декабря 1791 года евреям запрещается запись в купечество внутренних городов. Что фактически положило начало «черте оседлости» (на иврите – тхум ха-мошав), то есть расселение и передвижение евреев ограничивалось определенными территориями. В основном это области, аннексированные Россией у Польши (значительная часть Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии), где жило много евреев.

Но русское правительство было заинтересовано в колонизации малонаселенного, экономически бедного Новороссийского края и Таврической области, которые империя «отрезала» у турок. Еще в 1769 году здесь разрешили селиться еврейским пленникам, захваченным во время войны с Турцией. Даже после указа Екатерины о высылке евреев из городов внутренней России за еврейским населением осталось «право на Новороссию». Впрочем, польские и украинские евреи обосновались среди казаков Запорожской Сечи еще в XVII веке как купцы, торговцы, шинкари, процентчики. Правда, запорожцы их не жаловали. В 1648 году отряды Богдана Хмельницкого устроили побоище «жидов», но даже это не вынудило последних покинуть Запорожье. После ликвидации Запорожской Сечи в 1775 году и укрепления русского контроля над этим районом евреи стали селиться в новых городах. Одним из таких перспективных поселений была Одесса. Если в

Хаджибее к моменту захвата крепости русскими войсками находилось всего шесть евреев, то уже к 1794 году еврейское население Одессы возросло до 240 человек, что составляло 10% жителей.

Причем эти люди резко отличались от представителей традиционной еврейской диаспоры! Позже собратья-иммигранты назовут их «отвратительными», «развращенными» бродягами и авантюристами. Как пишет автор труда «Евреи Одессы», город в это время был *«золотой жилой для всех отбросов, для самых разных типов, которых привлекала возможность отправиться туда, где их никто не знал и где они могли жить новой жизнью, свободной от цепей традиции»*. Последнее замечание существенно. Даже вторая волна еврейских иммигрантов, хлынувшая в Черноморский Вавилон с 1803 по 1819 год, отличалась свободными нравами и отходом от строгой религиозности, замкнутости традиционной иудейской общины. Иудейский изоляционизм раздражал авантюристов, являясь преградой для их самоутверждения и обогащения. А город сводил с ума, кружил голову потрясающими возможностями для предприимчивого человека. Характерный факт: в 1817 году несколько крепких еврейских ребят отдубасили городского раввина Бериша бен Исраэля Ушера из Немирова за то, что тот требовал строгого соблюдения ритуалов. Да, одесские евреи резко дистанцировались от фанатичного иудаизма. Многие вообще отказались от исполнения религиозных обрядов. И это на фоне того, что *«в целом российские евреи жили более концентрированно, чем евреи на Западе, интеграция в окружающий мир была для них в основном менее привлекательной, а сопротивление традиционалистов этому процессу было более эффективным»*.

Вообще, Одесса славилась либерализмом. Это был один из немногих городов, где евреи активно участвовали в городском самоуправлении. Местные власти относились к ним с большой симпатией и терпимостью. Политика российской власти в отношении евреев Новороссии привела к тому, что Одесса становится для них неофициальной столицей, городом мечты. В крупных городах империи жило ничтожное число евреев, поскольку большинство этих городов находилось за пределами черты оседлости. Зато в Одессе евреи по численности были второй национальностью. В 1892 году из 404 тысяч жителей города 198 233 были русскими, 124 511 – евреями. То есть один из самых богатых и красивых городов страны был на треть еврейским, и евреи играли в его управлении не последнюю роль. Для российских иудеев одесский воздух казался воздухом свободы, а сам город открывал радужные перспективы.

Понятно, что и представители еврейского «благородного преступного мира» относились к Одессе трепетно. Говоря о еврейской составляющей преступного мира империи, мы должны иметь в виду не только Одессу, но и уголовников всей «черты оседлости», в том числе Киева, Варшавы, Вильно и проч. Однако именно Одесса стала их криминальной столицей. Ведь даже в Киеве и Варшаве права на жительство иудеев были ограничены (а в Киеве временами действовал полный запрет).

Впрочем, к этому времени еврейское уголовное сообщество значительно расширяет свое влияние в блатном мире всей империи. Собственно, и само словечко «блатной» (означавшее преступника), и «блат» (преступление) пришли в русское арго именно из еврейской среды – во всяком случае, через ее посредство. Вообще же корни «блата» лежат в немецком арго, где *Blatte* – одно из названий воровского жаргона, *platt* – свой, заслуживающий доверия. Как раз именно последнее значение было в русском жаргоне первоначальным. Александр Куприн в очерке 1895 года «Вор» («Киевские типы») писал: *«Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляют "блатные", то есть пособники, покровители или просто только глядящие сквозь пальцы люди всяких чинов и званий. Сюда относятся: разного рода пристанодержатели, дворники, прислуга, хозяева ночлежных домов и грязных портерных»*. «Блатной» – это уже чисто русское производное (в польском произношении – *blatny*).

И вот мы переходим к главному. В российском преступном сообществе конца XIX века явно обозначились два основных течения – «еврейское» и «славянское». Это проявлялось как в менталитете, в подходе к самому преступному ремеслу, так и в уголовном жаргоне. Увы, сегодня целый ряд как русских, так и еврейских горе-филологов пытается доказать, что отечественный уголовно-арестантский жаргон («блатная феня») в основе своей является криминальным сленгом одесских евреев. Происхождение большей части жаргонной лексики эти «исследователи» отыскивают в идише и иврите. Однако большинство таких изысканий нелепо и притянuto за уши.

Итак, на переломе XIX–XX веков большая, богатая, теплая Одесса становится Меккой для российских уголовников. Но здесь уже сложилось свое, особое, криминальное сообщество, где ведущую роль играют уголовники-евреи. Причем это новое течение в воровском мире отличается, как говаривал поэт Баратынский, «лица необщим выраженьем». Одесский вор любил «чистую» и «тонкую» «работу» в отличие от своих славянских «коллег». Это отмечал в начале XX века киевский

журналист и писатель Григорий Брейтман – автор исследования «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников» (1901). В частности, он указывал на существенное различие карманников еврейских и русских:

«Карманный вор на специальном воровском жаргоне называется “марвихер”. Это название распространяется на всех воров, занимающихся карманными кражами. “Марвихеры” в свою очередь разделяются на несколько групп... Самым интересным карманным вором является тот, который специально занимается кражами бумажников с более или менее крупными суммами денег.. В воровском обществе эти воры пользуются большим почетом и уважением. Преступники считают и называют их “аристократами”. Эти аристократы воровского мира держатся всегда в стороне от других воров... “Марвихеры-аристократы” большею частью евреи, поляки, греки, а русские встречаются между ними сравнительно редко...

Имея определенное постоянное жительство в каком-нибудь месте, где живут их семьи, они никогда не воруют в родном городе, а уезжают в другое, более отдаленное место... Собираясь “райзен”, т. е. путешествовать, вор намечает себе известный район и, пускаясь в путь, непременно берет с собой товарища, который служит ему помощником. Такой помощник на воровском жаргоне называется “фартицером” или “затырщиком”, сам же вор именуется “торговцем”...

Приезжая в какой-нибудь город для “торговли”, торговец и “фартицер” садятся, например, в театре и, наблюдая за публикой, выбирают себе подходящую жертву. Жертва эта должна непременно иметь вид барина... и такая жертва носит у воров кличку “прыц”. В антракте помощник вора следит за таким “прыцем”, чтобы узнать, есть ли у него такая сумма денег, чтобы стоило из-за нее красть бумажник, который называется у воров “кожа” или “тувиль”, смотря по национальности преступника.

Кроме “марвихеров”, ворующих у “прыца”, есть карманные воры, которые воруют уже у «грача». “Грачом” на воровском наречии называется богатый купец, подрядчик и вообще богатый, но простой человек. Такие воры отличаются от “аристократов” тем же, чем “прыц” отличается от “грача”. Это по наружности уже не джентльмены, а напоминают доверенных приказчиков, артельщиков или средней руки купцов. Такие воры происходят всегда из русских. Процесс вытаскивания бумажников у них тот же, как и у “аристократов”, только бумажник с деньгами и документами у них называется не “кожа”, а “лопатник”...

Вообще жаргон их состоит больше из русских слов, в противоположность «аристократам», у которых преобладают еврейские выражения».

Как мы узнаем из рассказа, евреи в основном занимались «аристократическими» карманными кражами и даже выезжали с этой целью за границу, русские же «втыкали» там, где народ попроще, «посермяжнее». И жаргон у них был разным. Более того, даже если в среде «аристократов» оказывался русский карманник, у него были собственные, нееврейские термины: не «фартисер», а «затырщик», «кожа» или «тувиль», смотря по национальности преступника».

Сам термин «марвихер» заимствован из идиша, но происходит от ивритского корня «ревах» – прибыль. Отсюда ивритское причастие «марвихах» – зарабатывающий, получающий пользу. В идише добавилось окончание «-ер» («марвихер» или «маравихер»), что, как и в немецком языке, указывает на профессию, занятие, образ жизни – добытчик (пояснение – Зеэв Гейзель, Алон-Швут, Израиль). Русские названия воровской «специальности» – кармаш, щипач, ширмач. На сегодняшний день слово «марвихер» давно ушло из активной лексики блатного аргю.

Можно приводить еще множество примеров разницы в менталитете еврейских и русских уголовников, который отразился в жаргоне. Но, думаю, это и так очевидно. Причем различия эти диктовались в основном окружающей средой, условиями «работы», «торговли». В Одессе – городе «утонченном», с обилием иностранцев, изысканной публики, наплывом богатых аристократов, балами, операми и променадами, вор, преступник должен был соответствовать «интерьеру». Вот как описывает «марвихеров-аристократов» тот же Брейтман:

«Если бы кто-либо из читателей увидел вора, совершающего подобные кражи, он с трудом поверил бы, что перед ним профессиональный преступник. Такой вор скорее похож на доктора, адвоката, агента страхового общества, у него благообразная наружность, прекрасные манеры; на нем великолепный костюм всегда от лучшего портного... Большая часть их получила в свое время некоторое воспитание, многие говорят на нескольких иностранных языках, так что они не ограничиваются пределами нашего обширного отечества, а часто отправляются на гастроли в населенные центры других государств».

Другими словами, одесскому вору требовался особый артистизм, подготовка, интеллект. «Русаки», славянские воры (равно как и цыганские, татарские, кавказские преступники) ментально были чужды это-

му. Они «работали» с иной категорией жертв: богатые купцы, приказчики, состоятельные крестьяне-хозяева, провинциальные помещики и т.д. Таким образом, Одесса осуществляла естественную «фильтрацию» уголовников. Нет, безусловно, дорогих собратьев здешние жулики встречали душевно. Хотя лишние конкуренты криминальному миру Одессы не были нужны, однако те же самые одесситы охотно гастролировали с поддельными паспортами по всей России (кстати, фальшивые документы назывались у славян и евреев тоже по-разному: у первых – «темный глаз», у вторых – «шварц-вейсс», то есть по-немецки «черно-белый»). Значит, необходимы связи, адреса «малин», скупщики краденного, подельники... Так что воровской интернационал надо крепить.

Собственно, он крепился и в самой Одессе, где большинство все-таки составляли русские плюс украинцы. Однако и этим куда ближе были местные еврейские пацаны, а не приبلудившиеся соплеменники. Одесские жулики, несмотря на гостеприимство, не шибко давали развернуться у себя дома заезжим «гастролерам». Как говорится, все углы уже помечены, город находился под контролем. Аристократическую публику «чистили» еврейские мальчики и девочки, окрестных «лохов» попроще – русские и украинцы. Безусловно, разделение несколько условное, но в общих чертах оно соблюдалось. Вот для этих людей, объединенных не только одним промыслом, но и «местечковым патриотизмом», особым одесским говором-«языком», постоянным общением, – Одесса и стала «мамой».

...и а русшиер папа

Преступники славянского роду-племени не могли не почувствовать эту своеобразную дружелюбно-изоляционную ауру: показное «жульманское братство» при реальном нежелании пускать чужаков на свою территорию. И тогда «русаки» обратили взоры к расположенному не так далеко сытому купеческому Ростову. Славянским уголовникам было здесь намного вольготнее. Население города – свое, родимое, обстановка привычная, купеческая, работать привычно. А то, что город меньше... Тоже свой плюс: меньше и уголовников, куда легче конкурировать с местным жульем. Да и общий язык найти проще. Для российского вора Ростов представлял собой идеальный город, где можно и «работать», и отдохнуть: достаточно прочесть серию очерков того же Свирского-Вигдоровича «Ростовские трущобы» (1893). Уже цитированный Жак Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» отмечал: «...после Одессы Ростов-на-Дону стал одним из важнейших центров советской уголовщины».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что Ростов стал второй столицей российского преступного мира не только в противовес Одессе, но и как ее дополнение. Ведь Ростов-папа тоже не был «чисто русским» городом. До революции он числился одним из самых «еврейских» городов России. Он и по сию пору считается священным для евреев-хасидов всего мира, потому что здесь похоронен один из главных еврейских святых – пятый рэбе Шолом Дов-Бэр Шнеерсон, а также благочестивый Авраам-Хаим Бенъяминович-Исар Каценеленбоген. Почему так сложилось, объясняет ростовский краевед и историк Василий Вареник: *«Да все потому, что Ростовский уезд (с городом Таганрогом и посадом Азовом) входил чужеродным административным вклинением в донские земли, числясь прежде частью... Екатеринославской губернии. А сама эта Екатеринославская губерния находилась в так называемой "черте оседлости" для евреев, где им жить можно было без ограничений... Так получилось, что в 1887 году Ростовский уезд вошел в состав Области Войска Донского, а донские атаманы получили в наследство в качестве подданных всех евреев, живших в упомянутом уезде. Вот так Ростов обильно пополнил евреями и без того многонациональную семью донских народов».*

Историк отмечает также существенное отличие местных евреев от их собратьев в той же Одессе: *«Среди них было далеко не так много людей с высшим образованием и вообще интеллигентов. Зато хватало представителей так называемого "еврейского пролетариата", "еврейского рабочего класса" (в Ростове было даже сильное отделение партии СЕРП – Социалистической Еврейской Рабочей Партии). "Еврейский пролетариат" состоял из сапожников, жестянщиков, старьевщиков, мусорщиков, драгилей (возчиков), слесарей... По этому поводу историк еврейства Г. Богров не без горечи замечал: "Многие изъ потомковъ славныхъ когановъ (еврейских предводителей. – Прим. автора) занимаются самымъ грубымъ физическимъ трудомъ или извознымъ промысломъ". Было также много мелких ремесленников – переплетчиков, часовщиков, портных».* По большому счету таких «еврейских пролетариев» было достаточно и в Одессе. Однако там они растворялись на фоне «роскошной» жизни, аристократического антуража. Здесь же, в Ростове, и еврей был «свой», «простецкий». Но все же «папа», в отличие от «мамы», воспринимался жуликами как «русский».

Возникновение двух уголовных центров не привело к расколу криминального сообщества империи. В преступном мире России национал-шовинистические настроения не приветствовались. Здесь действо-

вали иные традиции: о человеке судили по уровню его «профессионализма» и «товарищеским» качествам (до революции слово «товарищ» среди воров еще не было девальвировано). Евреи-уголовники отличались чрезвычайно высокой квалификацией и взаимопомощью – причем не только по отношению к соплеменникам. Отринув религиозно-национальную общинность, они нашли замену ей в общинности криминальной. Поэтому евреи в преступном мире пользовались большим – и заслуженным – авторитетом.

Формула «Ростов-папа, Одесса-мама» (то есть упоминание обоих уголовных центров в связке, а не по отдельности) возникла первоначально именно в среде уркаганов-«русаков». Это связано с особенностями русского маргинального сообщества. До революции профессиональные преступники называли себя бродягами, иванами. «Иваны» и «бродяги» – фактически наименование одной и той же уголовно-арестантской касты. Ну, с «бродягами» ясно. Уголовники, называя себя «бродягами», подчеркивали, что занимаются исключительно криминальным промыслом, не имеют ни дома, ни семьи, ни паспорта (у одесских евреев дело обстояло иначе: традиционно они очень ценили семью и родной очаг). А почему – «иван»? Полностью определение этих уголовников звучало как «иван, родства не помнящий».оборот перешел в жаргон арестантов из официальных бумаг. Иван – издревле у русских самое распространенное имя: даже в сказках его носят главные герои от дурака до царевича (не случайно немецкие оккупанты во время Великой Отечественной называли всех русских мужчин «иванами»). Поэтому, когда задержанного бродягу спрашивали об имени и фамилии, он обычно так и аттестовал себя: «Иван». На вопрос о месте проживания и родственниках следовал стандартный ответ: «Не помню». Так и записывали: «Иван, не помнящий родства» (позже фразеологизм обоснуется в литературном языке для обозначения человека, который оторвался от своих корней).

Но после возникновения криминальных «папы» и «мамы» формулировка несколько изменилась. Когда преступники и бродяги отвечали на вопрос о родных, они уже не ссылались на «забывчивость». Разъясняли охотно: «Ростов – папа, Одесса – мама».

Кто в доме хозяин?!

Обратим внимание: Жак Росси в своем справочнике подчеркивает, что Одесса была главным центром российской уголовщины до начала 40-х годов XX века. То есть подразумевается, что в последующем Одесса перестала быть «главным центром». Или, выражаясь иначе, Ростов-

папа вел довольно активную борьбу за первенство и как минимум не проиграл – скорее выиграл.

Предпосылки для «уравнивания» статуса двух криминальных столиц появились еще в начале XX века, когда Одессу охватил промышленный кризис, из которого она, впрочем, стала выходить в 1910 году. Однако тут грянула Первая мировая война. Сократилась до критического минимума внешняя торговля через порт и выпуск продукции на экспорт. Но дело не только в экономике. Немалую роль сыграла та самая «черта оседлости», благодаря которой Одесса в свое время обрела статус «еврейского рая». К 1915 году черта оседлости фактически перестает существовать, поскольку тысячи еврейских беженцев из западных губерний хлынули на восток, и власть вынуждена была разрешить им проживание в центре империи. Окончательно и официально черту оседлости еврейского населения отменило Временное правительство в 1917 году. Это означало потерю Одессой статуса главного «еврейского» города страны. Теперь перед «народом рассеяния» открывались перспективы освоения Петрограда, Москвы и всего российского пространства.

После победы партии большевиков, в руководстве которой евреи были представлены особенно массово, начинается активный «исход» еврейского населения за пределы бывшей «черты оседлости». Разумеется, этот процесс коснулся и Одессы, что отрицательно сказалось на ее статусе «криминальной еврейской столицы».

Гражданская война на время затормозила этот процесс. Город переходил из рук в руки, преступность свирепствовала, к началу 20-х Одесса подошла в жалком состоянии. В городе было разрушено четверть домов и многие предприятия, внешняя торговля прекратилась, численность населения резко упала: немало людей погибло, часть эмигрировала. В 1920-м в Одессе насчитывалось 428 тысяч человек, а после голода 1921–1922 годов и вовсе 324 тысячи – примерно половина населения времен заката империи.

Ростов в период революций пострадал не столь основательно. И разрушения, и потери среди населения здесь были несопоставимы с одесскими.

Впрочем, с начала 20-х годов Одесса интенсивно возрождается: восстанавливаются прежние фабрики и заводы, строятся новые.

И все же на поприще криминальной «романтики» Одессе удастся отстоять ведущую позицию. Мы не случайно затронули тему «второго

еврейского исхода». В результате Советская республика получает яркое явление в литературе, получившее название «одесской школы». Возникает творческая плеяда замечательных писателей-одесситов, переехавших в столицу и добившихся громкого успеха: Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий, Илья Ильф и Евгений Петров, Исаак Бабель, Александр Козачинский, Лев Славин... Отдельно следует назвать великого Леонида Осиповича Утесова, не принадлежавшего к писательскому цеху, но ставшего настоящим певцом Одессы. Все эти люди в той или иной степени способствовали расцвету и укреплению одесского криминального мифа.

Всесоюзную, громкую, скандальную славу Одессе как матери советских уголовников, безусловно, создал своими «Одесскими рассказами» Исаак Бабель. Писатель воспел легендарную фигуру Мишки Японца (Япончика) – одесского бандита Михаила Винницкого, который позиционировал себя как «защитник угнетенных трудящихся», Робин Гуд местного разлива. Сведения о Японце противоречивы. Личность это была неординарная, этот налетчик обладал потрясающим даром организатора и искусством «толкать» демагогические речи – не говоря уже о бесшабашности и жестокости настоящего бандита. Он прекрасно сочетал самую кровавую уголовщину с революционной фразой, сотрудничал с большевиками, анархистами, левыми эсерами. В конце концов Мишка возглавил специально созданный под него 54-й имени Ленина советский стрелковый полк 3-й армии, состоявший сплошь из уголовников и недоучившихся студентов. Полк бросили на штурм станции Вапнярка. Одесские бандиты сходу выбили оттуда петлюровцев, забросав их окопы гранатами. Те бежали, но на следующий день контратаковали и обратили уркаганов в бегство. Поезд, в котором Японец возвращался с поля боя в Одессу, был остановлен красными, а Мишка с рядом своих соратников – расстрелян.

Исаак Бабель переносит действие своего сборника в Одессу начала века. Но, предваряя публикацию первого рассказа «Король» (журнал «ЛЕФ», 1923 год), прямо заявляет: *«Герою является знаменитый одесский бандит “Мишка Япончик”, стоявший одно время во главе еврейской самообороны и вместе с Красными войсками боровшийся с белогвардейскими армиями, впоследствии расстрелян»*. То есть Беня Крик имеет своим прототипом Моисея Винницкого.

Через три года в журнале «Красная новь» публикуется киноповесть писателя «Беня Крик», а в 1927 году режиссер В. Вильнер на Одесской кинофабрике снимает художественный фильм «Беня Крик». Возмущенная одесская пресса писала, что в картине пропагандируется «идеал

молдаванских подонков», «кумир окраинной хулиганерии», «происходит открытое прославление уголовного хулиганства». Когда в Одессе снимался фильм, «вокруг съемки собирались толпы хулиганов, с гордостью смотрящих, в какую честь попал их недавний соратник, и сами прихорашиваются, зараженные чумною славой...». Лазарь Каганович тоже раскритиковал «Беню Крика» как «романтизацию бандитизма». Фильм сняли с проката.

Но поздно: Япончик, он же Беня, уже превратился в миф «о блатной Одессе». Позднее (1928) в комедии «Республика на колесах» Якова Мамонтова Леонид Утесов споеет знаменитую песенку «С одесского кичмана», которую слегка «подправит» поэт Борис Тимофеев, довольно прозрачно намекнув на «красную эпопею» Мишки Японца:

С ваярского кичмана
Сбежали два уркана,
Сбежали два уркана на Одест...

Товарищ, товарищ,
Скажи моей ты маме,
Что сын ее погибнул на poste:
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другую,
И с песнею веселой на усте.

За ще же ж мы боролись,
За ще же ж мы страждались,
За ще ж мы проливали нашу кровь?!

Конечно, никакого кичмана в Вапнярке сроду не было: мелковата она для тюрьмы. К тому же многие исследователи до сих пор не могут уразуметь: как могли урканы сражаться с винтовкой и шашкой? За кого они, интересно, кровь проливали?! Ну никак одно к другому не лепится. Очень даже лепится – если вспомнить об истории Мишкиного полка... А в 1932 году Утесов записывает «Кичман» (уже «одесский») на граммофонную пластинку вместе с «Гоп со смыком» и «Лимончиком». «Вся страна пела, – рассказывал певец. – Куда бы ни приезжал, везде требовали: "Утесов, "С одесского кичмана"!». Дошло до того, что Утесов исполнил лихие куплеты даже в Кремле по просьбе Сталина!

Яркой личностью был и писатель Александр Козачинский, повестью которого «Зеленый фургон» зачитывалась вся страна. И неудивительно,

поскольку и милицейский, и преступный мир автор знал не понаслышке. В 1920 году он служил инспектором угро третьего района Одессы, был осужден на три года концлагерей за должностные преступления, оправдан, восстановлен инспектором уголовного розыска первого района Балтского уезда. Затем, возмущенный взяточничеством, пьянством и беспределом «красных» милиционеров, он бросает службу и организует банду, которая совершает налеты на районные конторы, поезда и зажиточных хозяев. Атаман пользуется большим авторитетом у бандитов и местного населения – особенно среди немецких колонистов. В конце концов Александр Козачинский сдается своему другу – инспектору угро, будущему писателю Евгению Катаеву. Бандита приговаривают к высшей мере социальной защиты – расстрелу, который заменяют лишением свободы. В 1925 году Козачинского амнистируют, бывший атаман приезжает в Москву к Евгению Катаеву, работает вместе с ним репортером в газете «Гудок». А в 1938 году Козачинский выпускает повесть «Зеленый фургон», где выводит себя в образе лихого налетчика по кличке Красавчик, а автора «Двенадцати стульев» Евгения Катаева-Петрова делает прототипом сыщика Володи Патрикеева.

Особо следует выделить пьесу Льва Славина «Интервенция» (1932) о большевистском подполье Одессы в годы Гражданской войны, которая в 30-е годы с триумфальным успехом шла на сценах советских театров. Как отмечает сайт «Одесса на Гудзоне»: *«... Пьеса при всем внешнем блеске, остроумии, легкости глубоко трагична. По сути, это пьеса о гибели старой Одессы... Жанр романтической трагикомедии позволил Льву Исаевичу создать очень точную по настроению и атмосфере картинку города, которого уже не было... Благодаря славинской пьесе "Интервенция" роскошный одесский говор впервые разошелся по всей России, одесский акцент одно время был моден в пажонской и прибалтненской среде».*

Позднее тот же Славин напишет сценарий фильма «Два бойца» (1943), где замечательный актер и певец Марк Бернес (в роли бойца Аркадия Дзюбина) исполнил «одесскую» песню «Шаланды, полные кефали», мгновенно ставшую хитом советских дворов и подворотен (эстрадным певцам долгое время петь ее не рекомендовали, считая за малым не «блатной»). И это несмотря на то, что ни создатели песни, ни ее исполнитель не имели отношения к Одессе: поэт Владимир Агатов был киевлянином, композитор Никита Богословский – ленинградцем, а сам Бернес родился в Черниговской области и с 17 лет жил в Москве.

Увы, у Ростова-папы такой мощной интеллектуальной и творческой поддержки не имелось. На какое-то время его «блатной автори-

тет» оказался в «маминой» тени. В уголовном мире Ростов-папа и Одесса-мама по-прежнему упоминались вместе, однако в семье равных мамаша была все-таки немного «ровнее».

И все же не следует забывать, что слава, которую создали Одессе ее талантливые сыновья, в основном была обращена в прошлое – до революционное и времен Гражданской войны. А, как говаривал классик, «в карете прошлого никуда не уедешь»...

Великая Отечественная война нанесла статусу криминальной Одессы очередной болезненный удар. Вся территория бывшей «черты оседлости», в том числе Одесса, оказалась в зоне фашистской оккупации. Если даже после отмены «черты» плотность еврейского населения здесь оставалась достаточно высокой, то с приходом германских национал-социалистов с их политикой подавления и уничтожения евреев положение коренным образом изменилось. Часть евреев успела эвакуироваться, многие были уничтожены оккупантами и украинскими националистами. Это ударило и по Одессе как центру этнической еврейской преступности.

Вслед за гитлеровцами в разрушение репутации «криминальной столицы» внес свой вклад маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. По крайней мере, так гласит легенда. Летом 1946 года Жуков на заседании Главного военного совета был обвинен в незаконном присвоении трофеев, раздувании своих заслуг в деле разгрома Гитлера и «бонапартизме». Георгия Константиновича сместили с должности главнокомандующего сухопутных войск и назначили командующим войсками Одесского округа. Разъяренный Жуков появился в Одессе, где в это время свирепствовал бандитизм. Маршал решил бороться с ним фронтowymi методами, и вскоре Одесса стала одним из самых спокойных городов страны.

Впрочем, многие исследователи склонны считать это не более чем мифом. Во всяком случае, официальных документов на сей счет нет. Очевидцы тоже не могут сказать ничего определенного.

Но отметить участие Жукова в борьбе с одесским бандитизмом нельзя. Ведь едва ли не половина всех вооруженных грабежей, убийств и пьяных выходок со стрельбой в первые послевоенные годы приходилась на долю молодых фронтовиков и военнослужащих. Вчерашние фронтовики чувствовали себя героями-победителями, проливавшими за страну кровь. Но они чувствовали себя обделенными благодарностью Родины. Особенно те, кто не имел семьи, образования, профессии, зато имел оружие и умел лишь убивать. Вот строки из доклад-

ной записки начальнику милиции Одессы и первому секретарю Ленинского райкома партии Одессы: «...прошу воздействовать на командиров частей, допускающих безобразие и уголовные преступления со стороны военнослужащих, так как это приняло уже массовый характер. Начальник 5 отдела милиции г. Одессы». Подобные донесения поступали из всех одесских райотделов. Понятно, что за борьбу с подобного рода криминалом отвечал именно командующий округом маршал Жуков.

По словам военного историка Николая Барбашина, методы действительно применялись жесткие: «В правоохранные структуры пришли фронтовики. Если речь шла о задержании какой-нибудь криминальной группы, то сначала стреляли, а потом говорили: “Стой, кто идет”. Для этого не надо было никакого Жукова».

Как бы то ни было, факт остается фактом: послевоенная Одесса уже далеко не та, что довоенная. А Ростов-папа наращивает свой авторитет. Свидетельство этому можно найти хотя бы в известном автобиографическом романе «Блатной» Михаила Демина, который в послевоенные годы был вором в законе. Демин описывает появление в тюремной камере нового арестанта (действие происходит в 1947 году):

«...Разлегшись на нарах и закурив, новичок представился. По всем правилам этикета. Кличка его была Гусь. Специальность – слесарь (квартирный вор). Сидел он по указу, имел 12 лет. Погорел на ночной работе в Киеве, а родом был из Ростова.

Рыжий (теперь уже вполне дружелюбно) сказал, посасывая сигарку:

– Ростовский босяк... Что ж, город это древний, благородный. Почти как наша Одесса.

– Что значит – почти? – пожал плечами Гусь. – Смешно даже сравнивать. Ростов испокон веку называют папой. Вдумайся в это слово! Папа!

– Ну, а Одесса – мать.

– В том и дело, – пробормотал Гусь, потянулся с хрустом, поправил мешок в изголовье. – В том-то и дело... Тем она и славится.

И он, позевывая, процитировал слова старинной песни:

Одесса славится блядьми,
Ростов спасает босяков,
Москва хранит святую веру,
А Севастополь – моряков».

По поводу приведенного четверостишия: не исключено, что оно действительно появилось до революции, поскольку строка про Москву известна также в варианте «Москва хранит закон Советов».

Однако в 1960-е годы Одесса-мама переживает очередной всплеск своей криминальной славы. И связано это опять-таки с активными стараниями творческой интеллигенции. Разумеется, прежде всего вспоминается Аркадий Северный (Аркадий Дмитриевич Звездин) – пожалуй, самый популярный исполнитель блатного и «одесского» шансона в 60–70-х годах прошлого века. Правда, сам Звездин к Одессе отношения не имел, а родился в городе Иваново в один год с Владимиром Высоцким. По мнению ряда исследователей, много своих песен первоначально Аркаша Северный взял из репертуара одессита Алика Фарбера (Ошмянского) – талантливого музыканта и исполнителя. Фарбер некоторое время был музыкальным руководителем Тульского цыганского ансамбля, а затем эмигрировал за границу. Увы, Фарбер не достиг популярности, сравнимой с известностью Северного, хотя, думается, заслуживал ее.

Но Аркадию Звездину повезло больше: на его творческом пути встретился ленинградец Рудольф Израилевич Фукс – собиратель уличного фольклора, поэт, бард, обладающий прекрасными организаторскими способностями. В 1972 году Фукс пишет для Северного сценарии концертов под общим названием «Программы для Госконцерта», которые сделали Аркадия Дмитриевича настоящей шансонной звездой. Ничего подобного до той поры не было: песни чередовались рассказами, байками, анекдотами о блатном мире, «ответами на вопросы» и т.д. – Фукс оказался прекрасным сценаристом. К тому же он написал немало текстов для Северного: «Скокарь», «Семь-сорок», «Прошли года» и др.

Ни один из других блатных шансонье, исполнявших «одесские» песни, в те годы не мог сравниться с Аркадием Северным по популярности. Впрочем, обретает славу и ансамбль «Братья Жемчужные», созданный Александром Кавлелашвили и Николаем Резановым в 1974 году. Несколько концертов «братья» записали вместе с Северным, а позднее и с другими авторами-исполнителями – Алексеем Черкасовым и Евгением Абдрахмановым из Зеленограда, Александром Розенбаумом, Михаилом Гулько... В альбомах почетное место отводилось «одесским» песням. Одесский репертуар был характерен и для Константина Беляева, эмигрантских певцов Алеши Димитриевича, Бориса Рубашкина, Бориса Реброва и т.д. Свой весомый вклад в копилку «одесской про-

паганды» на эстраде добавили Михаил Жванецкий, Роман Карцев, Виктор Ильченко. Их творчество было далеко от «блатной Одессы», но они способствовали возрождению живого интереса к «одесскому языку» и одесскому юмору.

Ростов-папа в этом смысле ничего противопоставить Одессе не мог. Более того: коварная «супруга» умудрилась даже умыкнуть чисто ростовскую песню:

Как открывалась ростовская пивная,
В ней собиралась компания блатная,

известную также в более позднем варианте – «На Богатынянской открылась пивная». Название изменили – «На Дерибасовской открылась пивная», а текст перекроили, включив в него «одесские» и «псевдо-непманские» атрибуты. Если «богатынянский» вариант исполнялся еще в 30-е годы прошлого века, то «дерибасовский» впервые обрел известность после исполнения Аликом Фарбером в конце 60-х годов. Затем Аркадий Северный исполнил «Дерибасовскую» в 1972 году, однако уже в следующем году Северный изменил Дерибасовскую на Богатынянскую! По сведениям исследователя уличных и блатных песен Дмитрия Петрова, который беседовал с Рудольфом Фуксом, это могло быть сделано по настоянию последнего. Фукс признался, что знал песню именно в ростовском варианте: в конце 50-х годов «на костях» вышла пластинка, где актриса Театра им. Пушкина Ольга Лебзак исполнила именно «Богатынянскую». Но, даже заменив Дерибасовскую, Фукс подсунул Северному прозаический текст, где Богатынянская была названа «одесской улицей»...

Но ростовчане охотно прощают подобные вольности. Хотя бы за другую известную песню, уже сочиненную Рудольфом Фуксом – «Вы хотите песен? Их есть у меня!» – с припевом:

Эх, Одесса, мать-Одесса,
Ростов-папа шлет привет!
Есть здесь много интереса,
Фраерам покоя нет!

Сегодня «папу» и «маму» разделила российско-украинская граница. Делить им уже нечего. Да и прежде, если честно, между одесситами и ростовчанами никогда не было споров и разногласий. Я помню свое

детство и юность: при встречах с одесситами мы радостно обнимались и всегда держались вместе – как родные. Братство крепилось с юных лет и постепенно переросло из криминального в общечеловеческое.

Да, совсем упустил из виду! Со временем в знаменитой русско-еврейской семье появилось многочисленное потомство. Причем установить точное количество детишек вряд ли представляется возможным. Ну просто какие-то дети лейтенанта Шмидта: каждый город норовит прилепиться к «сладкой парочке». Например, Самара-дочка, Тамбов-сын. Ну ладно Тамбов, там хоть тамбовские волки водятся. А Самара-то с какого перепугу? Другой вариант несколько логичнее: «Одесса-мама, Ростов-папа и Таганрог-сын». Как мы помним, Таганрог вместе с Ростовом и Одессой находился в пределах «черты оседлости», в Екатеринославской губернии, поэтому здесь, у Лукоморья, нашло приют много евреев – и евреев замечательных! Достаточно вспомнить хотя бы Фаину Георгиевну Раневскую.

Но и этим дело не ограничивается! На незалэжной Украине обнаружился еще один сынок. Он заявил о себе грозной присказкой:

*Одесса – мама, Ростов – отец,
Кто Харьков тронет, тому ни...ц!*

Впрочем, на Тихом Дону вместо Харькова называют Шахты. Но вот сынок это или дочка, науке пока определить не удалось...

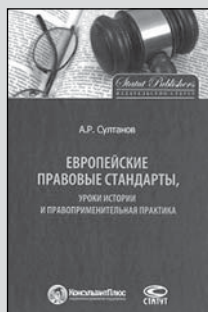
Помимо сыновей и дочерей на близость семейной паре претендуют и другие заинтересованные лица. Так, порою можно услышать следующий вариант: «Ростов – папа, Одесса – мама, а Ереван – друг семьи». Оно и понятно: многочисленная диаспора ростовских армян не могла остаться в стороне...

Все эти процессы свидетельствуют о том, что Ростов-папа и Одесса-мама до сих пор числятся в большом авторитете. И это радует. А то ведь некоторые семьи распадаются очень быстро. Помните:

*Перестройка – мать родная,
Горбачев – отец родной...
На хрен мне семья такая,
Лучше буду сиротой!*

Впрочем, совсем недавно я встретил еще одно упоминание папы и мамы. Оно выходит уже на просторы СНГ и звучит очень грустно: «Ростов – папа, Одесса – мать, а Кызыл-Орда – мать твою еб...»

И что тут скажешь? Не отчаивайся, Кызыл-Орда; может, и ты найдешь себе хорошего папу...

А.Р. Султанов.
Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика.
Предисловие А. Ковлер.
М.: Статут, 2012. 335 с.

Настоящее издание посвящено сложной правовой проблеме – применению европейских правовых стандартов. Однако, несмотря на сложность поднимаемых в ней проблем, книга читается легко, поскольку автор стремился писать простым языком, доступным даже неспециалисту. В то же время затрагиваются такие острые правовые проблемы, как место постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе, производство о признании экстремистскими информационных материалов и соблюдение правовых процедур. Исторический экскурс, возвращающий читателя к процессам Даниэля и Синявского, Джордано Бруно, Жанны д'Арк, Иисуса Христа, Сократа, позволяет ему по-новому увидеть окружающую правовую действительность.

Книга написана для самого широкого круга читателей – для всех интересующихся вопросами свободы убеждений, правами человека; она может быть полезна не только тем, кто изучает вопросы применения Европейской конвенции о защите прав человека в ходе научной работы и в рамках получения образования, но и для правоприменителей – прокуроров, судей, а также для тех, кто профессионально занимается защитой прав и свобод человека.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 01.11.2012 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная